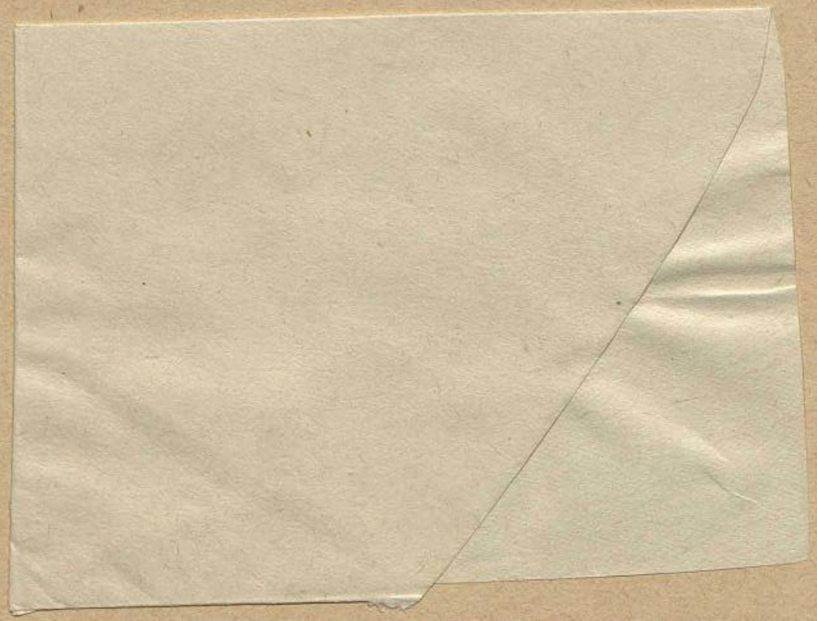
Некрасов.

Философия и логика науки о массов. проявл. человеческой деятельн.

Р 221/333



XXXIV 7
R221
II
333

Многоуважаемому Николаю Александро[illegible] Елеонскому

П. А. Некрасовъ.

ФИЛОСОФІЯ И ЛОГИКА НАУКИ

О МАССОВЫХЪ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле).

отъ автор[illegible]

40

Московская Епархіальная Библіотека

Изданіе Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.
Математическій Сборникъ. Т. XXIII.

10130

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

Р 221
333

П. А. Некрасовъ.

ФИЛОСОФІЯ И ЛОГИКА НАУКИ

О МАССОВЫХЪ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле).

МОСКОВСКАЯ ЦАРСКАЯ АКАДЕМІЯ БИБЛІОТЕКА

Изданіе Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.
Математическій Сборникъ. Т. XXIII.

Ф-28-4787
ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКОВСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

§ 1. Возможность, благодаря успѣхамъ теоріи вѣроятностей, усовершенствовать логику науки о массовой человѣческой дѣятельности.—§ 2. Позивитизмъ, какъ причина застоя этой науки, и необходимость вернуться къ идеализму Декарта, Паскаля и Лейбница.—§ 3. Необходимость причисленія теоріи вѣроятностей и опирающейся на нее логики къ основнымъ элементамъ гуманитарнаго образованія. 1

ГЛАВА I.

§ 4. Основныя понятія теоріи вѣроятностей. Стаціонарный и нестаціонарный процессы. Независимость и зависимость или вліяніе. Числовыя мѣры вліяній нестаціонарнаго и стаціонарнаго. Подраздѣленіе нестаціонарнаго процесса на стаціонарныя стадіи.—§ 5. Связь основныхъ понятій теоріи вѣроятностей съ философскими понятіями о причинѣ, вліяніи, необходимости, свободѣ и цѣли.—§ 6. Чебышевъ, какъ основатель новой теоріи среднихъ величинъ. Независимость случайныхъ явленій, какъ главное условіе примѣненія теоріи среднихъ вели чинъ. Выполненіе этого условія въ стаціонарномъ массовомъ процессѣ въ зависимости отъ большей или меньшей изолированности составляющихъ его отдѣльныхъ простыхъ процессовъ.—§ 7. Понятія о регулярности и иррегулярности естественнаго массоваго процесса по отношенію къ данному роду случайныхъ явленій. Психическій процессъ. Понятіе о степени иррегулярности. Свободонравственный массовый общественный стаціонарный процессъ. Стѣсненіе, какъ необходимая опора свободы въ массовомъ общественномъ процессѣ.—§ 8. Методы статистическій и историческій. Понятіе о прогрессѣ массоваго процесса. Прогрессъ идеалистическій и матеріалистическій.—§ 9. О сущности усовершенствованной логической схемы изслѣдованія массоваго процесса и о свободныхъ точныхъ законахъ, къ которымъ она приводитъ.—§ 10. Объ отношеніи этой схемы къ прежнимъ взглядамъ.—§ 11. О личныхъ свойствахъ наблюдателей..... 16

ГЛАВА II.

Стр.

§ 12. Сужденіе о свойствахъ массоваго процесса, относящагося къ вопросамъ о страхованіи отъ огня имуществъ. Роль изоляціи.. 47

ГЛАВА III.

§ 13. Основы точной логики индуктивныхъ наукъ. Законы точные и ихъ эмпирическія стадіи.— § 14. Призрачные эмпирическіе законы позитивистовъ.— § 15. Ошибки умозрѣнія идеалистовъ и ихъ исправленіе.— § 16. Апріорныя схемы Н. Н. Шиллера.— § 17. Силы метафизическія: хотѣніе, живое притяженіе, психика, свободная воля. — § 18. Аритмологія и монады.— § 19. Монадологическія схемы и индукція.— § 20. Значеніе теоріи вѣроятностей. Начало независимости и свободы и начало вліянія.—§ 21. О логическихъ схемахъ, относящихся къ явленіямъ физическимъ, біологическимъ и моральнымъ... 49

ГЛАВА IV.

§ 22. Выводъ точнаго закона, относящагося къ массовымъ результатамъ нестѣсненной дѣятельности свободной воли.—§ 23. Эмпирическое (статистическое) подтвержденіе этого закона. Слѣдствіе этого закона: свободная воля есть великая реальная міровая психическая сила. — § 24. Недостаточность астрономической схемы Кетле для объясненія роли свободной воли. Ошибки сужденія, основаннаго на примѣненіи позитивной логики къ вопросамъ о проявленіяхъ дѣятельности свободной воли. Взгляды на свободную волю корифеевъ точныхъ индуктивныхъ наукъ. — § 25. Умозрительныя понятія, относящіяся къ духовно-нравственнымъ силамъ. Опасности крайняго отвлеченнаго идеализма и необходимость индукціи. Идеальный реализмъ, его значеніе и выраженіе въ русской жизни и литературѣ.— § 26. Отношеніе свободной математической закономѣрности (точныхъ свободныхъ законовъ) къ нравственному закону и къ прочимъ условіямъ. Сущность науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности 67

ГЛАВА V.

§ 27. Общія критическія замѣчанія относительно основаній „соціальной физики“ Кетле. — § 28. Объ отношеніи къ схемѣ Кетле Миллевско-Вагнеровскаго направленія и о біологическихъ, экономическихъ, соціологическихъ и статистическихъ парадоксахъ, вытекшихъ изъ логической схемы Кетле. — § 29. Историческій идеализмъ и фатализмъ. — § 30. Отношеніе къ схемѣ Кетле идеализма и, между прочимъ, взглядовъ гр. Л. Н. Толстого на массовыя проявленія свободонравственной общественной жизни..... 82

ГЛАВА VI.

Стр.

§ 31. Принципъ благотворной свободы и прочія особенности логической схемы, служащей для изученія моральныхъ явленій.— § 32. Понятіе о нравственномъ законѣ. Лѣствица уровней нравственныхъ понятій и ея вершина. Гражданскіе законы. — § 33. Морально-интеллектуальныя и другія силы; психологія. — § 34. Роль ономіи.—§ 35. Организующія и разлагающія силы (внутреннія и внѣшнія); моральныя сцѣпленія. — § 36. Изолированные коллективные простые психическіе процессы: семьи, сельскія и городскія общины, сословія и пр. — § 37. Эмпирическое опредѣленіе вѣроятностей и стаціонарныхъ вліяній. — § 38. Логическія основанія точной индуктивной науки о свободѣ и вліяніи въ нравственномъ общественномъ процессѣ. Коллективная свободная воля и распространеніе на нее точнаго закона о массовыхъ нестѣсненныхъ дѣйствіяхъ свободной воли.— § 39. Частные точные законы. Числовыя характеристики. — § 40. Общая сфера нестѣсненной дѣятельности свободной воли и подраздѣленіе этой сферы на частныя сферы. Нестаціонарный массовый процессъ и вліяніе его измѣненій на сферы нестѣсненной дѣятельности свободной воли. Лѣствицы для изученія этихъ измѣненій и ихъ вліяній. Взаимодѣйствіе свободы благотворной и свободы неблаготворной. Эмпирическіе законы массоваго нестаціонарнаго процесса и возможность точныхъ законовъ этого процесса. — § 41. Конкретная благотворная свобода и свобода отвлеченная. Изоляторы, какъ фундаментъ благотворной свободы и какъ стѣсненіе противъ посягающихъ на нее. Почему отвлеченная благотворная свобода часто переходитъ въ химерическую. — § 42. Идеально-реальная благотворная свобода, ея свойства и логика ея реформы. — § 43. Національныя черты свободы и отношеніе ея къ космополитической идеѣ..... 95

ГЛАВА VII.

§ 44. Недавніе труды русскихъ теологовъ, философовъ и ученыхъ по вопросу о свободѣ воли.— § 45. Описаніе свойствъ свободной воли, какъ основной силы, дѣйствующей въ массовомъ свободонравственномъ общественномъ процессѣ. — § 46. Постулаты, опредѣляющіе характеръ этой силы.— § 47. Нѣкоторыя заключенія относительно массоваго общественнаго процесса, вытекающія изъ свойствъ этой силы. 126

ФИЛОСОФІЯ И ЛОГИКА НАУКИ О МАССОВЫХЪ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле).

П. А. Некрасова.

(Читано въ засѣданіи Московскаго Математическаго Общества 24 сентября 1903 г.)

МОСКОВСКАЯ ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ВВЕДЕНІЕ.

Возможность, благодаря успѣхамъ теоріи вѣроятностей, усовершенствовать логику науки о массовой человѣческой дѣятельности. Позитивизмъ, какъ причина застоя этой науки, и необходимость вернуться къ идеализму Декарта, Паскаля и Лейбница. Необходимость причисленія теоріи вѣроятностей и опирающейся на нее логики къ основнымъ элементамъ гуманитарнаго образованія.

§ 1. Потрудившись много надъ чисто математическими вопросами по теоріи вѣроятностей, а именно—надъ новымъ ученіемъ о вѣроятностяхъ *среднихъ величинъ*, составляющимъ основу для раскрытія въ различныхъ родахъ массовыхъ случайныхъ явленій математической закономѣрности, я хочу теперь вернуться опять къ теоріи среднихъ величинъ, но съ другою цѣлію.

По примѣру *Зюссмильха*, *Бюффона*, *Кондорсе*, *Лапласа* и *Кетле*, я хочу взглянуть на теорію вѣроятностей съ ея дисциплинами, какъ на вѣтвь *логики* точныхъ индуктивныхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ массовыми проявленіями политической, общественной и духовно-нравственной жизни людей, и предпо-

лагаю воспользоваться здѣсь успѣхами теоріи вѣроятностей, сдѣланными послѣ Кетле, для *усовершенствованія* этой логики въ соотвѣтствующихъ частяхъ. Такое усовершенствованіе сдѣлалось возможнымъ благодаря главнымъ образомъ знаменитому мемуару *П. Л. Чебышева:* «О среднихъ величинахъ».

Эта усовершенствованная логика вмѣстѣ съ философіей, на которую она опирается, проливаетъ болѣе яркій свѣтъ на философскія категоріи *необходимости, свободы, стѣсненія, причины, вліянія* и *цѣли*, устраняя ту спутанность, какая существовала во взглядахъ на свободу, свободную волю и пр., оцѣнивая напряженіе или степень вліянія числовымъ мѣриломъ, изучая стѣсненія и изоляторы, являющіеся спутниками свободы и независимости, и открывая математическую *закономѣрность* въ массовыхъ *независимыхъ* случайныхъ явленіяхъ *свободонравственнаго* человѣческаго сообщества.

Эта закономѣрность не та, которая опирается на фаталистическое дѣйствіе закона причинности, а та, которая, не противорѣча причинности, опирается однако на свободу и нравственный законъ и которую *Зюссмильхъ* удачно назвалъ «божественнымъ порядкомъ». Эту закономѣрность можно назвать еще *свободною* (связаною съ независимостью).

Въ міровомъ порядкѣ существуетъ математическая регулярность *двухъ* родовъ: *фатальная* (связанная съ необходимостью) и *свободная*. Регулярность второго рода наукою о человѣкѣ до сихъ поръ не была правильно оцѣнена.

Въ изложеніи своемъ я буду держаться элементарной формы, дабы сдѣлать эту логику болѣе доступною образованнымъ лицамъ.

Выполняя эту задачу, я встрѣтился съ необходимостью критически отнестись къ предшествующимъ изслѣдованіямъ, касающимся примѣненія теоріи вѣроятностей къ индуктивнымъ наукамъ. Эта критика оказалась необходимою потому, что въ указанныхъ примѣненіяхъ теоріи вѣроятностей господствуютъ крупныя принципіальныя заблужденія.

Эти недоразумѣнія, глубоко проникшія въ соціологическій, статистическій и историческій методы, вытекли изъ слѣдующихъ

причинъ: 1) изъ двухъ важныхъ ошибочныхъ предпосылокъ превосходной въ остальныхъ отношеніяхъ логической схемы *Кетле*, которую онъ заимствовалъ у астрономовъ и распространилъ подъ именемъ *соціальной физики* на моральныя и политическія явленія, совершающіяся въ жизни человѣческихъ сообществъ, и 2) изъ дальнѣйшихъ и болѣе крупныхъ неправильностей, внесенныхъ въ схему Кетле его послѣдователями подъ вліяніемъ логики *Стюарта Милля*.

Результатомъ этихъ недоразумѣній является въ наукѣ о массовой человѣческой дѣятельности съ одной стороны застой мысли, а съ другой произвольныя колебанія ея, выразившіяся въ различныхъ утопіяхъ, въ которыхъ основными законами общественной жизни полагаются то рабская зависимость личности отъ внѣшнихъ обстоятельствъ (либо отъ капитала, либо отъ соціалистическаго государственнаго и общественнаго строя), то анархическое своеволіе личности.

Необходимость выяснить и исправить эти недоразумѣнія осложняетъ задачу настоящаго изслѣдованія.

§ 2. Чтобы лучше понять причину и источникъ этихъ недоразумѣній, попробуемъ разъяснить, при какихъ обстоятельствахъ они сложились.

Математики, физики, астрономы, естествоиспытатели вмѣстѣ съ философами и теологами создали въ логикѣ точныхъ наукъ особый отдѣлъ, связанный съ теоріей вѣроятностей и способный проливать свѣтъ на проявленія политической, общественной и духовно-нравственной дѣятельности самого человѣка. До Кетле эта логическая дисциплина вмѣстѣ съ ея приложеніями развивалась правильнымъ, успѣшнымъ путемъ. Паскаль, Ферматъ, Яковъ Бернулли, Джонъ Граунтъ, Лейбницъ, Эдмундъ Галлей, священникъ Зюссмильхъ, Даніилъ Бернулли, Бюффонъ, Кондорсе, Лангранжъ, Лапласъ, Коши, Фурье, много другихъ предшественниковъ и современниковъ Кетле и самъ Кетле успѣшно работали надъ усовершенствованіемъ съ одной стороны математическихъ дисциплинъ и въ томъ числѣ теоріи вѣроятностей, а съ другой надъ созданіемъ точной индуктивной науки о человѣческой дѣятельности, и помогли улучшенію участи

человѣка содѣйствіемъ созданію гуманныхъ по цѣли общеполезныхъ учрежденій.

При этомъ до Кетле индуктивная наука о человѣкѣ, благодаря непорванной связи не только съ математикой, но и съ ея философіей, самыми крупными представителями которой были *Декартъ*, *Паскаль* и *Лейбницъ*, быстро переносила всякій успѣхъ теоріи вѣроятностей въ практику, находя ему надлежащее примѣненіе въ сферѣ человѣческой дѣятельности. Лейбницъ далъ своею монадологіей возможность принимать во вниманіе въ числѣ силъ *психику* особей (монадъ) и расширять предѣлы точнаго знанія въ эту важнѣйшую сторону идеализма. Эта связь точной математической логики и ея философіи съ индуктивной наукой о человѣкѣ оживляла и двигала эту науку въ такой же мѣрѣ, какъ другіе отдѣлы точной индуктивной науки.

Такъ было до Кетле, а потомъ обстоятельства существенно измѣнились. Вскорѣ идеями Кетле заинтересовались обширные образованные классы, а въ особенности историки, статистики и юристы, какъ близко стоящіе къ проявленіямъ человѣческой дѣятельности.

Это любознаніе образованныхъ классовъ удовлетворялось однако не изъ первоисточниковъ, а въ болѣе популярномъ изложеніи. *Бокль* посредствомъ своей знаменитой «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» познакомилъ съ идеями Кетле историковъ, а Берлинскій профессоръ *Адольфъ Вагнеръ* посвятилъ въ эти идеи статистиковъ и юристовъ. Къ несчастію, эти талантливые популяризаторы и ихъ многочисленные послѣдователи, мало знакомые съ подходящими къ дѣлу философіей и логикою (какими были философія Декарта, Паскаля и Лейбница и теорія вѣроятностей), увлеклись позитивною логикой съ ея философіей.

Эта послѣдняя логика—по преимуществу діалектико-эмпирическая, созданная лицами, не владѣвшими математическимъ умозрѣніемъ и избѣгавшими его. Она чрезмѣрно налегала на эмпирическую сторону, не умѣя облечь свои сырые фактическіе матеріалы въ точную форму, а при попыткахъ объединенія часто отвергала самыя главныя силы и возводила въ роль главныхъ факторовъ условія внѣшняго сходства и второстепенныя обстоятельства.

Чтобы увидать ту пропасть, которая послѣ такого разрыва стала отдѣлять прежнее направленіе индуктивной науки о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности отъ новаго, достаточно сказать, что ранѣе *Стюарта Милля* позитивизмъ не пользовался теоріей вѣроятностей и въ лицѣ *Огюста Конта* возставалъ противъ подобныхъ математическихъ дисциплинъ, а затѣмъ и Милль сначала совсѣмъ исключилъ теорію вѣроятностей изъ своей «Системы логики», причисливъ ее къ заблужденіямъ, и лишь потомъ (въ позднѣйшемъ изданіи) допустилъ ея обрывки, а его послѣдователи пошли далѣе, воспользовавшись трудами Кетле. Но это, конечно, не могло поправить сущности дѣла вслѣдствіе глубочайшей философской разности прежняго и новаго направленія.

Съ своей философской точки зрѣнія Стюартъ Милль и его предшественники были болѣе правы тогда, когда они вовсе исключали изъ своей системы философіи и логики теорію вѣроятностей, такъ какъ эта послѣдняя дисциплина нужна была не для позитивизма, а для философскаго идеализма, воодушевлявшаго Паскаля, Лейбница, Бюффона, Зюссмильха, Кондорсе, Лапласа, Кетле и другихъ. Этимъ идеалистамъ теорія вѣроятностей открывала вѣрный путь включить въ кругъ точной индуктивной науки понятія, относящіяся къ философскимъ категоріямъ *причины*, *вліянія*, *свободы*, *необходимости* и *цѣли*, съ которыми неразрывно связано существо человѣка. При разсмотрѣніи этихъ великихъ философскихъ категорій названные идеалисты, имѣя математическое мѣрило, затрогивали и нѣкоторыя предѣльныя понятія, относящіяся одновременно къ области философіи и религіи и не получаемыя посредствомъ эмпирическихъ критеріевъ. Позитивизмъ же, исключивъ разъ навсегда изъ своей области эти метафизическія понятія, кромѣ категорій причины и необходимости, и понявъ законъ достаточныхъ основаній Лейбница или, иначе, законъ причинности Лапласа не какъ форму познаванія, совмѣстимую со *свободною волею*, а какъ фатализмъ, нисколько не нуждался въ такой дисциплинѣ, какъ теорія вѣроятностей *).

*) Въ этомъ отношеніи болѣе послѣдовательно *Спенсеровское* направленіе позитивизма, которое и до сихъ поръ игнорируетъ теорію вѣроятно-

Въ результатѣ этого разрыва связи индуктивной науки о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности съ прежнимъ идеалистическимъ направленіемъ произошло слѣдующее. Теорія вѣроятностей и тѣ ея апріорныя схемы, которыя могли бы послужить съ пользою для успѣховъ точной индуктивной науки о человѣкѣ, сдѣлали послѣ Кетле дальнѣйшіе крупные шаги; но эти результаты, извѣстные лишь ограниченному кругу математиковъ, около полустолѣтія почти не получаютъ примѣненія въ наукѣ о человѣкѣ. Въ то же самое время въ наукѣ о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности и въ ея примѣненіяхъ къ жизни производится обширная и энергичная работа-ломка, полная горячаго увлеченія, но не только не всегда производительная, а подчасъ прямо даже вредная, какъ опирающаяся на ошибочныя предпосылки и ведущая къ утопіямъ. Въ этой кипучей работѣ посылки соціальной физики Кетле приняты безъ надлежащей критики, такъ что ни одной существенной ошибки въ воззрѣніяхъ Кетле не было исправлено; всѣ эти воззрѣнія даже ломались съ другою цѣлію: они облекались въ позитивную окраску, съ которою Кетле, ученикъ Лапласа и сторонникъ философскаго идеализма, не имѣлъ ничего общаго; на выводы наклеивались позитивистскіе ярлыки; подысканъ для Кетле предшественникъ въ лицѣ *Огюста Конта*, не смотря на то, что «соціальная физика» Кетле и соціологія Конта исходили изъ существенно различныхъ философскихъ и логическихъ основъ. Въ такомъ противоестественномъ сочетаніи наука о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности распространилась въ широкихъ образованныхъ кругахъ историковъ и юристовъ и привела болѣе довѣрчивыхъ къ увлеченіямъ утопіями, а болѣе скептичныхъ къ чувству разочарованія вслѣдствіе явныхъ практическихъ неудачъ и научнаго застоя.

Недавно, подводя вполнѣ сочувственные позитивной наукѣ объ обществѣ итоги ея результатовъ, *Н. Рейхесбергъ*, послѣ-

---

стей и „соціальную физику“ Кетле, выводя свою соціологію изъ эволюціоннаго принципа.

дователь Кетле и убѣжденный позитивистъ *), изобразилъ въ сущности ея застой. Ранѣе профессоръ *Янсонъ*, также убѣжденный позитивистъ, высказалъ **) слѣдующую вѣрную мысль: «Послѣ Кетле творческая дѣятельность въ области статистики, можно сказать, остановилась. Вмѣсто разрѣшенія разныхъ отвлеченныхъ вопросовъ о сущности, предметѣ и методѣ статистики, ученые принялись за разработку ежедневно накопляющагося и огромнаго статистическаго матеріала. Эта разработка сосредоточилась на частныхъ, спеціальныхъ вопросахъ, выдвигаемыхъ вновь появляющимися наблюденіями надъ явленіями общественными, разработка кропотливая, мало благодарная». Вся тяжкая работа эта сводится къ накопленію и классификаціи фактическаго матеріала для «величественнаго архитектурнаго зданія науки объ обществѣ»; но плана этого зданія никто не знаетъ. «Скоро-ли—говоритъ проф. Янсонъ — завершится работа, скоро-ли явится тотъ геніальный умъ, который будетъ въ состояніи обнять однимъ взглядомъ всю массу фактовъ, изслѣдованій и выводовъ—не наше дѣло». Такимъ образомъ, интереснѣйшая изъ индуктивныхъ наукъ закопала себя въ сыромъ эмпирическомъ матеріалѣ, собираемомъ по невсегда пригодной схемѣ и истолковываемомъ на основаніи неподходящихъ логическихъ и философскихъ основъ, и зашла въ такія непроходимыя дебри, изъ которыхъ ея представители уже не видятъ выхода безъ появленія новаго геніальнаго ума.

Но чтобы вывести индуктивную науку о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности изъ ея настоящаго ненормальнаго состоянія, необходимо прежде всего вернуться къ *старымъ* геніальнымъ умамъ и направить эту науку по намѣченнымъ ими вѣрнымъ тропамъ, а затѣмъ уже расчищать для нея по этимъ слѣдамъ болѣе широкій путь. Это значитъ, что въ философскихъ основаніяхъ своихъ наука о человѣкѣ должна, отказавшись навсегда

---

*) *Н. Рейхесбергъ*: „Статистика и наука объ обществѣ". Переводъ съ нѣмецкаго *А. Струве*. Спб. 1898.

**) *Янсонъ*: „Теорія статистики", стр. 32. Спб. 1891.

отъ узкости позитивизма*), вернуться къ идеализму Кетле и его

*) Въ критикѣ позитивизма нѣтъ уже никакой необходимости, такъ какъ она выполнена всесторонне. Въ русской литературѣ можно указать на замѣчательную диссертацію *Владиміра Соловьева*: „Кризисъ западной философіи“ (Спб. 1874). Профессоръ *В. Я. Цингеръ* въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Московскомъ Политехническомъ Музеѣ, раскрылъ неудовлетворительныя стороны позитивизма съ точки зрѣнія логики математики, показавъ, между прочимъ, на нѣсколькихъ примѣрахъ, что разсужденія въ „Системѣ логики“ Стюарта Милля часто оказываются такою игрою словъ, изъ которой, смотря по обстоятельствамъ, можно вывести и ложь и истину. Одинъ изъ такихъ примѣровъ приведенъ *П. В. Преображенскимъ* въ статьѣ: „По поводу брошюры о пріемахъ научной разработки статистическихъ данныхъ“ (Труды Отдѣленія Физическихъ Наукъ Императ. Общества Любителей Естествознанія, т. IV. Москва. 1891). Бывшій Дерптскій профессоръ *А. Ф. Эттингенъ* (теологъ) въ сочиненіи: „Moralstatistik und die christliche Sittenlehre“ указываетъ на злоупотребленія въ статистикѣ, имѣющія источникомъ позитивистское увлеченіе большимъ числомъ, какъ единственнымъ условіемъ примѣненія статистическаго метода. Ниже мы увидимъ, что даже *эмпирическіе законы* позитивизма часто оказываются призрачными.

Въ Германіи, этой странѣ философовъ, позитивизмъ встрѣчаетъ въ огромномъ большинствѣ оцѣнку настолько отрицательную, что объ немъ въ философскихъ обозрѣніяхъ можно встрѣтить презрительные отзывы, а чаще онъ игнорируется также, какъ и родственная ему схоластика.

Если здѣсь приходится вновь обращать вниманіе на позитивизмъ, превратившійся на почвѣ политической экономіи и исторіи въ особый соціологическій матеріализмъ или фатализмъ, то по практическимъ соображеніямъ, такъ какъ нашу русскую литературу по политической экономіи и статистикѣ и наши статистическія учрежденія переполняютъ послѣдователи *Адольфа Вагнера*, который передѣлалъ статистику Кетле на позитивный ладъ. А. Вагнеръ говоритъ: „Въ общемъ изложеніи теоріи, до терминологіи включительно, я по возможности тѣсно примыкаю къ взглядамъ *Дж. Ст. Милля*, изложеннымъ въ его „Системѣ дедуктивной и индуктивной логики“, произведеніи, которому я со столькими другими многимъ обязанъ и которое, какъ бы ни презирали его наши философы, оказало неоцѣнимыя услуги методологіи наукъ естественныхъ и психологіи, какъ наукъ эмпирическихъ“ (См. „Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе“; переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ дополненіями проф. *Янсона*. Спб. 1879, стр. 126). Это преклоненіе предъ логикою Стюарта Милля перешло къ русскимъ послѣдователямъ А. Вагнера.

вышеуказанныхъ предшественниковъ, выразившемуся полнѣе всего въ философіи Декарта, Паскаля и Лейбница, и вмѣстѣ съ тѣмъ

Нужно очень осмотрительно относиться къ характеристикамъ взглядовъ Лапласа и Кетле, прошедшихъ чрезъ цензуру позитивистовъ, которая выполнялась ими съ большимъ увлеченіемъ. При первомъ знакомствѣ съ трудами статистиковъ позитивной школы знающій взгляды Лапласа и Кетле изъ первоисточниковъ (эти взгляды опирались, какъ сказано, на идеалистическую философію) бываетъ очень пораженъ тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые тексты, поставленные даже въ ковычкахъ и приписанные Лапласу и Кетле, передѣланы въ изложеніи позитивистовъ и отступаютъ отъ подлинника въ существенныхъ частяхъ, такъ что авторитетами этихъ именъ подкрѣплены не подлинныя ихъ мысли, а передѣланныя на позитивный ладъ. Такъ, въ книгѣ проф. *Янсона* „Теорія статистики“ (Спб., 1891) на стр. 28 находимъ текстъ (въ переводѣ), приписанный Кетле, но не сходящійся по своему содержанію съ подлинникомъ. По подобнымъ передѣлкамъ читатель можетъ подумать, что Лапласъ былъ отрицатель духа и Кетле ярый позитивистъ, не допускавшій воли Творца въ явленіяхъ своей соціальной физики. *Передѣланный* Кетле объединяется съ *Контомъ* и противополагается священнику *Зюссмильху*, отцу численной статистики, автору „Божественнаго порядка“. Между тѣмъ Кетле и Зюссмильхъ вполнѣ однородны по философскимъ взглядамъ; напротивъ, по философскому міровоззрѣнію нужно противополагать другъ другу Кетле и Конта. Все это создало ходячее ошибочное мнѣніе, что д'Аламберъ, Кондорсе, Лагранжъ и Лапласъ были предтечами позитивизма. Это вѣрно развѣ лишь въ смыслѣ упадка точной логики и точной индуктивной науки, которая такъ высоко поднята была этими великими французскими математиками и пошла потомъ на убыль у Конта и его послѣдователей.

Не надо забывать, что по самому происхожденію своему позитивизмъ есть чистѣйшій компромиссъ, покровительствуемый англійскими теологами, которые этимъ путемъ (съ чисто англійскою практичностью) разграничили области религіи и науки. Контъ и англійскіе позитивисты этимъ способомъ хотѣли разъ навсегда отдѣлить науку, основанную на наблюденіи фактовъ, отъ политическаго искусства, религіи и революціонныхъ идей. Туманную „эволюцію“ они понимаютъ мистически, покрывая ею весь идеализмъ религіи и метафизики, оставленный за чертою области позитивной науки. Эта практическая тенденція раздѣленія двухъ областей, живущихъ въ душѣ человѣка нераздѣльно, не только не логична, но и не достигла своихъ цѣлей, такъ какъ самъ позитивизмъ не воздержался отъ вмѣшательства въ политику и религію.

Нужно отдать полную справедливость лексическому богатству въ сочиненіяхъ позитивистовъ; но эта діалектическая сторона способна вводить

должна всецѣло обратиться къ той логической дисциплинѣ, которую создали предшественники Кетле подъ именемъ теоріи вѣроятностей, предназначивъ ее главнымъ образомъ для построенія точной логики индуктивной науки о массовыхъ проявленіяхъ моральной, общественной и политической дѣятельности человѣчества.

Такое возвращеніе на прежній путь вмѣстѣ съ расширеніемъ этого пути, которое возможно благодаря новымъ успѣхамъ теоріи вѣроятностей, будетъ имѣть результатомъ своимъ болѣе успѣшное научное рѣшеніе многихъ практическихъ проблемъ о человѣкѣ, связанныхъ съ изученіемъ наглядныхъ, доступныхъ наблюденію массовыхъ проявленій, кои совершаются въ великой ретортѣ историческихъ и политическихъ судебъ человѣчества. Этотъ опирающійся на широкій идеализмъ успѣхъ индуктивной науки о человѣкѣ будетъ, безъ сомнѣнія, столь же великъ, какъ успѣхъ физики. Послѣдняя сдѣлала величайшіе шаги, опираясь не на позитивную логику съ ея философіей, а на точную, которая дозволяетъ широко пользоваться неизвѣданными по ихъ сущности понятіями о «невѣсомыхъ средахъ», «векторахъ», «волнахъ», «лучахъ» и пр.,—понятіями, въ которыхъ таинственно все, кромѣ совершенно опредѣленной (точной) количественной и пространственной формы и возможности схватить органами чувствъ нѣкоторыя послѣдствія дѣятельности этихъ непонятныхъ причинъ.

Но при изученіи проявленій человѣческой дѣятельности наука неизбѣжно сталкивается съ религіей, какъ силой, могущественно вліяющей на судьбы человѣка. Здѣсь-то и происходитъ борьба между позитивною наукой и религіей. А старый Декар-

---

въ различныя недоразумѣнія при употребленіи аналогичныхъ терминовъ авторами, не принадлежащими къ послѣдователямъ позитивизма. Ниже мы, напримѣръ, вынуждены брать удобный терминъ: дедуктивно-индуктивный методъ; но дедукцію мы понимаемъ не въ Бэконовско-Миллевскомъ, а въ Декартовскомъ смыслѣ. Точно также слова: біологическій, соціологическій и т. п. мы понимаемъ не въ позитивистскомъ смыслѣ, а такъ, какъ поняли бы этотъ лексическій матеріалъ Лейбницъ и Бюффонъ, если бы эти термины существовали въ ихъ время.

товско-Лейбницевскій путь философскаго идеализма и здѣсь оказывается болѣе широкимъ, на которомъ наука и нравственное ученіе религіи идутъ рядомъ, не только не сталкиваясь, но дополняя другъ друга въ стремленіи къ истинѣ и помогая другъ другу при томъ, конечно, условіи, если представители религіи и науки не свертываютъ съ истиннаго пути на путь заблужденія. Точная логика, опирающаяся на философскій идеализмъ и на теорію вѣроятностей, въ вопросахъ о морали вводитъ въ свои схемы понятія не только эмпирическія, но и предѣльныя, недоступныя эмпиризму (напримѣръ, понятіе о нравственномъ законѣ), провѣряя эти схемы индуктивно, т. е. наблюденіемъ историческимъ и статистическимъ.

Замѣчательно то, что эта индуктивная повѣрка, если ее выполнять безъ тенденціи и строго логично, никогда и нигдѣ не обнаруживала противорѣчій между дѣйствительностію, точной наукой и нравственнымъ ученіемъ религіи. Вотъ почему всѣ вышеуказанные предшественники Кетле и самъ Кетле были глубоко убѣждены въ томъ, что принадлежащія къ категоріи нравственнаго закона основныя понятія, разсматриваемыя одновременно въ религіи и въ наукѣ, могутъ быть слиты во едино и что наука о моральныхъ проявленіяхъ въ жизни человѣческихъ сообществъ должна брать для своей логической схемы понятіе о нравственномъ законѣ, почерпнутое, кромѣ внутренняго голоса совѣсти, изъ откровенія. Напротивъ, позитивизмъ, сведя соотвѣтствующую часть своей логической схемы для построенія индуктивной науки о моральныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности къ «философской необходимости» и устранивъ изъ разсмотрѣнія категорію реальной свободы, впалъ въ явное противорѣчіе съ дѣйствительностію; а если онъ усмотрѣлъ въ статистикѣ моральныхъ явленій доказательство отсутствія свободной воли у человѣка, то и здѣсь онъ, какъ увидимъ, впалъ въ недоразумѣніе.

Много трудятся надъ выясненіемъ этихъ трансцедентныхъ проблемъ физики, химики, физіологи, психофизіологи и психіатры. Конечно, они помогаютъ дѣлу; но то, что они нашли въ своихъ экспериментахъ, не даетъ возможности получить

общее безповоротное рѣшеніе трансцедентныхъ вопросовъ, говорящее противъ идеализма, метафизики и религіи. Ихъ труды притомъ слишкомъ спеціальны для такого рѣшенія и могутъ эмпирически освѣтить лишь нѣкоторыя важныя свойства человѣка, представляющія не болѣе, какъ вспомогательный матеріалъ для тѣхъ, кто изучаетъ человѣчество въ указанной выше великой ретортѣ, гдѣ человѣкъ и его душа отливаются во весь свой ростъ.

Философія, точная индуктивная наука и религія имѣютъ такимъ образомъ въ массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности общее, ихъ объединяющее поле. Вотъ почему не только философія и религія, но и точная индуктивная наука о человѣкѣ испытывали одинаковый гнетъ отъ позитивизма, который и долженъ быть самымъ рѣшительнымъ образомъ исключенъ изъ философіи и науки о человѣкѣ.

Этими замѣчаніями мы и закончимъ нашъ взглядъ на позитивизмъ, представляющій со своими узкими философскими и логическими воззрѣніями крупный тормазъ для всѣхъ вообще точныхъ индуктивныхъ наукъ, каковы бы ни были его претензіи на связь съ этими науками.

Что же касается недоразумѣній, вытекшихъ изъ логической схемы, данной въ «соціальной физикѣ» Кетле, то схема эта въ ея философскихъ основаніяхъ широка и чужда той путаницы понятій, которая принадлежитъ позитивизму. Эта схема правильно оцѣнивала самую сущность философскихъ категорій *причины*, *свободы* и *цѣли* и породила недоразумѣнія лишь ошибочными предпосылками, спутавшими правильную оцѣнку *взаимнаго отношенія* философскихъ категорій причины и свободы. Ошибочныя предпосылки «соціальной физики» Кетле разбираются по существу въ послѣдующемъ изложеніи (см. главы III и IV). Въ индуктивныхъ наукахъ подобныя ошибочныя предпосылки могутъ очень часто встрѣчаться безъ вреда для хода научной мысли, такъ какъ онѣ-то и исправляются *индуктивно*, т. е. *наблюденіемъ*, если, конечно, при этомъ не измѣнять правиламъ *точной* логики. Сколько такихъ ошибочныхъ предпосылокъ дѣлалось, напримѣръ, въ физическихъ теоріяхъ свѣта, теплоты и электричества,

трудно и сосчитать, но благодаря индуктивной повѣркѣ, опирающейся на точную логику, эти ошибки мысли бывали лишь толчками бодраго шествія физики впередъ и впередъ.

Къ сожалѣнію, въ наукѣ о человѣческой дѣятельности, какъ мы видѣли, люди легко измѣняютъ точной логикѣ. Наука эта болѣе другихъ индуктивныхъ наукъ находится подъ вліяніемъ человѣческихъ страстей, и въ ней для познающаго духа болѣе всего нужна нравственно-интеллектуальная сила, чтобы противодѣйствовать призракамъ, вызываемымъ этими страстями.

§ 3. Пытаясь настоящимъ краткимъ очеркомъ вернуть науку о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности на старый путь точной логики, я не надѣюсь однако на то, чтобы пропаганда этой логики по отношенію къ наукѣ о человѣческой дѣятельности имѣла успѣхъ въ близкомъ будущемъ, и это потому, что сложились крайне неблагопріятно всѣ условія. Эти условія создаютъ то, что лишь немногія отдѣльныя лица владѣютъ этою логикою, — но и эти лица большею частію математики, не стоящіе въ ряду работниковъ по исторической и юридической наукѣ и государствовѣдѣнію *).

При этомъ вся система школьнаго образованія способна поддержать скорѣе логику позитивную, чѣмъ точную. Къ такому положенію приводитъ прежде всего программа среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ ученикамъ предлагаются лишь логическія дисциплины частію діалектическія, частію такія математическія, которыя служатъ къ выработкѣ логической схемы, соотвѣтствующей главнымъ образомъ лишь матеріалистическому міровоззрѣнію. Сочетаніе этихъ двухъ дисциплинъ соотвѣтствуетъ уровню только позитивной логики, такъ какъ *гуманитарная* вѣтвь математическихъ дисциплинъ, теорія вѣроятностей, оказывается пропущенною,—и тѣмъ молодымъ людямъ, кои избираютъ себѣ высшее юридическое или историческое образованіе, приходится

*) На заблужденія и утопіи, зависящія отъ неправильнаго примѣненія законовъ массовыхъ случайныхъ явленій, я обращалъ вниманіе моихъ слушателей въ лекціяхъ по теоріи вѣроятностей (см. мою „Теорію вѣроятностей“, стр. 51—52. Москва. 1896). Къ сожалѣнію, слушателями моими были лишь математики, а не юристы и историки.

опираться лишь на неподходящій для нихъ обрывокъ логики. Можно сказать, что въ этой подготовкѣ къ серьезному гуманитарному научному образованію не достаетъ крыши. По этому было бы крупнымъ шагомъ впередъ на пути научнаго образованія, если бы логическая дисциплина, опирающаяся на основныя понятія и посылки теоріи вѣроятностей, и даже вся теорія вѣроятностей въ элементарномъ изложеніи (что, благодаря Чебышеву, стало вполнѣ возможнымъ) вошли въ программу средней школы, подготовляющей къ высшему образованію.

Мысль о необходимости этой логической дисциплины для правильнаго общественнаго образованія не новая: ее высказывали Кондорсе, Лапласъ, Кетле и другіе. Противъ узкости и ограниченности научнаго и философскаго взгляда нѣтъ лучшаго средства, какъ усовершенствованіе системы образованія.

Напомнимъ, напримѣръ, то, что около ста лѣтъ тому назадъ сказалъ по этому поводу *Лапласъ* *). «Теорія вѣроятностей въ сущности есть не иное что, какъ здравый смыслъ, переложенный на счеты: она доставляетъ средства опредѣлить съ точностью то, что вѣрный умъ постигаетъ по инстинкту, не давая себѣ часто сознательнаго отчета. Если принять во вниманіе аналитическіе методы, которымъ эта теорія дала происхожденіе, истину началъ, на которыхъ она основана, тонкую и остроумную логику, которую она примѣняетъ при рѣшеніи своихъ задачъ, общеполезныя учрежденія, которыя на нее опираются, и развитіе, которое она получила и можетъ получить еще въ своемъ приложеніи къ важнѣйшимъ вопросамъ натуральной философіи и моральныхъ знаній; если замѣтить наконецъ, что даже въ предметахъ, не подлежащихъ исчисленію, она приводитъ къ наиболѣе надежнымъ взглядамъ, которые могутъ руководить насъ въ нашихъ сужденіяхъ, и что она научаетъ насъ предохранять себя отъ иллюзій, которыя часто вводятъ насъ въ заблужденіе, то мы увидимъ, что нѣтъ научнаго знанія болѣе

---

*) *Laplace:* „Théorie analytique des probabilités“ (въ концѣ „Introduction“), а также „Essai philosophique sur les probabilités“.

достойнаго нашихъ размышленій и болѣе полезнаго для введенія въ систему общественнаго образованія».

То, что говорилъ Лапласъ, остается вѣрнымъ и теперь, а застой науки о человѣкѣ и уклоненія ея въ сторону утопій еще болѣе подтверждаютъ это. Преимущества логики, опирающейся на теорію вѣроятностей, въ томъ, что она не расходится съ здравымъ смысломъ.

Опирающаяся на эту математическую дисциплину логика вмѣстѣ съ ея философіей можетъ достигнуть двухъ цѣлей: 1) вернуть науку о человѣкѣ и ея преподаваніе на вѣрный путь, отъ котораго наука въ лицѣ нѣкоторыхъ ея представителей уклонилась, породивъ умственныя и нравственныя колебанія, и 2) предохранить тотъ слой общества, который участвуетъ въ практическомъ управленіи и реформахъ государственной и общественной жизни, отъ опасной склонности направлять эту дѣятельность подъ вліяніемъ отвлеченностей, то эмпирическихъ, то идеалистическихъ, забывая тотъ единственно вѣрный практическій путь, который исходитъ изъ идеализма, согласованнаго съ конкретною дѣйствительностію посредствомъ тщательной индукціи.

Переходя къ изложенію усовершенствованной логической схемы изслѣдованія массовыхъ процессовъ, которымъ свойственны случайныя явленія, мы будемъ пользоваться выводами не только западной науки и философіи, но и русской. Слѣдуетъ при этомъ сказать, что наше изслѣдованіе облегчено особенно трудами русскихъ ученыхъ и философовъ, которые въ разбросанныхъ по различнымъ изданіямъ статьяхъ совершили общими усиліями безшумную, но важную научно-философскую работу.

ГЛАВА I.

Основныя понятія теоріи вѣроятностей. Стаціонарный и нестаціонарный процессы. Независимость и зависимость или вліяніе. Числовыя мѣры вліяній нестаціонарнаго и стаціонарнаго. Подраздѣленіе нестаціонарнаго процесса на стаціонарныя стадіи. Связь основныхъ понятій теоріи вѣроятностей съ философскими понятіями о причинѣ, вліяніи, необходимости, свободѣ и цѣли. Чебышевъ, какъ основатель новой теоріи среднихъ величинъ. Независимость случайныхъ явленій, какъ главное условіе примѣненія теоріи среднихъ величинъ. Выполненіе этого условія въ стаціонарномъ массовомъ процессѣ въ зависимости отъ большей или меньшей изолированности составляющихъ его отдѣльныхъ простыхъ процессовъ. Понятія о регулярности и иррегулярности естественнаго массоваго процесса по отношенію къ данному роду случайныхъ явленій. Психическій процессъ. Понятіе о степени иррегулярности. Свободонравственный массовый общественный стаціонарный процессъ. Стѣсненіе, какъ необходимая опора свободы въ массовомъ общественномъ процессѣ. Методы статистическій и историческій. Понятіе о прогрессѣ массоваго процесса. Прогрессъ идеалистическій и матеріалистическій. О сущности усовершенствованной логической схемы изслѣдованія массоваго процесса и о свободныхъ точныхъ законахъ, къ которымъ она приводитъ. Объ отношеніи этой схемы къ прежнимъ взглядамъ. О личныхъ свойствахъ наблюдателей.

§ 4. Въ послѣдующемъ изложеніи намъ не нужно будетъ входить въ спеціальныя подробности изложенія теоріи вѣроятностей и теоріи среднихъ величинъ. Ниже намъ потребуются изъ этихъ теорій лишь нѣкоторыя вполнѣ элементарныя основныя по-

нятія, связанныя съ категоріями *причины, необходимости, свободы* (независимости), *стѣсненія* (изоляціи), *вліянія* или *зависимости* и *цѣли* и необходимыя для пониманія излагаемыхъ здѣсь выводовъ.

Къ такимъ понятіямъ принадлежитъ прежде всего понятіе о вѣроятности случайнаго явленія. Вѣроятность случайнаго явленія A опредѣляется на основаніи разсмотрѣнія всѣхъ случаевъ (шансовъ), могущихъ имѣть мѣсто въ томъ данномъ процессѣ, въ которомъ должно осуществиться или не осуществиться случайное явленіе A. Если такихъ случаевъ насчитывается m, если всѣ они равновозможны и несовмѣстимы въ данномъ процессѣ и если изъ нихъ n случаевъ неизбѣжно ведутъ къ осуществленію явленія A (какъ *причины* ведутъ къ *слѣдствію*), а прочіе $m-n$ случаевъ ведутъ къ неосуществленію его, то вѣроятность явленія A опредѣляется дробнымъ числомъ $\frac{n}{m}$. Такъ, если въ урнѣ имѣется m шаровъ, изъ которыхъ n шаровъ бѣлые, а остальные черные, и если изъ этой урны извлекается на удачу одинъ шаръ, то вѣроятность появленія бѣлаго шара представится числомъ $\frac{n}{m}$.

Другое основное понятіе, играющее важную роль, есть особое понятіе о *независимости* случайныхъ явленій, устанавливаемое въ теоріи вѣроятностей. *Два случайныхъ явленія A и B называются независимыми одно относительно другого, если вѣроятность осуществленія одного изъ нихъ не способна измѣняться a posteriori по удостовѣреніи осуществленія другаго явленія.* Такъ, при бросаніи на удачу двухъ монетъ вскрытія орла на той и на другой монетѣ будутъ двумя независимыми явленіями. Точно также въ обстоятельствахъ жизни двухъ лицъ могутъ быть не мало явленій независимыхъ: смерти того и другого лица въ данный срокъ будутъ, напримѣръ, вообще явленіями независимыми.

Примѣромъ *зависимыхъ* случайныхъ явленій могутъ служить пожары въ двухъ сосѣднихъ домахъ, если дома эти недостаточно хорошо изолированы отъ перехода огня съ одного дома на другой. Точно также заболѣванія двухъ лицъ, бывшихъ въ

соприкосновеніи, кантагіозно-заразною болѣзнью будутъ зависимыми случайными явленіями. Требованіе съ угрозой и исполненіе этого требованія, подстрекательство къ преступленію подкупомъ или уговоромъ и совершеніе преступленія, братская или товарищеская просьба и ея исполненіе, приказаніе начальника и исполненіе этого приказанія, наставленіе учителя и поведеніе ученика—все это суть явленія попарно зависимыя.

Зависимость одного изъ двухъ случайныхъ явленій отъ другого иначе будемъ называть *вліяніемъ* второго на первое.

Характеръ зависимости (вліянія), какъ показываютъ вышеприведенные примѣры, весьма различенъ. Въ этихъ примѣрахъ мы видимъ зависимость *физическую, физіологическую, психофизіологическую* и, наконецъ, *духовно-нравственную*.

Въ двухъ *зависимыхъ* случайныхъ явленіяхъ A и B можно различать *степень* взаимной зависимости, считая эти явленія болѣе или менѣе зависимыми, смотря по болѣе или менѣе значительному измѣненію вѣроятности одного изъ нихъ a posteriori послѣ удостовѣренія осуществленія другаго. (Числовое мѣрило этой зависимости укажемъ ниже). Если это измѣненіе *весьма мало*, то явленія A и B будемъ называть *весьма мало зависимыми* или *почти независимыми*.

Вышеуказанныя понятія о независимости случайныхъ явленій A и B и о зависимости ихъ установлены съ точки зрѣнія лишь мыслимой возможности осуществленія одного изъ нихъ и въ предположеніи, что таковаго осуществленія въ дѣйствительности не имѣется. При этихъ чисто умозрительныхъ операціяхъ въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто предположеніе *постоянства* доступныхъ познающему уму достовѣрныхъ *условій* того процесса, къ которому принадлежатъ случайныя явленія A и B. Процессъ этотъ будемъ называть *стаціонарнымъ*. При такихъ обстоятельствахъ самую зависимость (вліяніе) случайныхъ явленій A и B будемъ называть *стаціонарною*. А если эти явленія A и B взаимно независимы, то и эту независимость будемъ называть стаціонарною.

Если по отношенію къ данному процессу дѣйствительно (а не умозрительно) удостовѣрено осуществленіе одного изъ

случайныхъ явленій A и B, то переоцѣнка по этой причинѣ вѣроятности другого явленія вытекаетъ лишь изъ присоединенія къ прежнимъ достовѣрнымъ условіямъ новаго достовѣрнаго факта и изъ произшедшей отсюда нѣкоторой перемѣны *субъективнаго* состоянія *познающаго ума*.

Стаціонарная зависимость и стаціонарная независимость могутъ принадлежать къ *состоянію* познаваемаго человѣка и въ такомъ случаѣ могутъ живо имъ ощущаться. Здравомыслящій человѣкъ сообразуетъ свое поведеніе съ подобными состояніями. При этомъ человѣкъ, чувствующій свою зависимость отъ данныхъ обстоятельствъ, способенъ подъ впечатлѣніемъ свѣдѣній, полученныхъ относительно этихъ обстоятельствъ, переживать переоцѣнку своего состоянія, связанную въ сущности съ безсознательною переоцѣнкою вѣроятностей. Если, напримѣръ, человѣкъ гуляетъ въ лѣсу и испытываетъ спокойное состояніе личной безопасности, то лишь до тѣхъ поръ, пока онъ увѣренъ въ этой безопасности; но это состояніе его немедленно измѣняется, если онъ узнаетъ объ опасности и даже если онъ только заподозритъ опасность. Точно также рабъ чувствуетъ стаціонарную зависимость отъ господина, преступникъ переживаетъ стаціонарную зависимость отъ суда, отъ полиціи и пр.

Въ причинѣ субъективной переоцѣнки вѣроятности одного изъ двухъ случайныхъ явленій A и B при удостовѣреніи другого явленія есть, слѣдовательно, важная *объективная* сторона: въ этой переоцѣнкѣ отражается объективно существующее *взаимное отношеніе* явленій A и B въ стаціонарномъ процессѣ. Поэтому, не смотря и на субъективную сторону, и на умозрительность сужденій познающаго ума о взаимной *стаціонарной* зависимости и *стаціонарной* независимости случайныхъ явленій, эти понятія играютъ важную роль въ пониманіи конкретной дѣйствительности и въ выраженіи точныхъ законовъ, имѣющихъ непреложное значеніе.

Умозрительно допускаемый элементъ въ сужденіяхъ познающаго ума иногда изъ потенціональнаго состоянія переходитъ въ конкретную дѣйствительность. Иначе говоря, въ естественномъ ходѣ вещей *условія* каждаго процесса, достовѣрно извѣ-

стныя познающему уму, съ теченіемъ времени и обстоятельствъ могутъ не умозрительно, а *объективно* измѣняться, нарастая въ ту или другую сторону и вліяя на вѣроятности свойственныхъ процессу случайныхъ явленій, подлежащія переоцѣнкѣ. Такой процессъ назовемъ *нестаціонарнымъ*. Если B есть явленіе, представляющее такое *измѣненіе* или *наростаніе* данныхъ условій разсматриваемаго процесса, и A есть свойственное этому процессу случайное явленіе, то случайное явленіе A будемъ считать *зависимымъ* (нестаціонарно) отъ явленія B, если его вѣроятность *измѣняется* вслѣдствіе наступленія явленія B. Если же эта вѣроятность *не измѣняется* при наступленіи явленія B, то случайное явленіе A будемъ называть *независимымъ* (нестаціонарно) отъ явленія B.

Зависимость случайнаго явленія A отъ явленія B въ нестаціонарномъ процессѣ будемъ иначе называть *вліяніемъ* (нестаціонарнымъ) явленія B на случайное явленіе A.

Кетле принадлежитъ заслуга въ томъ отношеніи, что онъ установилъ понятіе о нестаціонарныхъ вліяніяхъ (influences) измѣняющихся условій массоваго нестаціонарнаго процесса на средніе результаты случайныхъ величинъ, зависящихъ отъ хода случайныхъ явленій, и изучалъ эти вліянія эмпирически, потрудившись надъ обработкою среднихъ результатовъ, выведенныхъ изъ статистическихъ наблюденій. Этою частью болѣе всего занимаются также послѣдователи Кетле въ ихъ статистической практикѣ,—и эта работа, давшая въ рукахъ Кетле замѣчательные результаты, и у современныхъ статистиковъ была бы небезплодною, если бы на нее не вліяла иногда спутанность логики Стюарта Милля.

Къ этимъ плодотворнымъ понятіямъ схемы Кетле усовершенствованная логика присоединяетъ включеніе въ свои схемы тщательнаго изслѣдованія также и стаціонарныхъ вліяній (зависимостей), которыя хотя представляютъ собою лишь потенціальную форму дѣйствія, но, какъ уже сказано выше, живо ощущаются членами человѣческаго рода въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ (напримѣръ, въ отношеніяхъ родителей и дѣтей, начальниковъ и подчиненныхъ, а также въ отношеніяхъ брат-

скихъ, товарищескихъ и т. д.). Вмѣстѣ съ тѣмъ этою логикою рекомендуется изучать дѣйствіе стаціонарныхъ и нестаціонарныхъ вліяній не только на среднія величины, но и на вѣроятности *каждаго* случайнаго явленія, такъ какъ отъ этихъ вѣроятностей зависитъ взаимное отношеніе случайныхъ явленій.

При этомъ нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что теорія вѣроятностей можетъ дать и *числовую* мѣру какъ стаціонарныхъ, такъ и нестаціонарныхъ вліяній (зависимостей),— мѣру, важную при количественномъ изученіи *состояній* массоваго стаціонарнаго или нестаціонарнаго процесса. Эта числовая мѣра съ одной стороны даетъ возможность строго прослѣдить, какъ нестаціонарны явліянія измѣняютъ характеръ стаціонарныхъ взаимныхъ отношеній, т. е. стаціонарныхъ взаимныхъ зависимостей случайныхъ явленій; съ другой стороны она имѣетъ значеніе при сужденіяхъ, устанавливающихъ болѣе точно отношеніе понятія о вліяніи или зависимости къ понятіямъ о цѣли, о необходимости, о свободѣ или независимости и о причинѣ.

При изученіи способовъ числоваго опредѣленія вліяній начнемъ съ разсмотрѣнія нестаціонарнаго процесса.

Числовая величина нестаціонарнаго вліянія явленія B на случайное явленіе A выражаетъ степень или напряженіе вліянія; она должна быть *нулемъ*, если явленіе A независимо отъ B; а затѣмъ эта числовая величина можетъ измѣняться по мѣрѣ усиленія вліянія явленія B на случайное явленіе A. Это усиленіе вліянія можетъ совершаться по *двумъ* направленіямъ: положительному и отрицательному, такъ какъ оно можетъ простираться до того или другого изъ *двухъ* крайнихъ случаевъ фатальной необходимости: либо до *неизбѣжности*, либо до *невозможности* осуществленія случайнаго явленія A при осуществленіи явленія B. Въ этихъ крайнихъ случаяхъ явленіе B бываетъ *причиною* либо осуществленія, либо неосуществленія явленія A.

При такихъ обстоятельствахъ способъ оцѣнки числомъ *степени* или *напряженія* нестаціонарнаго вліянія явленія B на случайное явленіе A можетъ быть основанъ на сопоставле-

ніи *двухъ* вѣроятностей: p и x случайнаго явленія A, взятыхъ *до* и *послѣ* наступленія вліяющаго явленія B. При этомъ искомую абсолютную величину вліянія явленія B на случайное явленіе A можно оцѣнивать, напримѣръ, *квадратомъ* разности указанныхъ вѣроятностей p и x, т. е. формулой $(p-x)^2$. Алгебраическій же знакъ можно связывать съ *направленіемъ* или *качествомъ* разсматриваемаго вліянія по отношенію къ даннымъ *цѣлямъ*. Если, напримѣръ, A есть преступленіе, а B есть осуществленіе особой *организаціи*, отражающееся на вѣроятности явленія A, то знакомъ $+$ можно оцѣнивать *благотворное* вліяніе явленія B, противодѣйствующее преступленію A (каковое вліяніе соотвѣтствуетъ *уменьшенію* вѣроятности преступленія A подъ вліяніемъ явленія B, т. е. соотвѣтствуетъ неравенству: $x<p$), знакомъ же—можно оцѣнивать *неблаготворное* вліяніе явленія B, содѣйствующее преступленію A (каковое вліяніе соотвѣтствуетъ неравенству: $x>p$) *). Очевидно, при такой оцѣнкѣ вліянія организаціи B на преступленіе A, это вліяніе, какъ количество, будетъ положительнымъ или отрицательнымъ, смотря по тому, будетъ ли явленіе B цѣлесообразною судебною организаціей для предупрежденія преступленія A или же ловкою шайкой для прикрытія преступленія A.

---

*) При такой оцѣнкѣ вліянія организаціи B на преступленіе A числовая величина этого вліянія предстаится при $x \leqq p$ формулой $+(p-x)^2$, а при $x \geqq p$ формулой $-(p-x)^2$.—Можно, конечно, предложить и другія формулы для измѣренія степени или напряженіи вліянія явленія B на случайное явленіе A. Многими достоинствами обладаетъ, напримѣръ, слѣдующая формула:

$$\pm\frac{(x-p)\,.\,[1-p+(2p-1)x]}{p(1-p)},$$

при чемъ знакъ $\pm$ выбирается, сообразуясь съ соотношеніемъ цѣли вліянія B къ роду явленія A. При этомъ опредѣленіи числовая величина вліянія будетъ переходить въ $+1$ или въ -1 тогда, когда результатъ вліянія будетъ фатальною необходимостью, т. е. будетъ неизбѣжно вести или неизбѣжно не вести къ подлежащему явленію; въ случаѣ же независимости эта числовая величина вліянія будетъ *нулемъ*.

Вліяніе не ведетъ къ своимъ результатамъ фатально, тогда какъ причина фатально ведетъ къ слѣдствію. Вліяніе, можно сказать, *эластично*, т. е. способно измѣнять свое напряженіе отъ независимости (отъ нуля) до фатальной необходимости и притомъ по двумъ направленіямъ: положительному и отрицательному.

Результатъ вліянія, оцѣниваемаго указаннымъ мѣриломъ, будемъ называть *послѣдствіемъ*, отличая послѣдствіе отъ слѣдствія. Оцѣнка напряженія и качества (направленія) вліянія особенно важна въ области психическихъ вліяній, вызывающихъ разныя послѣдствія.

Вообще качество (направленіе) вліянія явленія B на случайное явленіе A, могущее имѣть мѣсто въ морально-интеллектуальномъ человѣческомъ сообществѣ, оцѣнивается съ точки зрѣнія нравственнаго и гражданскаго законовъ и опредѣляется характеромъ явленій A и B по отношенію къ ихъ *цѣлямъ*, изъ которыхъ важнѣйшія поставлены человѣку въ этихъ законахъ. При этомъ законы нравственный и гражданскій и учрежденія могутъ трактоваться и сами по себѣ какъ весьма вліятельныя *данныя условія* массоваго общественнаго процесса, и вліяніе ихъ можно предвидѣть умозрительно, а также эмпирически прослѣдить въ дѣйствительной жизни, опираясь на вытекающіе изъ этихъ условій точные законы массовыхъ случайныхъ явленій, выводимые помощію теоріи вѣроятностей, и на статистическое наблюденіе.

Для полнаго пониманія нестаціонарнаго вліянія и нестаціонарной зависимости слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что вышеуказанная формула вліянія содержитъ вѣроятность p случайнаго явленія A. Это значитъ, что характеръ вліянія, а также и характеръ независимости обусловлены не только свойствами вліяющаго явленія B, но и свойствами подлежащаго вліянію явленія A.

Вышеуказанная числовая оцѣнка нестаціонарнаго вліянія явленія B на явленіе A или, иначе, оцѣнка нестаціонарной зависимости явленія A отъ случайнаго явленія B распространяется безъ всякихъ перемѣнъ и на *стаціонарную* зависимость случайнаго явленія A отъ случайнаго явленія B. Все

различіе при этомъ сводится лишь къ тому, что въ стаціонарной зависимости наступленіе случайнаго явленія B только умозрительно допускается, а не имѣетъ мѣста на самомъ дѣлѣ.

Полезно замѣтить, что взятый для даннаго промежутка времени нестаціонарный процессъ можно разбить по времени, раздѣляя послѣднее на *меньшіе* промежутки, въ которые данныя условія не успѣваютъ измѣниться и для которыхъ процессъ будетъ, слѣдовательно, стаціонарнымъ. Поэтому въ основу изученія массоваго процесса вообще можно положить разсмотрѣніе прежде всего стаціонарнаго процесса, къ которому, какъ увидимъ, примѣнима при извѣстныхъ условіяхъ и теорія среднихъ величинъ. Затѣмъ, переходя послѣдовательно отъ одного момента къ другому, можно представить себѣ ходъ массовыхъ обстоятельствъ въ процессѣ нестаціонарномъ.

Если будемъ разсматривать во времени послѣдовательную *смѣну* стаціонарныхъ стадій, составляющую *нестаціонарный* массовый процессъ, то можемъ прослѣдить претвореніе измѣняющихся достовѣрныхъ условій этого процесса въ обстоятельства, послѣдовательно видоизмѣняющія характеръ *стаціонарной* взаимной зависимости свойственныхъ изучаемому массовому процессу случайныхъ явленій. Эти видоизмѣненія выражаются въ томъ, что въ различныхъ стаціонарныхъ стадіяхъ даннаго нестаціонарнаго процесса могутъ происходить превращенія взаимно независимыхъ случайныхъ явленій во взаимно зависимыя (или наоборотъ) и вообще могутъ измѣняться числовыя величины, выражающія степень попарной взаимной стаціонарной зависимости случайныхъ явленій. Если, напримѣръ, измѣненіе достовѣрныхъ условій нестаціонарнаго массоваго общественнаго процесса, отличающее двѣ его стаціонарныя стадіи, сводится къ тому, что часть гражданъ образуетъ изъ себя организацію S съ цѣлію противодѣйствія преступленіямъ, то вѣроятности преступленій измѣнятся и, слѣдовательно, измѣнятся числовыя величины стаціонарныхъ зависимостей этихъ случайныхъ явленій отъ прочихъ случайныхъ явленій, при чемъ и самая сфера независимости преступленій отъ прочихъ случайныхъ обстоятельствъ сузится.

§ 5. Вышеуказанныя основныя понятія чрезвычайно богаты какъ философскимъ содержаніемъ, такъ и математическими слѣдствіями. Понятіе о вѣроятности обнимаетъ собою философскіе вопросы о *связи причинъ* и *вліяній* со *слѣдствіями* и *послѣдствіями* (при чемъ связь причины со слѣдствіемъ обнимаетъ категорію *необходимости*), а понятіе о независимости случайныхъ явленій, пріуроченныхъ къ живымъ индивидуумамъ, захватываетъ категорію *свободы*.

Съ точки зрѣнія теоріи вѣроятностей всякое случайное явленіе съ одними обстоятельствами связано началомъ необходимости, какъ слѣдствіе съ причинами, съ другими соединено началомъ независимости или (по отношенію къ дѣйствіямъ живыхъ существъ) свободы и съ третьими связано нѣкоторою зависимостью, которая занимаетъ промежуточную фазу между свободою и необходимостью. Если это случайное явленіе есть ожидаемое дѣйствіе познаваемаго человѣка, то отношеніями этого дѣйствія къ различнымъ указаннымъ родамъ обстоятельствъ опредѣляется также и отношеніе этого человѣка къ тѣмъ же обстоятельствамъ; а изъ обсужденія всѣхъ подобныхъ отношеній лица къ окружающей его средѣ выводится *общественное положеніе* или *состояніе* этого лица. Важность теоріи вѣроятностей видна уже изъ этой ея способности оцѣнивать состоянія (стаціонарныя и нестаціонарныя) числовыми пріемами. На основаніи подобной оцѣнки своего состоянія и самъ познаваемый человѣкъ строитъ планы будущихъ своихъ дѣйствій.

Начало вліянія, начало фатальной необходимости и начало свободы въ теоріи вѣроятностей изучаются, слѣдовательно, строгими математическими пріемами, — и этою особенностію теорія вѣроятностей существенно отличается отъ прочихъ математическихъ дисциплинъ.

Философское значеніе теоріи вѣроятностей не исчерпывается соприкосновеніемъ ея съ категоріями причины, вліянія, необходимости и свободы и затрогиваетъ еще философскую категорію *цѣли*, которая въ свою очередь имѣетъ отношеніе къ категоріямъ *законовъ нравственнаго* и *гражданскаго*. По отношенію къ цѣли свобода съ точки зрѣнія этихъ законовъ либо драгоцѣнна, либо вредна. Теорія вѣроятностей вноситъ точный

взглядъ и въ этотъ вопросъ, характеризуя алгебраическимъ знакомъ направленіе (по цѣли) вліянія, т. е. оцѣнивая по цѣли качество началъ вліянія и свободы, то *организующее*, то *разрушающее*, и приводя во многихъ случаяхъ къ точнымъ выводамъ по вопросу о томъ, какъ укрѣпить въ человѣческомъ сообществѣ *благотворное* вліяніе и *благотворную* свободу, это высшее благо разумнаго человѣческаго существа.

При этомъ нѣтъ никакой возможности сказать вообще, что драгоцѣннѣе въ общественной жизни—благотворная ли свобода или благотворное вліяніе въ его различныхъ степеняхъ, доводимое иногда даже до фатальной необходимости. Все зависитъ отъ обстоятельствъ и цѣлей. Если свобода есть благо окрѣпшаго въ духовно-нравственномъ отношеніи лица, ставшаго твердо на собственныя ноги, то будетъ ли благомъ свобода для ребенка? Не заключитъ ли мать въ тиски любовной необходимости свое дитя, стремящееся къ огню? Самую свободу, какъ увидимъ, создаетъ цѣлесообразное вліяніе.

О философскомъ значеніи понятій теоріи вѣроятностей остается еще сказать, что выводы ея могутъ приближаться къ достовѣрнымъ, но что достовѣрность эта часто бываетъ *нравственною*, а не абсолютною. Нравственно-достовѣрныя заключенія этой теоріи имѣютъ безконечно малые шансы иногда не осуществиться; эти шансы, однако, такъ малы, что неосуществленіе нравственно-достовѣрнаго заключенія казалось бы почти чудомъ.

Не слѣдуетъ терять изъ вида огромной практической трудности примѣненія различныхъ выводовъ теоріи вѣроятностей къ наукѣ о человѣкѣ. Если метереологъ бываетъ подавленъ неуловимостью и подвижностью чисто физическихъ состояній и вліяній, происходящихъ въ земномъ шарѣ и его атмосферѣ, то соціалогъ бываетъ еще болѣе подавленъ неуловимостью и измѣнчивостью болѣе разнообразныхъ состояній и вліяній, происходящихъ въ политическихъ и моральныхъ явленіяхъ общественной жизни. Вотъ почему наука объ этихъ явленіяхъ въ ея наибольшей части есть еще дѣло будущаго, и даже наиболѣе удачныя примѣненія теоріи вѣроятностей къ наукѣ о человѣкѣ, вступившія на вѣрный путь, нужно считать еще зачаточными.

Поэтому ниже мы ограничиваемъ примѣненія теоріи вѣроятностей главнымъ образомъ лишь наиболѣе разработанными и испытанными ея отдѣлами, примыкающими къ теоріи среднихъ величинъ и составляющими переработку соціальной физики Кетле. Въ этихъ примѣненіяхъ теорія вѣроятностей стоитъ на болѣе прочномъ теоретическомъ и практическомъ фундаментѣ, затрогивая притомъ наиболѣе важныя стороны массоваго общественнаго процесса, доступныя вмѣстѣ съ тѣмъ эмпирической повѣркѣ посредствомъ статистики политическихъ и моральныхъ явленій.

Другія примѣненія теоріи вѣроятностей, въ число которыхъ входятъ примѣненія ея къ свидѣтельскимъ показаніямъ, приговорамъ судей, выборамъ и пр., мы считаемъ (вмѣстѣ со многими математиками) еще преждевременными и не вышедшими изъ состоянія неудачныхъ умозрительныхъ попытокъ.

Примѣненія же теоріи вѣроятностей къ судебнымъ приговорамъ нужно считать въ корнѣ неумѣстными и неправильными, такъ какъ судья въ своемъ приговорѣ долженъ руководиться не болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями, а, по возможности, полнымъ убѣжденіемъ въ виновности или невиновности подсудимаго.

Вообще примѣненіе теоріи вѣроятностей умѣстно тогда, когда заключенія ея достовѣрны; вѣроятныя же сужденія важны и умѣстны лишь при оцѣнкѣ состояній (зависимостей или вліяній и независимостей) или, иначе, при оцѣнкѣ вѣроятныхъ видовъ на будущее. Такъ, учрежденія, угрожающія будущему лицъ, замышляющихъ преступленія, создаютъ вѣроятности, заслуживающія вниманія потому, что онѣ подготовляютъ преступнымъ натурамъ состоянія, воздерживающія ихъ отъ преступленія. Но если преступленіе уже совершено, то судить и наказывать преступника нужно безъ соображенія съ какими бы то ни было недостовѣрными выводами теоріи вѣроятностей. Смѣшеніе этихъ различныхъ сторонъ и было ошибкою Кондорсе, Лапласа, Пуассана и другихъ, неудачно пытавшихся примѣнять теорію вѣроятностей къ судебному процессу и тѣмъ самымъ дискредитировавшихъ эту математическую дисциплину.

Можно сказать, что теорія вѣроятностей имѣетъ цѣлію изучать состоянія массоваго процесса, дабы на основаніи этихъ

состояній съ большею или меньшею вѣроятностью, а иногда даже съ достовѣрностью, *предвидѣть будущее* и *питать надежду*. Если при этомъ приходится обращаться къ прошлому, съ которымъ имѣетъ дѣло статистика и исторія, то лишь для *индуктивной* повѣрки умозрительной оцѣнки указанныхъ состояній и для полученія числовыхъ данныхъ, эмпирически опредѣляющихъ вѣроятности. Эта индукція вмѣстѣ съ умозрѣніями теоріи вѣроятностей создаетъ науку, которую Кетле назвалъ *соціальною физикой*.

Само собою разумѣется, что изъ числа выводовъ теоріи вѣроятностей наиболѣе важное объективное значеніе имѣютъ тѣ, которые оцѣниваются какъ достовѣрные,—и такіе выводы даетъ теорія среднихъ величинъ при разсматриваемыхъ ниже условіяхъ.

§ 6. Всѣ сдѣланныя выше и пополняемыя ниже замѣчанія о философскомъ значеніи теоріи вѣроятностей подтверждаются особенно полно разсмотрѣніемъ основныхъ свойствъ логической схемы, опирающейся на *теорію среднихъ величинъ*. Но въ обсужденіи условій примѣненія этой послѣдней теоріи придется весьма существенно разойтись съ логическою схемою Кетле. Кромѣ *условія стаціонарности* изучаемаго массоваго процесса, Кетле не располагалъ другимъ необходимымъ въ теоріи среднихъ величинъ условіемъ и, какъ покажемъ въ главѣ V, вмѣсто этого условія, называемаго нами ниже *главнымъ условіемъ*, далъ ошибочную предпосылку. Это же главное условіе—драгоцѣнно, ибо оно связано тѣснѣйшимъ образомъ съ понятіемъ о независимости или (для живыхъ существъ) свободѣ, которое выступаетъ ярко въ усовершенствованной логической схемѣ, замѣняющей схему Кетле.

Основою новой логической схемы для изслѣдованія массовыхъ случайныхъ явленій будетъ намъ служить *новое* ученіе о вѣроятностяхъ среднихъ величинъ, которое иначе мы называемъ теоріей среднихъ величинъ. Это ученіе обобщило *старую* теорію среднихъ погрѣшностей результатовъ точныхъ измѣреній (астрономическихъ, геодезическихъ и пр.), расширивъ условія ея примѣненія.

Зачатки этого полнаго по условіямъ новаго ученія можно видѣть уже въ теоремѣ *Пуассона*. Но истиннымъ основателемъ

новаго ученія о вѣроятностяхъ среднихъ величинъ нужно считать *Пафнутія Львовича Чебышева*, положившаго прочное начало этому ученію своимъ замѣчательнымъ по глубинѣ содержанія и по элементарности изложенія мемуаромъ: «*О среднихъ величинахъ*» *). Затѣмъ это ученіе разработывалось далѣе преимущественно русскими математиками и въ настоящее время достигло значительнаго развитія **).

Въ этой теоріи разсматриваемыя массовыя случайныя явленія связываются съ опредѣленными *соотвѣтственными* числами, а затѣмъ въ этой теоріи высказываются о среднемъ результатѣ этихъ чиселъ, зависящихъ отъ хода массовыхъ случайныхъ обстоятельствъ, различныя точныя сужденія, изъ которыхъ самое замѣчательное представляетъ *теорему Чебышева*, обнимающую теоремы Якова Бернулли и Пуассона, какъ частные случаи.

Но теорема Чебышева имѣетъ полную силу лишь при томъ необходимомъ условіи, *когда массовыя случайныя явленія, которыми опредѣляются вышеуказаныя случайныя числа, оказываются попарно независимыми* ***).

Это условіе, которое предлагается особенному вниманію читателя и которое въ послѣдующемъ изложеніи будемъ называть

---

*) См. „Математическій Сборникъ“, т. 2, стр. 1—9. Москва. 1867 г. Тотъ же мемуаръ напечатанъ въ Journal de Liouville (t. XII, 2-me série. 1867).—Выводы мемуара *Чебышева* „О среднихъ величинахъ“ вошли во многіе русскіе курсы по теоріи вѣроятностей и, между прочимъ, въ мою „Теорію вѣроятностей“, напечатанную въ „Ученыхъ Запискахъ Императ. Московскаго Университета“ (отдѣлъ физико-математич. Москва. 1896).

**) Подробнѣйшая разработка новаго ученія о среднихъ величинахъ содержится въ моемъ сочиненіи: „Новыя основанія ученія о вѣроятностяхъ суммъ и среднихъ величинъ“ („Математическій Сборникъ“, томы XXI, XXII и XXIII. Москва). Въ разработкѣ этого ученія принимали участіе академики *А. А. Марковъ* и *А. М. Ляпуновъ*.

***) Теорема Чебышева можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ.

Теорема. Пусть существуютъ m отдѣльныхъ (изолированныхъ) процессовъ, которымъ свойственны взаимно *независимыя* случайныя явленія, опредѣляющія соотвѣтственно m случайныхъ перемѣнныхъ: $x, y, z, \ldots, v$. Пусть частныя значенія этихъ перемѣнныхъ, опредѣляемыя ходомъ ука-

главнымъ условіемъ теоріи среднихъ величинъ, иногда выполняется, а иногда и не выполняется. Примѣненіе теоріи среднихъ величинъ безъ повѣрки выполненія этого условія можетъ повести (и, какъ увидимъ, вело) къ ошибкамъ и заблужденіямъ.

Независимость случайныхъ явленій въ этомъ главномъ условіи имѣетъ существенное значеніе. Ее-то и нужно изслѣдовать при повѣркѣ выполненія главнаго условія.

занныхъ случайныхъ явленій, соотвѣтственно представляются количествами:

$$x_1, x_2, \ldots, x_\alpha,$$
$$y_1, y_2, \ldots, y_\beta,$$
$$z_1, z_2, \ldots, z_\gamma,$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots$$
$$v_1, v_2, \ldots, v_\omega.$$

Обозначимъ вѣроятности этихъ количествъ соотвѣтственно чрезъ

$$p_1, p_2, \ldots, p_\alpha,$$
$$q_1, q_2, \ldots, q_\beta,$$
$$r_1, r_2, \ldots, r_\gamma,$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots$$
$$t_1, t_2, \ldots, t_\omega.$$

Затѣмъ введемъ слѣдующія обозначенія:

$$a_1 = p_1x_1 + p_2x_2 + \ldots + p_\alpha x_\alpha,$$
$$a_2 = q_1y_1 + q_2y_2 + \ldots + q_\beta y_\beta,$$
$$a_3 = r_1z_1 + r_2z_2 + \ldots + r_\gamma z_\gamma,$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$
$$a_m = t_1v_1 + t_2v_2 + \ldots + t_\omega v_\omega,$$

$$b_1 = p_1(x_1 - a_1)^2 + p_2(x_2 - a_1)^2 + \ldots + p_\alpha(x_\alpha - a_1)^2,$$
$$b_2 = q_1(y_1 - a_2)^2 + q_2(y_2 - a_2)^2 + \ldots + q_\beta(y_\beta - a_2)^2,$$
$$b_3 = r_1(z_1 - a_3)^2 + r_2(z_2 - a_3)^2 + \ldots + r_\gamma(z_\gamma - a_2)^2,$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$
$$b_m = t_1(v_1 - a_m)^2 + t_2(v_2 - a_m)^2 + \ldots + t_\omega(v_\omega - a_m)^2.$$

Пусть цѣлое число m неограниченно возрастаетъ, и пусть вмѣстѣ съ тѣмъ τ есть данное положительное количество. Вѣроятность P того, что абсолютная величина разности между *среднимъ ариѳметическимъ* m случай-

Во многихъ массовыхъ стаціонарныхъ процессахъ выполненіе этого условія обезпечивается искусственно, благодаря такой обстановкѣ, при которой сложный массовый процессъ разбивается на отдѣльные *простые*, достаточно *изолированные* процессы.

Такъ, Бюффонъ и другіе, повѣряя эмпирически теорему Якова Бернулли, представляющую простѣйшій случай теоріи среднихъ величинъ, производили массовое число бросаній монетъ, наблюдая

ныхъ величинъ: x, y, z, ..., v и *среднимъ ариѳметическимъ* количествъ: a_1, a_2, ..., a_m не превзойдетъ количества:

$$\tau.\sqrt{\frac{b_1+b_2+\ldots.+b_m}{m}},$$

бываетъ всегда болѣе величины:

$$1-\frac{1}{m\tau^2}$$

и стремится къ 1 (къ *достовѣрности*) въ предѣлѣ при возрастаніи m до безконечности.

Теорема эта доказывается элементарными пріемами. Если число τ выбрать такъ, чтобы количество

$$\tau.\sqrt{\frac{b_1+b_2+\ldots.+b_m}{m}}$$

для всѣхъ значеній безконечно возрастающаго числа m было весьма малымъ, а количество $m\tau^2$ стремилось къ безконечности, то съ высокою вѣроятностью можно утверждать, что среднее ариѳметическое m случайныхъ x, y, z,...., v при весьма большомъ m весьма мало уклонится отъ величины:

$$\frac{a_1+a_2+\ldots.+a_m}{m},$$

а въ предѣлѣ при безконечномъ m осуществленіе этого утвержденія сдѣлается нравственно достовѣрнымъ. Слѣдовательно, въ отношеніи массовыхъ независимыхъ случайныхъ явленій теорема Чебышева даетъ возможность высказывать почти достовѣрныя и въ предѣлѣ вполнѣ достовѣрныя (нравственно) сужденія о среднихъ величинахъ, связанныхъ съ этими случайными явленіями.

Для полнаго пониманія философскаго значенія теоремы Чебышева нужно, повторяемъ, имѣть тъ виду, что упоминаемая въ ней достовѣрность есть такъ называемая *нравственная*, а не *абсолютная*. Достовѣрное событіе при этомъ понятіи можетъ не осуществиться, но шансы неосуществленія его безконечно малы. Иначе говоря, необходимость наступленія этого достовѣрнаго событія не есть абсолютная.

2018695355

при каждомъ бросаніи всякой монеты вскрытіе орла или рѣшетки. При этомъ по условіямъ опыта каждое отдѣльное бросаніе монеты представляетъ настолько изолированный по отношенію къ прочимъ бросаніямъ процессъ, что вскрытіе орла или рѣшетки въ одномъ бросаніи оказывается независимымъ случайнымъ явленіемъ по отношенію къ ходу случайныхъ явленій въ остальныхъ бросаніяхъ. Здѣсь, слѣдовательно, строго выполнено главное условіе теоріи среднихъ величинъ,—и эмпирическая повѣрка помощію бросаній монетъ, какъ мы знаемъ, всегда оправдываетъ теорему Якова Бернулли. Поэтому массовое наблюденіе случайныхъ явленій въ условіяхъ теоремы Якова Бернулли можетъ служить даже для эмпирическаго опредѣленія самыхъ вѣроятностей.

Въ массовыхъ точныхъ научныхъ измѣреніяхъ, съ которыми приходится имѣть дѣло въ астрономіи, геодезіи и другихъ точныхъ индуктивныхъ наукахъ, каждое отдѣльное измѣреніе содержитъ случайную ошибку и представляетъ опять достаточно изолированный процессъ, такъ что осуществленіе той или другой случайной погрѣшности одного измѣренія оказывается случайнымъ явленіемъ, независимымъ по отношенію къ случайнымъ же неточностямъ остальныхъ измѣреній. Эта независимость здѣсь обезпечивается опять искусственною обстановкою точныхъ измѣреній, заботою производящихъ измѣренія лицъ о достаточной изолированности каждаго измѣренія. Слѣдовательно, главное условіе теоріи среднихъ величинъ здѣсь хорошо выполнено, и теорія среднихъ погрѣшностей точныхъ измѣреній даетъ астрономамъ, геодезистамъ и пр. средства изъ массовыхъ неточныхъ результатовъ измѣреній выводить точнѣйшіе результаты.

Эту-то астрономическую схему, успѣшно примѣнявшуюся при изученіи погрѣшностей точныхъ измѣреній, Кетле перенесъ на явленія, трактуемыя въ его «соціальной физикѣ», но, къ сожалѣнію, при неправильномъ выраженіи главнаго условія ея примѣнимости въ этихъ явленіяхъ. Объ этой неправильности будетъ сказано ниже (гл. V).

По поводу стаціонарнаго массоваго процесса, въ которомъ

обстановка не искусственная, а *естественная*, также бываетъ нужно убѣдиться въ томъ, умѣстно ли примѣненіе къ совершающимся въ немъ случайнымъ явленіямъ теоріи среднихъ величинъ, т. е. выполняется ли вышеуказанное главное условіе теоріи среднихъ величинъ по отношенію къ разсматриваемымъ массовымъ случайнымъ явленіямъ.

При рѣшеніи этого вопроса мы будемъ широко пользоваться терминомъ: *изоляція* простого процесса (выдѣляемаго изъ массоваго процесса), разумѣя подъ этимъ терминомъ дѣйствіе всякой причины, способной поддержать въ естественномъ простомъ процессѣ независимость нѣкоторыхъ свойственныхъ ему случайныхъ явленій по отношенію къ случайнымъ явленіямъ въ другихъ, сопоставляемыхъ съ нимъ, простыхъ процессахъ. Такъ, гражданскіе законы и власти поддерживаютъ и усиливаютъ въ благомъ направленіи естественную изоляцію жизненнаго процесса каждаго лица отъ покушеній на него и создаютъ такимъ образомъ независимость смерти лица отъ многихъ обстоятельствъ жизни согражданъ.

Изоляція жизненнаго процесса лица вообще есть нѣкоторая опора его свободы и представляетъ дѣйствіе частію внутреннихъ силъ лица, частію внѣшнихъ условій и обстоятельствъ.

§ 7. Сложный стаціонарный массовый процессъ, взятый въ его *естественномъ* состояніи, приходится разбивать на составляющіе его естественные простые процессы, болѣе или менѣе *изолированные*. Вслѣдствіе *неполноты* этой изолированности случайныя явленія, свойственныя каждому изъ отдѣльныхъ простыхъ процессовъ, приходится подраздѣлять на *двѣ* категоріи, причисляя къ *первой* категоріи свойственныя этому процессу случайныя явленія, независимыя по отношенію къ ходу случайныхъ явленій въ остальныхъ простыхъ процессахъ, и ко *второй* категоріи прочія случайныя явленія того же процесса. Примѣненіе теоріи среднихъ величинъ къ данному естественному стаціонарному массовому процессу вполнѣ умѣстно лишь по отношенію къ массовымъ случайнымъ явленіямъ первой категоріи и болѣе или менѣе не умѣстно по отношенію къ остальнымъ массовымъ случайнымъ явленіямъ.

Въ первой категоріи массовыхъ случайныхъ явленій имѣетъ мѣсто устанавливаемая теоріей среднихъ величинъ математическая *закономѣрность*, а потому по отношенію къ этому роду массовыхъ случайныхъ явленій разсматриваемый стаціонарный массовый процессъ будемъ называть *регулярнымъ*. Тотъ же массовый процессъ по отношенію къ массовымъ случайнымъ явленіямъ второй категоріи будемъ называть *иррегулярнымъ*.

Если случайныя явленія, свойственныя данному массовому процессу, представляютъ дѣятельность живыхъ существъ, обладающихъ *психическою* силою, то этотъ массовый процессъ будемъ называть *психическимъ* и притомъ *свободнымъ* по отношенію къ взаимно-независимымъ (или почти независимымъ) случайнымъ явленіямъ. Свободный массовый психическій стаціонарный процессъ есть въ то же время и регулярный по отношенію къ соотвѣтствующимъ случайнымъ явленіямъ.

Но въ массовомъ общественномъ стаціонарномъ процессѣ существуютъ и зависимыя случайныя явленія, благодаря неполнотѣ изоляціи, оставляющей мѣсто вліяніямъ. Къ этимъ случайнымъ явленіямъ теорія вѣроятностей примѣнима и даетъ мѣрило ихъ взаимныхъ зависимостей; но теорія среднихъ величинъ здѣсь не примѣнима. Въ этихъ случайныхъ явленіяхъ нѣтъ той регулярности, которая выражается формулами и теоремами теоріи среднихъ величинъ.

Въ иррегулярности массоваго процесса по отношенію къ данному роду массовыхъ случайныхъ явленій слѣдуетъ различать ея *степень*, сообразуясь съ тѣмъ, какова степень нарушенія взаимной стаціонарной независимости этихъ случайныхъ явленій. Если попарно эти случайныя явленія *весьма мало* зависимы или если встрѣчается даже и не весьма малая попарная стаціонарная зависимость ихъ, но какъ *весьма рѣдкое* исключеніе въ данномъ массовомъ процессѣ, то иррегулярность этого массоваго процесса относительно разсматриваемаго рода случайныхъ явленій можно считать весьма незначительною. При такихъ весьма ничтожныхъ или весьма рѣдкихъ коллизіяхъ во взаимной стаціонарной зависимости разсматриваемаго рода массовыхъ случайныхъ явленій, возмущающее дѣйствіе этой

зависимости въ среднемъ результатѣ можетъ иногда оказаться столь ничтожнымъ, что дѣйствіемъ этимъ можно пренебречь, считая стаціонарный массовый процессъ *почти* регулярнымъ и примѣняя къ нему съ ничтожною погрѣшностью теорію среднихъ величинъ.

Но если попарная стаціонарная зависимость разсматриваемыхъ явленій не будетъ весьма малою и будетъ встрѣчаться не весьма рѣдко, то возмущающее дѣйствіе этихъ нарушеній стаціонарной независимости будетъ значительнымъ, причемъ и иррегулярность даннаго массоваго процесса по отношенію къ разсматриваемымъ случайнымъ явленіямъ будетъ болѣе или менѣе значительною. Примѣненіе при этихъ обстоятельствахъ къ разсматриваемымъ массовымъ случайнымъ явленіямъ теоріи среднихъ величинъ было бы грубою ошибкою.

Наконецъ, попарная взаимная стаціонарная зависимость случайныхъ явленій можетъ достигнуть такого напряженія, что одна часть случайныхъ явленій можетъ оказаться по напряженію дѣйствія *причиною* другой части случайныхъ явленій. Эта послѣдняя часть явленій вступаетъ при этомъ въ фазу регулярности, но уже не свободной, а *фатальной*. Такая регулярность есть своего рода *крѣпостная* зависимость или *крѣпостное* состояніе: оно возмутительно, когда связываетъ благотворныя свободныя дѣйствія разумнаго существа, и оно благодѣтельно, если связываетъ неблаготворное, преступное и злое, а также укрѣпляетъ за человѣкомъ то, что предназначено Творцомъ на его пользу изъ міра вещей и низшихъ организованныхъ существъ.

Эти понятія о регулярности и иррегулярности даннаго стаціонарнаго массоваго процесса относительно даннаго рода случайныхъ явленій весьма важны, какъ связанныя съ большею или меньшею математическою закономѣрностью въ ходѣ этихъ явленій. Съ этими понятіями связано также важное понятіе о *состояніи* массоваго общественнаго процесса и составляющихъ его отдѣльныхъ простыхъ процессовъ. Значеніе этихъ понятій возрастаетъ еще болѣе, если мы будемъ разсматривать данный массовый психическій процессъ *по его*

общей цѣли, достиженіе которой преслѣдуется массовымъ процессомъ.

Обратимъ вниманіе еще на одно основное понятіе, съ которымъ связано изученіе массоваго общественнаго процесса. Взаимная стаціонарная независимость случайныхъ явленій этого процесса связана, какъ мы видѣли, съ изолированностію простыхъ процессовъ. Условія и обстоятельства, которыми поддерживается эта изолированность, суть *препятствія* посторонним вліяніямъ, *стѣсняющія* дѣйствіе этихъ вліяній соотвѣтствующими противодѣйствующими вліяніями. Иначе говоря, независимость или свобода создается взаимодѣйствіемъ вліяній и опирается на препятствія или стѣсненія. *Свобода* и *стѣсненіе* идутъ въ массовомъ общественномъ процессѣ параллельно: одна не возможна безъ другого. Какъ въ физикѣ нѣтъ дѣйствія безъ противодѣйствія, такъ и въ общественной жизни нѣтъ свободы безъ стѣсненія. Къ этому вопросу мы еще вернемся въ главѣ VI.

Итакъ, теорія вѣроятностей и ея главная вѣтвь, т. е. теорія среднихъ величинъ, примѣненныя безъ тенденцій и утопическихъ увлеченій, даютъ возможность открывать посредствомъ математическихъ и философскихъ *умозрѣній* и цѣлесообразныхъ *наблюденій* дивный міропорядокъ: онѣ открываютъ закономѣрность тамъ, гдѣ жизнью управляетъ не только фаталистическая причинность, но и другая, совмѣстимая съ *вліяніями*, дѣйствующими болѣе эластично, чѣмъ фатальная необходимость, а также совмѣстимая со *свободнымъ* достиженіемъ *высшихъ* цѣлей, къ которымъ способна горячо стремиться хорошо настроенная благородная душа человѣка. И эта столько же точная, сколько и удивительная логическая дисциплина остается въ силу стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ цѣлое полустолѣтіе безъ *правильнаго* примѣненія къ наукѣ о человѣкѣ, хотя она какъ бы создана для того, чтобы логически оправдать право человѣка, одареннаго высшими способностями и качествами, пользоваться этими дарами, улучшать своимъ вліяніемъ взаимныя человѣческія отношенія, претворяя ихъ въ любовь къ ближнему и въ тотъ особый математически выраженный общественный порядокъ, который въ основѣ своей имѣетъ опирающуюся на эту заповѣдь любви свободу, дарованную ему Творцомъ.

Свобода благотворная регулярно проявляется въ дѣйствіяхъ, согласованныхъ съ нравственнымъ и гражданскимъ законами, и принадлежитъ той сторонѣ массоваго общественнаго процесса, которая возвышаетъ его надъ массовыми процессами, происходящими въ мірѣ животныхъ и растеній и въ мірѣ неорганическомъ. Благодаря этой сторонѣ, массовый общественный процессъ мы будемъ называть *свободонравственнымъ*.

Свобода неблаготворная столь же регулярно проявляется, но въ нарушеніи нравственнаго и гражданскаго законовъ.

Отнятіе у проявленій свободы всякихъ признаковъ регулярности есть ошибка схоластики, а объясненіе этой регулярности фатальною необходимостью при отрицаніи свободы есть ошибка позитивизма.

Можно сказать, что въ міровомъ порядкѣ существуетъ *двусторонняя* математическая регулярность: одна изъ нихъ связана съ категоріей причины (фатальной необходимости) и выражается въ точныхъ законахъ, которые назовемъ *фатальными*, а другая съ категоріей независимости (свободы) и выражается въ точныхъ законахъ, называемыхъ ниже *свободными*.

Та и другая регулярность бываетъ найдена, коль скоро познающій умъ постигъ состояніе массоваго процесса, т. е. уяснилъ взаимодѣйствіе вліяній, которыя занимаютъ промежуточныя стадіи между необходимостью и независимостью и, сочетаясь, создаютъ при однѣхъ комбинаціяхъ фатальную необходимость, а при другихъ — независимость. Изученіе вліяній, слѣдовательно, необходимо для пониманія той и другой математической регулярности.

§ 8. Численный статистическій методъ долженъ, поэтому, обратить свое вниманіе не только на среднія величины, связанныя съ ходомъ независимыхъ случайныхъ явленій, но и на числовыя величины, измѣряющія напряженіе и направленіе стаціонарныхъ вліяній. Такъ, если разсматриваются семьи, какъ изолированные психическіе процессы, то по отношенію къ внѣшнимъ обстоятельствамъ многія явленія семейной жизни будутъ независимыми, но во внутренней жизни семьи многіе случаи могутъ быть связаны взаимною зависимостью. Случай смерти

матери ребенка оставляетъ, напримѣръ, глубокое и притомъ отрицательное вліяніе на жизненныя явленія этого члена семьи, при чемъ статистическій методъ можетъ индуктивно опредѣлять числовую величину подобныхъ вліяній, классифицируя семьи по случаямъ этого рода.

Статистическій методъ, тщательно изучающій вліянія, попутно открываетъ и такіе случаи, которые связаны *нулевымъ* взаимнымъ вліяніемъ, т. е. оказываются взаимно независимыми. Для этихъ случаевъ выполнено главное условіе примѣненія теоріи среднихъ величинъ, т. е. имѣетъ мѣсто соотвѣтствующій родъ регулярности.

Задача статистическаго метода — изучать стаціонарныя стадіи въ массовыхъ явленіяхъ человѣческой жизни, т. е. изучать *состоянія* различныхъ сторонъ этой жизни въ данный моментъ.

Исторія же объединяетъ послѣдовательныя элементарныя стаціонарныя стадіи въ нестаціонарномъ массовомъ общественномъ процессѣ, при чемъ она слѣдитъ за соотвѣтственными метаморфозами, которыя совершаются съ одной стороны въ данныхъ достовѣрныхъ условіяхъ этого процесса, а съ другой въ характерѣ взаимныхъ отношеній случайныхъ явленій этого процесса, т. е. въ свойствахъ ихъ взаимной *стаціонарной* какъ зависимости, такъ и независимости.

Изученіе стаціонарной зависимости и стаціонарной независимости, а также метаморфозъ той и другой въ различныхъ элементарныхъ стадіяхъ нестаціонарнаго массоваго процесса составляетъ одну изъ главныхъ задачъ также лицъ, призванныхъ направлять государственную и общественную жизнь и стремящихся извлечь практическіе выводы изъ науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. Задача эта обнимаетъ съ практической точки зрѣнія опять тѣ же важные въ гражданской жизни вопросы о взаимной зависимости и независимости (свободѣ) случайныхъ явленій, о проводникахъ, напряженіи и направленіи вліяній и взаимной зависимости, объ изоляторахъ (стѣсненіяхъ), ограждающихъ независимость (свободу), и, наконецъ, о возможныхъ практическихъ законодатель-

ныхъ и административныхъ мѣропріятіяхъ и о вызываемыхъ ими предвидимыхъ метаморфозахъ въ изучаемыхъ условіяхъ и свойствахъ случайныхъ явленій. Между прочимъ, эта практическая постановка вопросовъ приводитъ къ необходимымъ для вѣрнаго рѣшенія ихъ особымъ понятіямъ въ двухъ случаяхъ: 1) когда познающій умъ съ точки зрѣнія данной общей цѣли, достиженіе которой предназначено данному нестаціонарному массовому процессу, создаетъ понятіе о *прогрессѣ* этого процесса, т. е. оцѣниваетъ болѣе или менѣе значительное поступательное движеніе, приближающее массовый процессъ къ указанной цѣли, и 2) когда познающій умъ изыскиваетъ практическія средства для благотворной *реформы* даннаго массоваго процесса путемъ доступныхъ вліяній на этотъ процессъ. Такъ какъ понятія о прогрессѣ и о благотворной реформѣ родственны (второе изъ нихъ является практическимъ выводомъ изъ перваго), то мы сейчасъ остановимъ вниманіе лишь на анализѣ перваго понятія.

Общая цѣль, которая предопредѣлена данному нестаціонарному массовому процессу и приближеніе къ которой составляетъ условіе прогресса, математически бываетъ достаточно опредѣлена, если установлена точнымъ числовымъ образомъ попарная взаимная стаціонарная зависимость всѣхъ свойственныхъ массовому процессу случайныхъ явленій. Такое математическое опредѣленіе общей цѣли массоваго процесса назовемъ *внутреннимъ*. Оно соотвѣтствуетъ опредѣленной стаціонарной стадіи нестаціонарнаго массоваго процесса, стремящагося къ этой стадіи, какъ къ общей цѣли.

Но каждая стадія характеризуется еще опредѣленными достовѣрными данными условіями. Эти данныя условія, соотвѣтствующія разсматриваемой общей цѣли, также достаточно ее опредѣляютъ, и такое ея опредѣленіе назовемъ *внѣшнимъ*.

Внѣшнее и внутреннее опредѣленія данной общей цѣли, приближеніе къ которой считается прогрессомъ массоваго процесса, связаны такъ, что одно должно вытекать изъ другаго.

При внутреннемъ опредѣленіи общей цѣли массоваго процесса числовое выраженіе данныхъ взаимныхъ зависимостей

случайныхъ явленій характеризуетъ также взаимное другъ къ другу отношеніе (состояніе) *простыхъ* процессовъ, на которые распадается массовый процессъ, и намѣчаетъ такимъ образомъ *частныя* цѣли каждому простому процессу.

Сообразно различію общихъ цѣлей, приближеніе къ которымъ можно мысленно предопредѣлить данному массовому процессу, и установленное выше понятіе о прогрессѣ бываетъ также различнымъ.

Если общая цѣль, назначенная данному массовому процессу, не содержитъ духовно-нравственной стороны, то соотвѣтствующій такой общей цѣли прогрессъ массоваго процесса называютъ *матеріалистическимъ*. Во многихъ массовыхъ процессахъ (напримѣръ, въ массовой зоотехніи) матеріалистическая точка зрѣнія на прогрессъ допустима.

Но нравственное чувство человѣка глубоко возмущается, когда матеріалистическая точка зрѣнія на прогрессъ проводится по отношенію къ массовымъ проявленіямъ человѣческой дѣятельности во всѣхъ ея сторонахъ. Человѣкъ въ глубинѣ своей совѣсти почерпаетъ непреложное убѣжденіе въ необходимости духовно-нравственнаго элемента въ предопредѣленной человѣчеству *предѣльной* (конечной) цѣли его существованія. А присутствіе въ цѣляхъ массоваго общественнаго процесса духовно-нравственнаго элемента соотвѣтствуетъ тому понятію о прогрессѣ, который называютъ *идеалистическимъ* или *нравственнымъ*.

§ 9. Все вышеизложенное уже достаточно выясняетъ вопросъ о томъ, какъ должна быть построена усовершенствованная логическая схема для изслѣдованія такого естественнаго массоваго процесса, который въ ходѣ своихъ массовыхъ случайныхъ событій представляетъ ту и другую регулярность (частію фатальную, частію свободную). Подробности этой схемы должны опираться на излагаемую ниже (гл. III) точную логику. Сущность же этой схемы сводится къ слѣдующему общему плану.

Данный естественный массовый процессъ можетъ быть нестаціонарнымъ въ продолжительный промежутокъ времени. Въ такомъ случаѣ этотъ промежутокъ времени подраздѣляется на

меньшіе промежутки такъ, чтобы въ эти послѣдніе промежутки массовый процессъ былъ стаціонарнымъ (для каждаго промежутка). Затѣмъ при изслѣдованіи массоваго стаціонарнаго процесса нужно произвести слѣдующую обширную и сложную работу.

I. Тщательнымъ наблюденіемъ привести въ извѣстность всѣ *доступныя* познающему уму достовѣрныя *данныя*, отъ которыхъ могутъ зависѣть свойственныя массовому процессу явленія, и по возможности опредѣлить отношеніе этихъ данныхъ къ упомянутымъ явленіямъ. Въ число этихъ данныхъ должны войти имѣющія мѣсто въ массовомъ процессѣ достовѣрныя условія, причины, вліянія, силы, цѣли и вообще всякія обстоятельства, способныя оказывать какое либо воздѣйствіе на ходъ явленій, совершающихся въ этомъ массовомъ процессѣ.

II. Выдѣлить въ массовомъ процессѣ явленія *случайныя*, т. е. такія, которыя, несмотря на вышеуказанное тщательное изученіе данныхъ и ихъ отношеній къ этимъ явленіямъ, остались невыясненными со стороны дѣйствія на нихъ *опредѣленныхъ* причинъ.

III. Подраздѣлить массовый процессъ на составляющіе его болѣе или менѣе *изолированные* простые процессы, въ которыхъ совершаются случайныя явленія, тщательно изучая индивидуальныя свойства каждаго простого процесса и отношеніе его къ окружающей средѣ, пріурочивая къ нимъ по принадлежности вышеуказанныя случайныя явленія, оцѣнивая напряженіе и направленіе ихъ попарной взаимной стаціонарной зависимости посредствомъ вышеуказаннаго *числового* опредѣленія и стараясь посредствомъ этой оцѣнки постигнуть общее стаціонарное состояніе, въ которомъ находится массовый процессъ.

IV. Примѣнять къ случайнымъ явленіямъ, кои въ силу изолированности вышеуказанныхъ простыхъ процессовъ окажутся взаимно *независимыми*, вышеупомянутую новую *теорію среднихъ величинъ*, дающую по отношенію къ нимъ *точные свободные законы*.

На основаніи этой схемы получаются помощію теоріи среднихъ величинъ математически выраженные законы по отношенію къ массовымъ стаціонарно-независимымъ случайнымъ явле-

ПУБЛ. ★ БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.

ніямъ. Эти законы можно назвать *свободными законами стаціонарнаго состоянія* свободнаго массоваго процесса. Законы статистическіе принадлежатъ къ этой категоріи.

Но съ наращеніемъ времени и *измѣненіемъ* обстоятельствъ, кои представляютъ собою достовѣрныя *данныя*, соотвѣтствующія *первому* пункту вышеуказанной схемы, массовый процессъ перестаетъ быть стаціонарнымъ. Изученіе этого нестаціонарнаго процесса сводится къ тщательному изученію измѣненія какъ этихъ *данныхъ*, такъ и ихъ (уже нестаціонарныхъ) *вліяній* на вѣроятности массовыхъ случайныхъ явленій. Это изученіе присоединяется къ выводамъ, полученнымъ на основаніи теоріи среднихъ величинъ за тѣ малые промежутки, для которыхъ массовый процессъ былъ стаціонарнымъ. Въ общемъ итогѣ такое изслѣдованіе приводитъ къ *свободнымъ законамъ нестаціонарнаго состоянія*. Законы исторіи принадлежатъ къ этой категоріи.

Если вышеуказанная логическая схема примѣнима къ человѣческимъ сообществамъ, то тѣмъ легче примѣнима она къ *біологическимъ* общежитіямъ, въ которыхъ если и наблюдается альтруизмъ, то лишь животный, неспособный подняться до понятія о нравственномъ законѣ.

§ 10. Обратимъ затѣмъ вниманіе на отношеніе этой логической схемы изслѣдованія массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности къ прежнимъ взглядамъ.

Первый пунктъ вышеуказанной схемы (§ 9) соотвѣтствуетъ тому болѣе *старому* взгляду на статистику и исторію, который можно назвать направленіемъ *Ахенвалля* и *Шлецера*; четвертый же пунктъ соотвѣтствуетъ болѣе *новому* взгляду на статистику, который извѣстенъ подъ именемъ направленія *Зюссмильха* и *Кетле*. Оба эти направленія шли рядомъ, пока второе направленіе не перешло въ Миллевско-Вагнеровское. Съ тѣхъ поръ это направленіе и старое (Ахенваллевско-Шлецеровское) стали отвергать одно другое; попытки примирить эти два направленія оказывались неудачными. Поверхностность Миллевско-Вагнеровскаго направленія въ этомъ спорѣ выразилась особенно ярко, такъ какъ въ сущности послѣдователи этого направленія отри-

цали свой фундаментъ, который данъ именно въ старомъ направленіи, не измѣнявшемъ точной логикѣ въ своей долѣ изслѣдованія, соотвѣтствующей первому пункту вышеуказанной точной логической схемы. Этотъ фундаментъ, конечно, хорошо понималъ Кетле, глубоко изслѣдовавшій значеніе всѣхъ факторовъ.

Ахенваллевско-Шлецеровское *) направленіе статистическаго и историческаго изслѣдованія—*описательное* и занимается изученіемъ всѣхъ сторонъ государства, поскольку онѣ имѣютъ цѣлью благосостояніе государства какъ въ настоящемъ (по Ахенваллю), такъ и въ прошедшемъ (по Шлецеру). Это направленіе нѣмецкой статистики и исторіи разработывали ихъ послѣдователи. Такъ, *Ниманнъ, Іонакъ, Моне, Штейнъ* **) и другіе распространили задачи этой статистики на описаніе сторонъ не только государственной, но и всякой общественной жизни. Штейнъ дѣлитъ описательную статистику на три части: 1) *статистика состояній*, имѣющая цѣлью представить совокупность условій личной жизни, 2) *статистика цѣлей*, разсматривающая состоянія и факты, какъ условія новыхъ состояній, создаваемыхъ человѣческою дѣятельностію, и 3) *статистика силъ* и ихъ дѣйствія, устанавливающая размѣръ и родъ средствъ для данной цѣли.

Въ Германіи нашелся такимъ образомъ среди университетскихъ профессоровъ и ученыхъ сильный противовѣсъ Миллевско-Вагнеровскому направленію статистики.

Но и во Франціи еще не заглохло старое направленіе въ изслѣдованіи правильнымъ статистическимъ методомъ массовыхъ общественныхъ явленій. Главнымъ представителемъ этого на-

---

*) *Achenvall*, „Vorbereitung zur Staatswissenschaft der europäischen Reiche“, 1748.

Schlötzer, „Theorie der Statistik“, 1804.

**) *Nimann*, „Abriss Statistik und der Staatskunde“, 1807.

Ionak, „Theorie der Statistik“.

Mone, „Theorie der Statistik“.

Lorenz von Stein, „System der Statistik, Populationistik und Volkswirthschaftslehre“.

Болѣе подробныя справки по литературѣ указаны въ сочиненіи *R. v. Mohl:* „Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften“.

правленія является горный инженеръ *Ле-Плѣ*, основавшій *монографическій методъ* въ статистическихъ описаніяхъ нравственныхъ условій и семейнаго быта. Подъ нравственнымъ закономъ, дѣйствіе котораго Ле-Плѣ прослѣдилъ, онъ разумѣлъ предписанія *десяти заповѣдей*. Русская публика ознакомлена съ замѣчательными трудами и обстоятельствами жизни этого французскаго статистика по изданію *К. П. Побѣдоносцева* *).

Теорія среднихъ величинъ въ примѣненіи къ изслѣдованію проявленій общественной жизни прежде всего требуетъ именно *описанія* различныхъ условій, вліяній, цѣлей и состояній государственной и общественной жизни, по которымъ можно судить о характерѣ и ходѣ явленій въ соотвѣтствующемъ массовомъ процессѣ. Зная эти данныя, можемъ судить и объ его регулярности или иррегулярности по отношенію къ различнымъ родамъ совершающихся въ немъ случайныхъ явленій. Эти описанія должны предшествовать примѣненію числового статистическаго метода или, лучше сказать, сопровождать его и *быть для него фундаментомъ*.

Всѣ эти описанія на будущее время желательно болѣе согласовать съ усовершенствованною логическою схемою. Изученіе *изоляціи* и опирающейся на нее *независимости* или *свободы* вмѣстѣ съ изученіемъ (по напряженію и направленію) *вліяній*, создающихъ изоляцію и свободу, должно составлять существенную сторону въ этомъ усовершенствованіи описательной статистики. Затѣмъ теорія среднихъ величинъ можетъ быть примѣняема лишь къ взаимно-независимымъ случайнымъ явленіямъ, совершающимся въ болѣе или менѣе изолированныхъ процессахъ.

§ 11. Планъ изученія массовыхъ процессовъ по вышеуказанной усовершенствованной логической схемѣ давно и широко практикуется въ точныхъ массовыхъ измѣреніяхъ астрономами, геодезистами и пр. Въ этихъ астрономическихъ и геодезическихъ изслѣдованіяхъ примѣненію метода среднихъ величинъ всегда предшествуетъ тщательное и подробное изслѣдованіе цѣли измѣ-

*) *Ле-Плѣ*, „Основная конституція человѣческаго рода“. Съ очеркомъ жизни и дѣятельности автора. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва. 1897.

реній и всѣхъ условій, причинъ и обстоятельствъ измѣреній, не исключая *личныхъ свойствъ самихъ наблюдателей*, — и всѣ эти достовѣрныя данныя принимаются въ расчетъ при оцѣнкѣ ихъ вліянія на явленія, которыя выражаются въ результатахъ измѣреній. А на долю метода среднихъ величинъ остается при этомъ лишь поправка того, что оказалось неуловимымъ при самомъ тщательномъ дознаніи объ измѣряемыхъ величинахъ.

Само собою разумѣется, что изученіе массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности требуетъ не менѣе тщательнаго отношенія ко всѣмъ частямъ изслѣдованія, при чемъ и отъ самихъ изслѣдователей человѣческой дѣятельности требуется значительный запасъ морально-интеллектуальныхъ силъ. Тѣ такъ называемыя *личныя уравненія*, которыя разсматриваются въ схемахъ массовыхъ астрономическихъ измѣреній, здѣсь переходятъ въ высокія требованія отъ личныхъ свойствъ изслѣдователей и наблюдателей массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности. Познающій умъ долженъ быть тщателенъ, стремясь сократить въ познаваемой области число случайныхъ явленій посредствомъ уясненія ихъ достовѣрныхъ причинъ и оставляя случайности лишь тогда, когда нѣтъ возможности и средствъ проникнуть въ причины этихъ случайностей. Иное отношеніе къ научному изслѣдованію было бы злоупотребленіемъ теоріей вѣроятностей.

Изслѣдованіе массовыхъ случайныхъ явленій наблюдателями (статистиками и историками), неспособными глубоко и всесторонне проникнуть въ сущность строго взвѣшеннаго плана, въ которомъ приняты во вниманіе всѣ требованія вышеуказанной логической схемы для изученія соотвѣтствующаго массоваго процесса, можетъ, очевидно, оказаться напрасною потерею труда и привести къ заблужденію. А выработка и исполненіе строго взвѣшаннаго плана научнаго изслѣдованія какого-либо массоваго процесса требуютъ большой прозорливости и опытности, а также умѣнья рѣшить вопросъ о соотвѣтствіи плана научнаго изслѣдованія массоваго процесса со всѣми условіями примѣнимости теоріи вѣроятностей и ученія о среднихъ величинахъ. По этому составитель плана статистическаго или историчестаго научнаго

изслѣдованія массовыхъ явленій долженъ сверхъ хорошаго знакомства съ математикой обладать не только тонкимъ чутьемъ моралиста, психолога и философа, но и здравымъ житейскимъ смысломъ и опытностью. Затѣмъ исполнители этого плана, т. е. собиратели матеріала также должны быть проникнуты пониманіемъ этого плана въ его примѣненіи къ наблюдаемымъ условіямъ, причинамъ, вліяніямъ, силамъ, цѣлямъ и явленіямъ и должны обладать способностью отнестись съ полною тщательностію и добросовѣстностью къ этимъ наблюденіямъ. Лучшими статистиками-наблюдателями являются по различнымъ отраслямъ тѣ образованные люди, которые состоятъ при этихъ отрасляхъ въ постоянныхъ дѣловыхъ связяхъ, направляя ходъ дѣлъ. Управленіе и статистика въ сущности не отдѣлимы одно отъ другой. Особыя статистическія учрежденія и спеціалисты по статистикѣ, конечно, необходимы для контроля наблюденій на мѣстахъ, для общаго руководства и для сводки результатовъ.

Всѣ эти предосторожности необходимы, чтобы обезпечить отъ противорѣчій, которыя могутъ возникнуть при переходѣ отъ умозрительно найденной логической формы къ конкретнымъ явленіямъ. Если эти предосторожности наблюдателями тщательно выполняются, если притомъ умозрительныя предпосылки постоянно контролируются индуктивно, т. е. исправляются тщательно подъ вліяніемъ замѣченныхъ противорѣчій между ними и результатами наблюденій, то такое изслѣдованіе, будучи одновременно и широкимъ по размаху умозрѣнія и осторожнымъ, можетъ привести къ обильнымъ и точнымъ выводамъ.

Такимъ образомъ получается широкій по области примѣненія точный дедуктивно-индуктивный методъ, частнымъ случаемъ котораго являются методы статистическій и историческій, способные давать не эмпирическіе только, но и точные законы, если, конечно, соотвѣтствующій методъ примѣняется правильно и умѣло.

Пояснимъ логическую схему изслѣдованія массовыхъ процессовъ однимъ примѣромъ, который относится къ массовому процессу, имѣющему связь съ дѣятельностью страховыхъ отъ огня обществъ. А затѣмъ перейдемъ къ болѣе полному разсмотрѣнію и развитію логическихъ основаній усовершенствованной соціальной физики.

ГЛАВА II.

Сужденіе о свойствахъ массоваго процесса, относящагося къ вопросамъ о страхованіи отъ огня имуществъ. Роль изоляціи.

§ 12. Къ проявленіямъ человѣческой дѣятельности имѣютъ тѣсное (служебное) отношеніе массовые процессы не психическіе, а иныхъ родовъ, напримѣръ, физическіе, физіологическіе и біологическіе. Такихъ процессовъ, по существу болѣе простыхъ, мы ниже почти не будемъ касаться ради краткости. Поясникъ здѣсь ихъ характеръ.

Разсмотримъ массовый процессъ не психическій, а чисто физическій (по роду разсматриваемыхъ случайныхъ явленій). Этотъ массовый процессъ относится къ пожарамъ и можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, иногда регулярнымъ, допускающимъ примѣненіе теоріи среднихъ величинъ съ ея точными законами, а иногда иррегулярнымъ.

Вообразимъ страховое отъ огня учрежденіе, оперирующее въ какомъ нибудь огромнѣйшемъ городѣ съ весьма большимъ числомъ домовъ (имущественныхъ участковъ), подлежащихъ застрахованію отъ огня на годовой срокъ. Пожаръ въ отдѣльномъ домѣ трактуется какъ отдѣльное явленіе. Къ концу года страховое учрежденіе будетъ считаться съ массовыми явленіями, состоящими въ томъ, что одна часть домовъ не будетъ повреждена огнемъ, а другая часть пострадаетъ отъ огня. Спрашивается, примѣнимо ли къ этимъ массовымъ случайнымъ явленіямъ ученіе о среднихъ величинахъ, или же не примѣнимо. Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ отвѣта на другой вопросъ: будутъ ли пожары въ каждыхъ двухъ домахъ независимыми случайными явленіями или же нѣтъ, т. е. будетъ ли вѣроятность

пожара въ одномъ домѣ неизмѣнна отъ того, что случится пожаръ въ другомъ домѣ.

Очевидно, эти два явленія не будутъ независимыми, если городъ будетъ напоминать деревянную Москву старыхъ временъ, лишенную средствъ борьбы съ огнемъ и оставившую о себѣ преданіе, что вся она выгорѣла отъ грошевой восковой свѣчи. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, разсматриваемый массовый процессъ будетъ *иррегулярнымъ* въ отношеніи пожаровъ, и страховое отъ огня учрежденіе не должно примѣнять теорію среднихъ величинъ подъ опасеніемъ сдѣлать ошибку въ своихъ расчетахъ, такъ какъ вышеуказанное основное условіе примѣнимости этой теоріи здѣсь нарушено.

Напротивъ, при *изоляціи* домовъ, защищающей каждый домъ отъ передачи пожара изъ другихъ участковъ, и при усовершенствованныхъ условіяхъ борьбы съ огнемъ, которыя выражаются въ цѣлесообразномъ сооруженіи построекъ и въ организаціи средствъ для тушенія огня, пожары двухъ изолированныхъ домовъ будутъ случайными явленіями почти независимыми, что и дозволяетъ примѣненіе при этихъ условіяхъ теоріи среднихъ величинъ (если впрочемъ независимость эта не будетъ уничтожена невѣжественнымъ или неосторожнымъ обращеніемъ съ огнемъ или злою волею какой-либо группы тайныхъ поджигателей, отъ вліянія которыхъ, конечно, невозможно оградиться одними физическими средствами борьбы противъ распространенія огня).

Если, наконецъ, взглянуть на пожарный вопросъ въ данномъ городѣ *исторически*, то увидимъ, что условія изоляціи домовъ и средства борьбы съ распространеніемъ огня съ теченіемъ времени измѣняются, и эти обстоятельства вліяютъ на вѣроятности пожаровъ, на измѣненіе характера зависимости отдѣльныхъ пожаровъ, какъ случайныхъ явленій, другъ отъ друга и на переходъ части этихъ явленій въ число взаимно-независимыхъ.

Разсмотрѣнный примѣръ наглядно выясняетъ роль изоляціи въ вопросѣ о независимости явленій.

ГЛАВА III.

Основы точной логики индуктивныхъ наукъ. Законы точные и ихъ эмпирическія стадіи. Призрачные эмпирическіе законы позитивистовъ. Ошибки умозрѣнія идеалистовъ и ихъ исправленіе. Апріорныя схемы Н. Н. Шиллера. Силы метафизическія: хотѣніе, живое притяженіе, психика, свободная воля. Аритмологія и монады. Монадологическія схемы и индукція. Значеніе теоріи вѣроятностей. Начало независимости и свободы и начало вліянія. О логическихъ схемахъ, относящихся къ явленіямъ физическимъ, біологическимъ и моральнымъ.

§ 13. Разъясняя условія примѣненія теоріи вѣроятностей вообще къ массовымъ случайнымъ явленіямъ и особенно къ изслѣдованію массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности, мы вынуждены затрогивать точную логику индуктивныхъ наукъ въ ея цѣломъ объемѣ. Мы разсмотримъ ее въ возможно тѣсной связи съ практическою научною методологіей, которая примѣняется въ области *точныхъ* наукъ *).

*) Логика имѣетъ тѣсное отношеніе къ теоріи познанія (гносеологіи), которую мы беремъ у идеалистовъ Декарта, Лейбница, Канта и Владиміра Соловьева. Монадологія *Лейбница*, переработанная *Н. В. Бугаевымъ* въ связи съ аритмологіей, и гносеологическіе взгляды *Канта* и *Владиміра Соловьева*, отразившіеся у *Н. Н. Шиллера*, особенно намъ ниже помогутъ. Дедукцію и индукцію мы понимаемъ не въ Миллевскомъ и Бэконовскомъ, а скорѣе въ Декартовскомъ смыслѣ или въ томъ смыслѣ, какъ понималъ эти методы Владиміръ Соловьевъ.

Статья профессора физики *Н. Н. Шиллера*: „Значеніе понятій о силѣ и массѣ въ теоріи познанія и въ механикѣ“ (Кіевъ. 1898) даетъ существенныя указанія, на которыхъ можетъ быть построена основная часть точной логики индуктивныхъ наукъ. Этими указаніями, въ которыхъ суммировались впечатлѣнія автора, вызванныя успѣхами физико-химическихъ наукъ въ послѣднее время, мы воспользуемся для нашихъ основныхъ опредѣленій.

Соединеніе системъ математическаго умозрѣнія съ методами изслѣдованія конкретныхъ явленій назовемъ *точною логикой*. Сдѣланныя выше замѣчанія объ этой логикѣ необходимо здѣсь дополнить и развить.

Точная логика опирается на философскій идеализмъ, математику и индукцію. Благодаря теоріи вѣроятностей, эта точная логика имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться логикою всеобщею, захвативъ въ свою сферу индуктивныя науки, относящіяся къ нравственной, политической и общественной дѣятельности человѣка.

Въ точной логикѣ индуктивныхъ наукъ огромное значеніе имѣютъ апріорныя математическія дисциплины, исходящія изъ точно опредѣляемыхъ понятій, постулатовъ или аксіомъ и гипотезъ и имѣющія цѣлью связать явленія, совершающіяся въ различныхъ отдѣлахъ міропорядка, точными законами.

Для достиженія своихъ цѣлей точная логика индуктивныхъ наукъ съ одной стороны пользуется *умозрѣніемъ*, которое состоитъ въ апріорномъ построеніи математическихъ схемъ, связывающихъ опредѣленнымъ образомъ воображаемыя явленія, и съ другой стороны тщательнымъ *наблюденіемъ* соотвѣтствующихъ конкретныхъ явленій, провѣряющимъ согласіе апріорной схемы съ дѣйствительностію.

Въ этомъ логическомъ процессѣ умозрѣніе и наблюденіе находятся во взаимодѣйствіи: направляющую роль играетъ умозрѣніе, участвующее въ выработкѣ элементовъ математической схемы; но наблюденіе и опытъ также играютъ важную роль, такъ какъ если схема эта не подтверждается опытомъ или наблюденіемъ, то процессъ изученія данной группы явленій не законченъ, и наука должна далѣе измѣнять, дополнять и совершенствовать первоначальную апріорную схему, пока взаимодѣйствіе умозрѣнія и наблюденія не приведетъ въ данной области знанія къ наиболѣе полному и всестороннему согласію апріорной схемы и конкретной дѣйствительности.

Этотъ логическій процессъ согласованія результатовъ умозрѣнія съ дѣйствительностію составляетъ самую важную часть научнаго творчества. Переходъ отъ одного (отъ умозрительно построенной схемы) къ другому (къ конкретнымъ явленіямъ,

укладывающимся въ эту схему), если онъ совершенъ правильно, представляетъ важное открытіе, такъ какъ даетъ математически выраженный *порядокъ* или *точный законъ*, обнимающій данную группу конкретныхъ явленій.

Въ промежуточной стадіи, когда переходъ отъ умозрительнаго къ конкретному не вполнѣ завершенъ, но продвинутъ достаточно далеко, иногда бываетъ возможно искать *эмпирическіе законы* (подобные законамъ Кеплера).

Полученіе эмпирическихъ законовъ въ точной логикѣ считается умѣстнымъ лишь тогда, когда познающій умъ уже дошелъ умозрѣніемъ и предшествующими индукціями до убѣжденія непремѣннаго существованія въ познаваемой области точнаго закона, но еще не облекъ этотъ законъ въ опредѣленныя математическія формулы. Въ этомъ случаѣ точныя формулы замѣняются *рядами* или *таблицами*, взятыми *изъ наблюденія*. Эти таблицы или ряды и представляютъ эмпирическій законъ.

Эмпирическіе законы точной логики слѣдовало бы полнѣе называть эмпирическими *стадіями* точныхъ законовъ,

§ 14. Эмпирическіе законы точной логики нужно противополагать *призрачнымъ* эмпирическимъ законамъ позитивистовъ.

Примѣромъ призрачныхъ эмпирическихъ законовъ, которыхъ познающій умъ долженъ остерегаться, являются многіе ряды, составляемые послѣдователями теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ изъ ихъ прототиповъ. При этомъ невольно припоминаются каррикатурные призрачные эмпирическіе ряды, имѣющіе цѣлію объяснить завѣдомо невозможное происхожденіе однихъ предметовъ отъ другихъ (напримѣръ, художника отъ кисти маляра).

Статистическіе ряды и таблицы, выводимые при помощи Миллевско - Вагнеровскихъ принциповъ, точно также очень часто могутъ представлять собою лишь призрачные эмпирическіе законы. Возможность такихъ призраковъ въ области крайняго эмпиризма лучше всего говоритъ за важную и даже первенствующую роль математическаго умозрѣнія, но контролируемаго путемъ опыта. Эмпиризмъ же самъ по себѣ можетъ лишь накоплять сырой фактическій матеріалъ, можетъ также

систематизировать его внѣшнимъ только образомъ, но не можетъ безъ помощи умозрѣнія связать его въ форму точнаго закона, дать ему глубокій смыслъ.

§ 15. Крайніе эмпирики справедливо упрекаютъ крайнихъ идеалистовъ въ томъ, что и они впадаютъ въ иллюзіи, принимая за дѣйствительность призраки своей фантазіи. Поэтому, строго говоря, познающій умъ долженъ руководиться благоразумнымъ сочетаніемъ умозрѣнія съ наблюденіемъ; онъ долженъ соединить гармонически берега двухъ міровъ, изъ которыхъ одинъ заключенъ въ психическомъ мірѣ познающаго субъекта и постигается внутреннимъ опытомъ познающаго ума, а другой данъ во внѣшнемъ познаваемомъ мірѣ и проникаетъ во внутренній психическій міръ познающаго посредствомъ внѣшняго опыта.

Математика даетъ безконечное множество стройныхъ умозрительныхъ построеній, которыми можетъ пользоваться познающій умъ для уясненія также безконечнаго множества различныхъ отдѣловъ міропорядка; но этотъ умъ долженъ умѣть изъ безконечнаго разнообразія мыслимыхъ математическихъ построеній выбрать то, которое соотвѣтствуетъ данному отдѣлу конкретнаго міропорядка, рѣшая этотъ вопросъ наблюденіемъ и не впадая въ отчаяніе отъ неизбѣжныхъ при этомъ ошибокъ. Для тѣхъ, кто проникъ глубоко въ сущность познавательнаго процесса и въ точную логику, ошибка умозрѣнія еще не есть поводъ къ дискредитированію его, а есть случай къ усовершенствованію знанія. Ошибки эти всегда имѣются въ виду въ точной логикѣ индуктивныхъ наукъ и, будучи сознаны, бываютъ нерѣдко причиною прогресса науки въ рукахъ ея представителей, владѣющихъ математическимъ умозрѣніемъ и умѣньемъ наблюдать. Пусть, напримѣръ, Кетле сдѣлалъ умозрительныя ошибки въ посылкахъ своей соціальной физики. Нужно ли поэтому отказаться и отъ этой физики и отъ теоріи вѣроятностей, на которую онъ опирался? Не лучше ли сохранить созданіе ума Кетле и его предшественниковъ, замѣнивъ ошибочныя посылки вѣрными и сдѣлавъ такимъ образомъ шагъ впередъ въ познаніи явленій общественной жизни?

§ 16. Поучителенъ прогрессъ физики, выросшій изъ такихъ ошибокъ умозрѣнія и поправокъ на основаніи наблюденія, и взглядъ одного изъ физиковъ, *Н. Н. Шиллера*, по этому вопросу попробуемъ здѣсь кратко выразить.

Чтобы составить себѣ понятіе объ апріорныхъ схемахъ точной логики, нужно силлогистическія формы элементарной (діалектической) логики замѣнить сложными апріорными математическими построеніями, образцами которыхъ служатъ эвклидова геометрія, неэвклидова геометрія, механика (ньютоніанская), зарождающаяся схема электро-химическихъ явленій и т. д. Всѣ эти *высшія* силлогистическія формы, называемыя апріорными или умозрительными схемами, существенно важны во всѣхъ деталяхъ для спеціалистовъ; но при философскомъ выясненіи основныхъ принциповъ и методовъ точныхъ индуктивныхъ наукъ онѣ нужны по ихъ философской сущности. То, что Кетле назвалъ соціальною физикою и излагается здѣсь въ пересмотрѣнномъ и исправленномъ видѣ, опирается на самую сложную изъ этихъ умозрительныхъ схемъ.

Къ такимъ созданнымъ *внутреннею* работою познающаго ума схемамъ, по свойству нашихъ психическихъ способностей, пріурочивается, думаетъ Н. Н. Шиллеръ, совокупность полученныхъ изъ *внѣшняго* опыта или наблюденія впечатлѣній, и въ такомъ случаѣ получается соотвѣтствующая данной апріорной схемѣ точная индуктивная наука. Этимъ, напримѣръ, воззрѣніемъ опредѣляется отношеніе механики къ физикѣ. Что такое механическіе процессы, мы знаемъ изъ апріорныхъ положеній механики. Какъ разыскать такіе процессы среди наблюдаемыхъ явленій, тому учитъ физика.

При этомъ, конечно, впечатлѣнія, полученныя изъ опыта, могутъ иногда, по мнѣнію Н. Н. Шиллера, дать толчекъ къ умозрительному построенію новыхъ апріорныхъ понятій и соотвѣтствующихъ новыхъ апріорныхъ схемъ, а эти послѣднія могутъ послужить къ дальнѣйшей дифференцировкѣ въ научной классификаціи наблюдаемыхъ явленій. Это взаимодѣйствіе обезпечиваетъ прогрессирующую работу мысли. Индукція ведетъ, такимъ образомъ, лишь къ собиранію матеріала, дабы умозрительныя по-

строенія (схемы) совершенствовались, не противорѣча не только внутреннему созерцанію, которое дано въ процессѣ умозрѣнія и кладетъ первоначальную основу убѣжденію, но и внѣшнему наблюденію или опыту.

Оцѣнивая ходъ и направленіе работы современной научной мысли по указанному сейчасъ пути ея усовершенствованія, легко очертить съ одной стороны важную роль механическаго матеріализма, а съ другой недостаточность его для объясненія не только психическихъ, но и біологическихъ и даже химическихъ явленій. Н. Н. Шиллеръ говоритъ: «Самымъ важнымъ моментомъ, уясняющимъ значеніе матеріалистическаго міровоззрѣнія, является то обстоятельство, что умъ нашъ остается на совершенно законной и логической почвѣ, строя механическіе законы природы, такъ какъ эти законы представляютъ собою одно изъ условій міропознанія точно такъ же, какъ и законы чисто геометрическіе или количественные. Несомнѣнно, что механическія соотношенія составляютъ необходимую и неизбѣжную часть нашего міропознанія; но вслѣдствіе этого-то именно мы приходимъ къ сознанію, что упомянутыя соотношенія отнюдь, однако, не могутъ исчерпывать всего содержанія міропознанія. Поэтому механическая теорія, имѣющая полное право на существованіе и дальнѣйшее развитіе, только тогда теряетъ почву, когда становится исключительною, утверждая, что съ понятіемъ о матеріи исчерпываются для нашего ума всевозможныя формы познанія сущаго».

Такимъ образомъ, нѣтъ основаній предвидѣть будущее поглощеніе физикою всѣхъ другихъ наукъ, разнообразіе которыхъ и принципіальное различіе выясняются съ теченіемъ времени все сильнѣе и сильнѣе при полномъ отсутствіи данныхъ, свидѣтельствующихъ о противоположномъ. «Правда, — говоритъ Н. Н. Шиллеръ — мы видимъ, что химики все болѣе и болѣе вникаютъ въ физическія условія химическихъ явленій, что біологія стремится въ широкихъ размѣрахъ утилизировать для себя выводы физики и химіи и что психологія давно уже перестала быть изолированною отъ физіологіи. Но отсюда еще недосягаемо далеко до заключенія, что хими-

ческіе процессы исчерпываются вполнѣ ихъ физическимъ содержаніемъ, что явленія органическаго міра суть только физическія и химическія измѣненія тѣлъ и что всѣ психическіе акты представляются тѣмъ или другимъ состояніемъ физіологическихъ условій. Конечно, никто не будетъ спорить, что всѣ явленія: физическія, химическія, біологическія и психическія совершаются во времени. Во всѣхъ такихъ явленіяхъ найдется, конечно, механическая или физическая сторона; но было бы слишкомъ неосновательно предрѣшать, что этою стороною все охарактеризовано и что умъ нашъ ограниченъ въ своемъ развитіи и актахъ мышленія до полной неспособности выйти изъ сферы временныхъ, пространственныхъ и матеріальныхъ отношеній. Не вправѣ ли мы будемъ, поэтому, предположить, что судьба ведетъ науки къ чему-то иному, существенно отличному отъ перспективы поглощенія ихъ физикою. Можетъ быть, вмѣсто ожидаемаго отождествленія съ физикою мы вправѣ будемъ усматривать въ ходѣ развитія наукъ только аналогію съ развитіемъ физики, а потому ожидать, что для нихъ будетъ найдена такая же схема апріорныхъ построеній, какую физика нашла для себя въ механикѣ. Въ какомъ бы видѣ упомянутое новое умозрительное построеніе ни осуществилось, несомнѣнно, что для него потребуются новыя понятія, не включенныя въ механику; слѣдовательно потребуются новыя опредѣленія и новыя апріорныя представленія. Точно также какъ механика возникла рядомъ съ математикою и геометріею при помощи новой формы представленія о сущемъ въ понятіи о матеріи, такъ и каждая имѣющая вновь образоваться умозрительная дисциплина должна внести новыя понятія, существенно разнородныя со временемъ, пространствомъ и матеріею».

Недостаточность другихъ родовъ матеріализма (физіологическаго, экономическаго и соціологическаго или историческаго) обнаруживается аналогичными разсужденіями. Такъ, матеріализмъ экономическій въ предѣлахъ заботы о хлѣбѣ насущномъ является безспорно важнымъ факторомъ въ жизни человѣчества. Въ этой сферѣ матеріализмъ дѣйствуетъ иногда фатально, и какъ желѣзная цѣпь можетъ поработить человѣка, такъ и гне-

тущая экономическая нужда можетъ сдѣлать его рабомъ въ извѣстномъ смыслѣ. Но экономическій матеріализмъ дѣлается чудовищною утопіей, если думаетъ обнять собою всѣ явленія человѣческой жизни, не оставляя мѣста ничему болѣе высокому и святому *).

Все разнобразіе понятій, введеніе которыхъ въ науку представляется необходимымъ, приводитъ къ заключенію о *множественности* логическихъ апріорныхъ схемъ, охватывающихъ міропорядокъ. Необходимость этой множественности Н. Н. Шиллеръ вывелъ изъ философскаго обозрѣнія точныхъ наукъ въ ихъ современномъ состояніи и изъ логическаго процесса, пройденнаго ими. Это обозрѣніе приводитъ нашего физика къ такой цѣпи возможныхъ апріорныхъ научныхъ схемъ, въ которой на верху стоитъ понятіе о познающемъ духѣ и всесовершенномъ и безконечномъ познаніи и самосознаніи (о Богѣ).

Н. Н. Шиллеръ выразилъ то, что всегда признавала строгая логика математика-естествоиспытателя, не порвавшаго связей съ метафизикой. Въ пользу метафизическаго начала съ очевидностью говоритъ прежде всего наше свободное «*я*», свидѣтельствующее о свободѣ нашей воли, какъ великой силѣ, существованіе которой представляетъ достовѣрную апріорную самоочевидную *аксіому* (не менѣе очевидную, чѣмъ аксіомы геометріи), чѣмъ и подтверждается необходимость широкаго метафизическаго міровоззрѣнія, противополагаемаго узкому матеріалистическому взгляду.

§ 17. Само собою разумѣется, что точная логика индуктивныхъ наукъ ставитъ условіемъ научнаго изслѣдованія *законъ причинности* или, иначе, *законъ достаточныхъ основаній*, утверждая вмѣстѣ съ Лейбницемъ и Лапласомъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины и что самая свободная воля не дѣлаетъ своего выбора безъ мотива. Этотъ законъ причинности есть гносеологическая форма, которая нужна, чтобы поселить въ нашемъ умѣ ясный порядокъ, и которая, конечно, не можетъ стѣснить

*) Матеріализмъ экономическій и соціологическій въ сущности приводится къ матеріализму физическому и физіологическому, такъ какъ сводитъ всѣ экономическія и историческія явленія лишь къ причинамъ физическимъ и физіологическимъ.

свободныя категоріи міропорядка, каковыя существуютъ въ дѣйствительности и не противорѣчатъ причинности.

Если въ живой особи дѣйствуетъ *психика*, какъ внутренняя причина, болѣе или менѣе *свободная* по отношенію къ внѣшней средѣ, то она включается въ апріорную схему, какъ особая сила, которую можемъ назвать *метафизическою силою*, при чемъ дѣйствіе ея опредѣляется соотвѣтствующими постулатами.

Самое происхожденіе такихъ апріорныхъ понятій и связанныхъ съ ними постулатовъ можетъ быть какимъ угодно: эмпирическимъ, умозрительнымъ или мистическимъ. Точная логика индуктивныхъ наукъ требуетъ отъ апріорныхъ понятій, аксіомъ и гипотезъ прежде всего лишь одного: *точности опредѣленія*, а затѣмъ, конечно, требуетъ строгаго согласія соотвѣтствующей апріорной схемы съ дѣйствительностію. Даже такія странныя понятія, какъ понятія объ эфирѣ, *x*—лучахъ и т. п., могутъ служить для этихъ схемъ.

Діалектическій споръ по вопросу о происхожденіи апріорныхъ элементовъ логической схемы является постороннимъ дѣломъ для точной логики, и если вопросъ этотъ представляется важнымъ и интереснымъ, то рѣшать его должна не логика, а психологія и гносеологія подъ условіемъ, конечно, достаточной философской широты взгляда, дабы не ставить наукѣ препятствій къ ея развитію.

Физическія силы суть вообще силы механическія, а эти послѣднія въ своихъ общихъ опредѣленіяхъ строго очерчены въ механикѣ. Общія свойства *всякой* механической силы опредѣлены въ *трехъ принципахъ*, которые формулировалъ еще *Ньютонъ* въ своихъ безсмертныхъ «*Principia*» и которые съ тѣхъ поръ до нашихъ дней безъ существенныхъ отступленій служатъ основами механики и физики. Всякая сила, дѣйствующая по этимъ тремъ принципамъ, есть физическая, и, наоборотъ, сила, дѣйствіе которой совершается *иначе*, есть сверхфизическая или метафизическая, оставаясь вполнѣ реальною или естественною.

Психика есть *высшая* форма сверхфизической силы.

Простѣйшіе элементы психики представляютъ низшія формы сверхфизической силы, которыя давно отстаиваются огромною группою естествоиспытателей. По ихъ ученію эти силы широко разлиты во вселенной; имъ можно дать общее названіе: *хотѣніе* или *живое притяженіе*. Дѣйствіе этой силы—выбирающее, распредѣляющее и размножающее. Она проявляется въ видимыхъ образахъ органическою жизнью. Она существуетъ, какъ замѣтилъ *Пастеръ*, въ процессахъ химіи (въ броженіи); она проявляется въ необъяснимыхъ для матеріалиста явленіяхъ витализма (живого притяженія). Отвергаемый въ механико-матеріалистическомъ міровозрѣніи съ такою же горячностью, какъ и свобода воли, витализмъ имѣетъ своихъ убѣжденныхъ защитниковъ среди естествоиспытателей. Проф. *А. А. Тихомировъ* въ статьѣ «Живое вещество и клѣтка» (см. «Естествознаніе и географія», годъ IV, апр. 1899. Москва) излагаетъ кратко исторію этого вопроса и приводитъ главныя соображенія и наблюденія, подтверждающія существованіе живого притяженія. Физико-механическая модель живой матеріи, намѣченная въ рѣчи проф. *Н. А. Умова* (Дневникъ XI-го Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Стр. 678. Петерб. 1902), какъ бы она ни была искусна по замыслу, всегда окажется для строго мыслящаго ума лишь автоматомъ и манекеномъ, а не живымъ организованнымъ существомъ, внутри котораго, кромѣ автоматизма, играющаго роль при многихъ физіологическихъ отправленіяхъ, заложена сила—хотѣніе.

Хотѣніе у высшихъ существъ проявляется, какъ сознательно и разумно дѣйствующая психическая сила: *свободная воля*, подробно описанная ниже (гл. IV и VII). *Свободная воля есть равнодѣйствующая всѣхъ психическихъ силъ духовноразумнаго существа.*

§ 18. *Хотѣніе* низшихъ живыхъ организованныхъ существъ и *свободная воля* высшихъ существъ дѣйствуютъ не вопреки Ньютоновымъ принципамъ, но и не по этимъ принципамъ, а *иначе*. Аритмологія, какъ ее понимаетъ *Н. В. Бугаевъ*, и монадологія *Лейбница* даютъ ключъ изучать эти силы путями, опирающимися на точную логику, т. е. на философскій идеализмъ, математику и индукцію.

Математика, какъ наука счета, излагаетъ ученіе о всевозможныхъ *сочетаніяхъ* или *группахъ* предметовъ и о взаимныхъ *соотвѣтствіяхъ* ихъ и даетъ могущественныя средства для изученія порядка въ безконечно разнообразныхъ сочетаніяхъ и соотвѣтствіяхъ. Этотъ отдѣлъ математики профессоръ Н. В. Бугаевъ въ своей замѣчательной классификаціи математическихъ дисциплинъ называетъ *аритмологіей* и противополагаетъ эту дисциплину, какъ ученіе объ индивидуальномъ и прерывномъ (господствующемъ въ монадологіи Лейбница), *анализу*, т. е. математическому ученію о непрерывномъ *).

Точные законы въ различныхъ отдѣлахъ міропорядка выражаются математическими формулами. Если держаться Бугаевской классификаціи математическихъ наукъ, то можно сказать, что въ явленіяхъ физики и астрономіи (небесной механики) господствуетъ анализъ, такъ какъ формулы, облекающія этотъ отдѣлъ міропорядка въ точные законы, опредѣляются уравненіями, а не аритмологическими сочетаніями и неравенствами. Напротивъ, въ явленіяхъ біологическихъ и моральныхъ точные законы не выражаются при помощи лишь анализа и непремѣнно требуютъ аритмологіи, въ которой многія формулы опредѣляются не только уравненіями, но и аритмологическими сочетаніями, а также неравенствами.

Теорія вѣроятностей въ отношеніи счета черпаетъ свои основы въ этой аритмологіи, разсматриваетъ въ явленіяхъ (случаяхъ), согласно своимъ основнымъ понятіямъ, особыя группы и классы и взаимныя между ними соотвѣтствія, и стремится на основаніи такого счета строить апріорныя схемы и посредствомъ нихъ находить въ конкретныхъ массовыхъ явленіяхъ ариѳметическій или аритмологическій *порядокъ* или точные *законы*.

Эти апріорныя схемы могутъ быть привязаны къ различнымъ отдѣламъ одухотвореннаго и оживотвореннаго міропорядка чрезъ понятіе о *монадахъ*, надѣленныхъ разными свойствами, и схемы эти затѣмъ можно провѣрять наблюденіемъ.

*) *Н. В. Бугаевъ*: „Математика и научно-философское міросозерцаніе“ (Вопросы Философіи и Психологіи. Москва. 1899).

Понятіе о монадѣ (особи) является очень удобною формою для умозрительнаго и философскаго оперированія по отношенію ко всевозможнымъ областямъ міропорядка, въ которыхъ приходится примѣнять математику и ея отдѣлъ, теорію вѣроятностей.

Н. В. Бугаевъ, пересмотрѣвшій Лейбницеву монадологію и сблизившій ее съ аритмологіей, подчеркиваетъ особенное значеніе ученія о монадахъ. Основанное на этомъ ученіи міросозерцаніе не принуждаетъ насъ понимать теченіе событій только въ роковой и необходимой послѣдовательности. Оно освобождаетъ насъ отъ фатализма, даетъ отпоръ наклонности къ универсализму нѣкоторыхъ философовъ. Въ этомъ ученіи *Лейбницъ* показалъ, какое значеніе имѣютъ различныя недѣлимыя и самостоятельныя индивидуальности въ міровомъ порядкѣ. Въ этомъ ученіи выразилась вся глубина научно-философскаго чутья великаго нѣмецкаго философа и математика.

§ 19. Лейбницева монада есть живая особь, надѣленная на болѣе высокихъ ступеняхъ ея развитія не только хотѣніемъ, но и сознаніемъ, волею и вообще высшею психикой. Различіе монадъ велико и объясняется коренными разностями въ свойствахъ, которыми та или другая монада бываетъ надѣлена въ большемъ или меньшемъ изобиліи, смотря по высотѣ ея совершенства.

Категорія причинности, которая вызвала столько недоразумѣній въ связи съ понятіемъ о свободной волѣ, не составляетъ труднаго вопроса для изучившаго монадологію. Монады надѣлены болѣе или менѣе взаимною независимостью (свободою). Внутри себя каждая монада при этомъ имѣетъ самодовлѣющій законъ причинности. Дѣйствіе внутренней (самодовлѣющей) причинной связи въ мірѣ монадъ *различной* степени совершенства болѣе и болѣе осложняется въ его характерѣ съ поднятіемъ психики монады. Для познающей мыслящей монады, занимающей извѣстный рангъ въ міровомъ порядкѣ, становится болѣе и болѣе трудно понять дѣйствіе причинной связи въ отношеніи монадъ болѣе высокаго ранга, надѣленныхъ такими свойствами, отраженія которыхъ нѣтъ у познающей низшей монады,—трудно потому что въ ея внутреннемъ опытѣ нѣтъ опоръ для воспріятія этихъ высшихъ для нея свойствъ,

дѣйствіе которыхъ ей субъективно представлялось бы какъ безпричинное явленіе или *чудо* или какъ недопустимый для ума произволъ.

Каждая монада есть микрокосмъ: весь міръ заключенъ въ ней при различной, однако, степени ясности представленія о немъ.

Монада способна къ развитію, самоусовершенствованію, которое приближаетъ ее къ Богу. Всѣ монады условны и ограничены, а Богъ—творческая причина всѣхъ монадъ, существо самобытное и самодовлѣющее. У Лейбница Божество—монада въ смыслѣ совершеннѣйшей Личности.

Множественность апріорныхъ схемъ Н. Н. Шиллера, лежащихъ въ основаніи вышеразсмотрѣнной точной логики, можетъ соотвѣтствовать разностямъ въ свойствахъ монадъ. Эти-то разности и сказываются въ явленіяхъ физическихъ, химическихъ, физіологическихъ, біологическихъ и моральныхъ. Въ моральныхъ явленіяхъ человѣческой жизни эти разности выражаются въ различіи духовно-нравственнаго развитія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ.

Монады, какъ источники физическихъ и метафизическихъ силъ, могутъ быть *апріорно* надѣлены любыми свойствами, умозрительно допустимыми и зависящими не только отъ физическихъ обстоятельствъ, но и отъ духовно-нравственныхъ *мотивовъ* (хотѣній, цѣлей, нравственныхъ условій и обязательствъ). Это даетъ возможность строить различныя апріорныя *монадологическія* или *метафизическія* схемы, въ условіяхъ которыхъ лежатъ нравственные постулаты (напримѣръ, нравственный законъ), а въ заключеніяхъ получается математически выраженный результатъ (апріорный законъ, обращающійся въ точный законъ индуктивной науки, если оправдывается въ конкретной дѣйствительности). Эти монадологическія схемы отличаются отъ механическихъ или физическихъ, въ которыхъ вмѣсто оживотворенныхъ и одухотворенныхъ монадъ играютъ роль неживые атомы и молекулы.

Метафизическія или монадологическія *апріорныя* логическія схемы, пріуроченныя къ конкретнымъ живымъ особямъ, связываютъ, слѣдовательно, апріорными законами соотвѣтствующія

конкретныя явленія, а *индукціей* эти законы могутъ быть свѣряемы съ дѣйствительностію. Послѣ такой повѣрки могутъ потребоваться поправки въ первоначальной логической схемѣ, если ея предпосылки разойдутся съ дѣйствительностію. Въ результатѣ этой индукціи, т. е. этого взаимодѣйствія умозрѣнія и наблюденія, получится точный законъ о конкретныхъ явленіяхъ, касающихся жизни одухотворенныхъ особей. Эта индукція не Бэконовская, а Декартовская по ея сочетанію съ дедукціей.

Такимъ образомъ дедуктивно-индуктивный методъ, устанавливаемый въ точной логикѣ, открываетъ точные законы, не только въ явленіяхъ физики, повинующихся механической связи причинъ со слѣдствіями, но и въ явленіяхъ природы живой и одухотворенной, кои предполагаютъ болѣе широкое истолкованіе связи между причинами и слѣдствіями. Это послѣднее истолкованіе допускаетъ вліяніе на міровой процессъ свободныхъ духовныхъ факторовъ. Таково, напримѣръ, начало, кроющееся въ свободной волѣ, которая при свѣтѣ сознанія и вѣры можетъ активнымъ выборомъ своимъ направить дѣйствія вопреки хотѣніямъ низшаго порядка къ высшимъ цѣлямъ и стремленіямъ и которая въ такомъ случаѣ можетъ явиться источникомъ духовнаго прогресса, какъ личнаго и семейнаго, такъ и массоваго, т. е. общественнаго, государственнаго и вселенскаго.

§ 20. Неисчерпаемый источникъ всѣхъ этихъ понятій и идей открываетъ безконечное поле для умозрѣнія и наблюденія,—и теорія вѣроятностей болѣе другихъ математическихъ дисциплинъ способна включать эту область въ кругъ точнаго научнаго изслѣдованія.

Перейдемъ къ выясненію этого особеннаго значенія теоріи вѣроятностей.

Въ каждой апріорной схемѣ, при помощи которой мы желаемъ охватить научнымъ изслѣдованіемъ какой-либо отдѣлъ міропорядка, связываются строго опредѣленнымъ образомъ причины со слѣдствіями. Если удалось построить схему такъ, что ею эта причинная связь вполнѣ исчерпана въ явленіяхъ даннаго отдѣла міропорядка, то такую схему назовемъ *полною*. Физика обладаетъ такою полною схемою въ формѣ механики,

которая апріорно рѣшаетъ всѣ вопросы физики (если отвлечься отъ непреодолимыхъ трудностей полнаго рѣшенія общихъ уравненій движенія такой необъятной механической системы, какою является наполняющая вселенную матерія).

Если полная апріорная схема физическихъ явленій столь сложна, то еще сложнѣе тѣ полныя схемы, въ которыхъ играютъ роль не только механическія силы, но и метафизическія. Поэтому возникаетъ вопросъ о *неполныхъ* апріорныхъ схемахъ, т. е. такихъ схемахъ, въ которыхъ законъ причинности предполагается несомнѣнно существующимъ, но характеръ дѣйствующихъ причинъ остается не вполнѣ исчерпаннымъ для познающаго ума. *Въ построеніи такихъ неполныхъ апріорныхъ схемъ оказываетъ великую помощь теорія вѣроятностей.*

Эта математическая дисциплина способна сейчасъ же дать точныя логическія схемы, хотя и неполныя, но точныя и сразу поднимающія науку до изслѣдованія даже такихъ отдѣловъ міропорядка, въ которыхъ причинами являются высшія *психическія силы* и различныя *условія* и *цѣли* (мотивы) ихъ дѣйствія.

Это драгоцѣнное свойство теоріи вѣроятностей, объясняется ея особеннымъ отношеніемъ къ изученію причинной связи явленій. Она предполагаетъ, что часть дѣйствующихъ въ данномъ процессѣ причинъ, скрытыхъ въ психикѣ монадъ, осталась *недоступною* для познающаго ума и, слѣдовательно, часть явленій, относящихся къ жизнедѣятельности монадъ, осталась *случайною*. Затѣмъ она подходитъ къ изслѣдованію этихъ послѣднихъ явленій съ *другой стороны* и какъ разъ съ той, гдѣ разсматривать причинную зависимость не приходится въ виду того, что сопоставляемые факты не стоятъ въ такой зависимости по отношенію другъ къ другу. При этихъ обстоятельствахъ факты разсматриваются въ тѣхъ случайныхъ сочетаніяхъ, въ какихъ они могутъ представиться въ данномъ процессѣ, и извѣстная *независимость* разсматриваемыхъ фактовъ является даже, какъ мы выше уже видѣли, главнѣйшимъ условіемъ примѣненія теоріи среднихъ величинъ.

Всякое явленіе стаціонарнаго процесса съ одними обстоятельствами связано, какъ неизбѣжное *слѣдствіе* этихъ обстоятельствъ

(*причинъ*), а съ другими обстоятельствами объединено началомъ *независимости* (для живыхъ особей началомъ *свободы*) и съ третьимъ началомъ *зависимости* или *вліянія*. Теорія вѣроятностей именно при такой неопредѣленности, какое представляетъ собою начало независимости и свободы, и находитъ точный стройный порядокъ, представляемый математическими законами массовыхъ *независимыхъ* случайныхъ явленій. Тамъ, гдѣ прочіе отдѣлы математики, какъ изучающіе законъ причинности, оказываются безсильными что-либо сдѣлать, теорія вѣроятностей перемѣняетъ путь изученія, изслѣдуетъ состоянія, въ оцѣнкѣ которыхъ играютъ роль менѣе напряженныя вліянія, чѣмъ причины, и съ успѣхомъ отыскиваетъ точный законъ въ условіяхъ независимости, т. е. въ наиболѣе свободныхъ массовыхъ комбинаціяхъ смежныхъ явленій.

Психика особи, этотъ внутренній міръ причинъ и вліяній, въ нѣкоторой сферѣ ея дѣйствія обладаетъ и независимостью, и недоступностью для познающаго ума. Къ дѣйствіямъ этихъ причинъ теорія вѣроятностей примѣнима и приводитъ къ *свободнымъ* точнымъ законамъ, чуждымъ матеріалистическаго фатализма.

Изучая въ стаціонарномъ массовомъ процессѣ случайныя явленія, связанныя какъ взаимнымъ вліяніемъ, такъ и началомъ независимости или свободы, теорія вѣроятностей не отказывается и въ отношеніи *нестаціонарнаго* процесса изучать соотвѣтствующія начала *независимости* и *вліянія*.

Изученію массовыхъ процессовъ въ связи съ началомъ *независимости* случайныхъ явленій, а также въ связи съ началомъ *вліянія* на эти явленія и соотвѣтствуетъ въ точной логикѣ особая вѣтвь дедуктивно-индуктивнаго метода, являющаяся въ примѣненіи къ массовымъ результатамъ человѣческой дѣятельности методомъ статистики и исторіи. Сущность соотвѣтствующей логической схемы указана въ гл. I (§ 9). Эта схема приводитъ къ усовершенствованной соціальной физикѣ.

§ 21. Въ схемѣ физико-механической, примѣняемой къ изслѣдованію соотвѣтствующихъ явленій, теорія вѣроятностей занимаетъ, казалось бы, второстепенное положеніе по сравненію съ другими математическими дисциплинами, — второстепенное

потому, что въ этой схемѣ явленія имѣютъ характеръ, опредѣляемый законами механики, этой наиболѣе разработанной полной апріорной схемы. Законы эти выражены въ общихъ уравненіяхъ динамики, какъ въ общей формулѣ. Тѣмъ не менѣе и въ этой схемѣ имѣетъ цѣнность теорія вѣроятностей, такъ какъ она облегчаетъ выводъ слѣдствій изъ упомянутыхъ крайне сложныхъ уравненій, общее рѣшеніе которыхъ еще непосильно геніальному уму. Благодаря этой сложности, теорія вѣроятностей, опираясь на механическія свойства атомовъ и молекулъ, еще долго будетъ играть важную роль во многихъ отдѣлахъ физики, напримѣръ, въ такихъ, какъ механическая теорія газовъ. Эта послѣдняя теорія въ высшей степени поучительна, какъ образецъ вывода законовъ физики статистическимъ методомъ. Этотъ методъ устанавливаетъ физическіе законы Маріотта и Бойля, Гелюссака и пр.

Господствующее же положеніе, какъ мы уже видѣли, занимаетъ теорія вѣроятностей въ монадологическихъ апріорныхъ схемахъ, осложненныхъ силами живаго притяженія, хотѣнія и на высшихъ ступеняхъ разумною психическою силою—свободною волею.

Разсматривая какой-нибудь массовый процессъ, представляемый сообществомъ какихъ-либо живыхъ монадъ вообще, мы будемъ имѣть процессъ *біологическій*, если въ дѣйствующихъ причинахъ, условіяхъ и силахъ и ихъ слѣдствіяхъ не приходится трактовать *категоріи нравственнаго закона*, т. е. если въ этомъ массовомъ процессѣ нѣтъ моральнаго элемента, дающаго основаніе различать, по цѣлямъ и мотивамъ, благо отъ зла и благотворный процессъ отъ процесса противоположнаго. Въ этой біологической схемѣ проявляется сила хотѣнія въ ея разнообразныхъ стадіяхъ. Здѣсь дѣйствуетъ естественный подборъ и происходитъ живая борьба за существованіе. Здѣсь острота зубовъ, тонкость инстинктивнаго чутья и другихъ средствъ отстаивать свое существованіе соединяется иногда (напримѣръ, въ жизни пчелъ и муравьевъ) съ поразительнымъ альтруизмомъ, но лишь какъ средствомъ сообща отстаивать свою независимость и поддерживать свое существованіе.

Ниже (гл. IV—VII) мы будемъ изучать процессы *высшаго* разряда, чѣмъ біологическіе, а именно процессы *моральные*. Тамъ мы будемъ говорить о массовыхъ проявленіяхъ въ жизни лишь такихъ человѣческихъ сообществъ, которыя поднялись болѣе или менѣе до пониманія *нравственнаго закона*, ставящаго человѣку разумную предѣльную цѣль его существованія, достойную его высшихъ способностей. Сейчасъ же все высказанное по поводу схемъ, относящихся къ явленіямъ біологическимъ и моральнымъ, сведемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Въ этихъ апріорныхъ схемахъ теорія вѣроятностей и монадологія представляютъ вообще почти единственную точную философскую и логическую дисциплину, примѣнимую къ научному изслѣдованію соотвѣтствующихъ явленій. Формула связи причины со слѣдствіями въ этихъ схемахъ хотя и существуетъ согласно аксіомѣ о причинной связи явленій, однако формула эта, какъ сложнѣйшая, конечно, не поддается всестороннему для ума выясненію. Эта формула требуетъ для своего выраженія даже не уравненій, какъ въ механикѣ и физикѣ, а болѣе сложныхъ соотношеній *аритмологіи*. Эти трудности, дѣлая возможнымъ въ данномъ случаѣ лишь примѣненіе теоріи вѣроятностей, отдаляютъ надежду постигнуть законы этихъ явленій въ болѣе полной формѣ. Но и неполный методъ можетъ всетаки проливать свѣтъ на эти явленія и способенъ приводить къ *свободнымъ точнымъ* законамъ, примѣромъ которыхъ служитъ указываемый ниже (§ 22) законъ дѣйствія свободной воли въ ея массовыхъ, нестѣсненныхъ посторонними вліяніями, проявленіяхъ.

ГЛАВА IV.

Выводъ точнаго свободнаго закона, относящагося къ массовымъ результатамъ нестѣсненной дѣятельности свободной воли. Эмпирическое (статистическое) подтвержденіе этого закона. Слѣдствіе этого закона: свободная воля есть великая реальная міровая психическая сила. Недостаточность астрономической схемы Кетле для объясненія роли свободной воли. Ошибки сужденія, основаннаго на примѣненіи позитивной логики къ вопросамъ о проявленіяхъ дѣятельности свободной воли. Взгляды на свободную волю корифеевъ точныхъ индуктивныхъ наукъ. Умозрительныя понятія, относящіяся къ духовно-нравственнымъ силамъ. Опасности крайняго отвлеченнаго идеализма и необходимость индукціи. Идеальный реализмъ, его значеніе и выраженіе въ русской жизни и литературѣ. Отношеніе свободной математической закономѣрности (точныхъ свободныхъ законовъ) къ нравственному закону и къ прочимъ условіямъ. Сущность науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.

§ 22. Въ массовомъ психическомъ процессѣ, который представляетъ собою жизнь весьма значительнаго человѣческаго сообщества, составляющіе его отдѣльные (изолированные) простые процессы выражаются, между прочимъ, въ жизни отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ этого сообщества. Эти простые процессы не вполнѣ изолированы, благодаря возможности различныхъ вліяній отдѣльныхъ лицъ другъ на друга. Тѣмъ не менѣе эти процессы по отношенію къ нѣкоторымъ случайнымъ явленіямъ, выражающимся въ поступкахъ отдѣльныхъ лицъ, достаточно изолированы, чтобы считать эти явленія независимыми и примѣнять

къ нимъ теорію среднихъ величинъ. Массовый общественный процессъ по отношенію къ этимъ явленіямъ свободно-регуляренъ въ томъ смыслѣ, какой установленъ выше (гл. I).

Та независимость случайныхъ явленій, которая является главнымъ условіемъ примѣненія теоріи среднихъ величинъ, обезпечивается здѣсь въ отношеніи многихъ явленій различными причинами и силами и, между прочимъ, особою, присущею человѣку, силою—его *свободною волею*. Свойства этой силы выражаются, между прочимъ, въ способности обладающаго ею лица отстаивать независимость своихъ дѣйствій въ нѣкоторой сферѣ,—отстаивать частію вполнѣ самостоятельно, частію подъ защитою другихъ вліяній и силъ. Поэтому свободная воля въ нѣкоторой сферѣ дѣйствуетъ какъ *причина*, вызывая неизбѣжныя слѣдствія. Такую дѣятельность свободной воли нужно отличать отъ дѣятельности ея въ качествѣ лишь *вліянія*. Если свободная воля дѣйствуетъ какъ причина, то эту ея дѣятельность будемъ называть *нестѣсненною*.

Эта нестѣсненная дѣятельность свободной воли отрицательно проявляется въ преступленіяхъ, а положительно въ благотворныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ сфера нестѣсненной благотворной дѣятельности свободной воли расширяется въ благоустроенной общественной жизни вліяніемъ нравственнаго и гражданскаго законовъ, добрыми нравами, учрежденіями и пр.

По отношенію ко всѣмъ вообще результатамъ нестѣсненной дѣятельности свободной воли массовый общественный процессъ оказывается вполнѣ *регулярнымъ*. Относительно этого процесса можемъ высказать слѣдующій *точный* свободный законъ, вытекающій изъ теоремы Чебышева.

Въ стаціонарномъ массовомъ общественномъ процессѣ случайныя явленія, представляющія результаты нестѣсненной дѣятельности свободной воли, взаимно независимы (гл. I) и поэтому должны изъ года въ годъ повторяться въ одинаковыхъ приблизительно итогахъ. Если съ этими массовыми случайными явленіями связаны опредѣленныя соотвѣтственныя числа, то и среднія ариѳметическія этихъ чиселъ должны повторяться изъ года въ годъ приблизительно въ однѣхъ и тѣхъ же величинахъ.

Очевидно, тамъ, гдѣ свободная воля человѣка не стѣснена въ своихъ рѣшеніяхъ и опредѣляетъ дѣйствіе, она должна наилучшимъ образомъ поддерживать *независимость* проявленій ея дѣятельности. Къ тѣмъ случайнымъ дѣйствіямъ огромнаго числа лицъ: Сидора, Дарьи, Петра, Ивана, ..., въ которыхъ проявляется рѣшеніе ихъ свободной самоопредѣляющейся воли, должно, слѣдовательно, съ особеннымъ успѣхомъ примѣняться ученіе о среднихъ величинахъ, если только при этомъ массовый общественный процессъ остается *стаціонарнымъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ теорія среднихъ величинъ точно устанавливаетъ, что въ ежегодныхъ итогахъ этихъ массовыхъ проявленій и въ среднихъ значеніяхъ связанныхъ съ этими явленіями чиселъ должно существовать приблизительное *постоянство*.

Въ главѣ VI (§§ 38 и 39) мы распространимъ этотъ точный свободный законъ.

§ 23. Этотъ апріорный выводъ точнаго свободнаго закона, опирающійся на теорію среднихъ величинъ и на то понятіе о свободной волѣ, которое слагается въ умѣ каждаго психически развитого человѣка на основаніи его внутренняго наблюденія надъ актами своей психической дѣятельности, желательно провѣрить эмпирическимъ (статистическимъ) путемъ. Для такой эмпирической повѣрки нужно обратиться къ даннымъ моральной статистики, и если указанный апріорный законъ вѣренъ, то проявленія дѣятельности свободной воли въ общихъ массовыхъ итогахъ должны совершаться съ математическою правильностію, укладываясь въ извѣстныя формулы теоріи среднихъ величинъ.

Предшественники Кетле и особенно самъ Кетле старательно занимались статистикою моральныхъ явленій и пришли къ замѣчательнымъ эмпирическимъ выводамъ на основаніи статистическаго наблюденія моральныхъ явленій.

Оказывается, что это статистическое наблюденіе вполнѣ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно было произведено, подтверждаетъ вышеуказанный законъ, выражающій *основное* свойство массоваго процесса, представляемаго общественною жизнью, и относящійся къ проявленіямъ нестѣсненной дѣятельности свободной воли, и притомъ подтверждаетъ самымъ поразительнымъ

образомъ, удивлявшимъ Кетле и весь образованный міръ. «Постоянство, съ которымъ ежегодно—говоритъ Кетле *)—воспроизводятся одни и тѣ же преступленія и въ одномъ и томъ же порядкѣ и вызываютъ соотвѣтствующія наказанія, есть одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ фактовъ, которые устанавливаютъ статистическія учрежденія; я особенно старался показать всю очевидность этого въ моихъ сочиненіяхъ; я не переставалъ повторять каждый годъ: *есть бюджетъ, который уплачивается нами съ ужасающей правильностью, а именно—бюджетъ темницъ, остроговъ и эшафотовъ*; и каждый годъ числа подтверждаютъ мои предположенія до такой степени, что я имѣлъ бы право, быть можетъ, болѣе точно сказать: есть дань, которую человѣкъ уплачиваетъ съ бо́льшею правильностію, чѣмъ та, которой онъ обязанъ по отношенію къ природѣ или государству — это именно дань преступленію!»

Изслѣдованіе другихъ наиболѣе свободныхъ человѣческихъ дѣйствій, какъ-то: браковъ, самоубійствъ и пр. привели къ подобнымъ же результатамъ. Такъ бываетъ вездѣ, гдѣ имѣетъ мѣсто исключительное господство свободной воли, и Кетле счелъ себя вправѣ высказать по этому поводу слѣдующій тезисъ **). «Все, повидимому, зависитъ отъ опредѣленныхъ причинъ. Одинъ годъ съ такою точностью воспроизводитъ цыфры предшествовавшаго, что можно предвидѣть, что̀ должно произойти въ слѣдующемъ».

Такимъ образомъ, вышеуказанный законъ о проявленіяхъ свободной воли былъ подтвержденъ эмпирически ранѣе его теоретическаго вывода. До сихъ поръ этотъ законъ былъ эмпирическимъ, а теперь его можно считать *точнымъ*.

Къ какимъ слѣдствіямъ приводитъ этотъ законъ? Подтверждаетъ ли онъ наше внутреннее убѣжденіе о существованіи свободной воли? *Не только подтверждаетъ, но и утверждаетъ, какъ очевидное его слѣдствіе, что свободная воля есть великая реальная психическая міровая сила, могущественнымъ образомъ*

*) *Quetelet*: „Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou essai de physique sociale“ t. I, p. 8—9. 1835.

**) *Quetelet*: „Statistique moral“, 1848, §§ 35 и 40.

проявляющаяся тамъ, гдѣ существуетъ массовая духовно-нравственная разумная человѣческая дѣятельность.

Притомъ эта сила проявляется, конечно, не только въ защитѣ своей независимости, но и во *вліяніи* на окружающую среду. На эту силу и на вышеуказанный точный индуктивно-провѣренный законъ ея дѣйствія, а также на развитія этого закона опирается свободонравственный общественный процессъ. Ниже (см. главы VI и VII) изученіе этой силы въ связи съ условіями гражданскаго быта приведетъ насъ къ *точной* индуктивной наукѣ о благотворной свободѣ и о благотворномъ вліяніи.

§ 24. Теперь коснемся вопроса о томъ, какъ до сего времени смотрѣли на эту силу, свободную волю, представители точной науки съ одной стороны и позитивисты съ другой.

Установивъ на основаніи статистическихъ данныхъ, относящихся къ моральнымъ явленіямъ, эмпирическій законъ, обнаружившій постоянство итоговъ этихъ проявленій дѣятельности свободной воли въ массовой стаціонарной общественной жизни, Кетле, къ сожалѣнію, не могъ дать этому закону правильныхъ теоретическихъ объясненій, такъ какъ его астрономическая схема была не достаточна. Объясненія Кетле съ точки зрѣнія этой схемы были не удачны и сводились къ *ошибочной* предпосылкѣ: онъ считалъ высшія способности человѣка и, слѣдовательно, свободную волю въ числѣ силъ *пертурбаціонныхъ*, уравновѣшивающихся такъ, какъ уравновѣшиваются причины такъ называемыхъ *случайныхъ* погрѣшностей въ астрономическихъ измѣреніяхъ, дѣйствуя то въ ту, то въ другую сторону и взаимно уничтожаясь въ среднемъ результатѣ. Вліяніе этой силы, думалъ Кетле, «стушевывается». Роль свободной воли этою предпосылкою совершенно умалялась. Если бы Кетле постигъ точныя условія примѣнимости общаго ученія о среднихъ величинахъ къ массовымъ случайнымъ явленіямъ, то, конечно, онъ сразу увидалъ бы, что свободная воля есть *постоянная* и притомъ *главная* сила въ моральныхъ явленіяхъ; эта сила не пертурбаціонная, а такая, которая поддерживаетъ наилучшимъ образомъ регулярность массоваго процесса по отношенію къ проявленіямъ ея нестѣсненнаго дѣйствія, т. е.

обезпечиваетъ примѣненіе къ этому процессу свободныхъ точныхъ законовъ, выводимыхъ помощію теоріи среднихъ величинъ. Эта психическая сила въ ея *массовыхъ* нестѣсненныхъ проявленіяхъ, свойственныхъ стаціонарному процессу, устанавливаетъ своимл вліяніями указанную регулярность въ созиданіи, какъ и въ разрушеніи, въ добрѣ, какъ и въ злѣ, сообразуясь съ индивидуальными свойствами ея носителей.

При неудовлетворительности объясненій, которыя Кетле привелъ въ оправданіе результатовъ моральной статистики, и при негодности схоластическаго ученія о свободной волѣ, которое приравнивало ея дѣйствія слѣпому произволу или слѣпому случаю (эпикурейцевъ), вопросъ о свободной волѣ былъ еще болѣе запутанъ послѣдователями позитивной логики, которые прибавили къ этимъ недоразумѣніямъ новое, а именно не только умаленіе, но и полное отрицаніе самаго существованія свободной воли, принятой ими за самообманъ. Позитивная логика привела послѣдователей Кетле не къ исправленію его ошибочной предпосылки (въ виду явнаго противорѣчія ея съ дѣйствительностію), а къ извращенному пониманію самой дѣйствительности, т. е. къ утвержденію лишь фатальныхъ законовъ и къ исключенію свободныхъ точныхъ законовъ, къ признанію, что тотъ регулярный массовый процессъ, изъ котораго слагается моральная жизнь человѣческихъ сообществъ и который Кетле назвалъ «соціальною физикой», лишь *кажется* свободнымъ, а на самомъ дѣлѣ въ немъ дѣйствуетъ принципъ «философской необходимости», при извѣстныхъ условіяхъ принимаемый нами иллюзорно за проявленія нашей свободной воли. Свободная воля, какъ реальная сила, была отвергнута *Стюартомъ Миллемъ*, а послѣдователи его логики перенесли это предвзятое толкованіе на выводы Кетле.

Болѣе всего неправильное освѣщеніе выводовъ Кетле по отношенію къ свободной волѣ нужно приписать *Боклю*, *Адольфу Вагнеру* *) и ихъ послѣдователямъ, исключившимъ изъ истори-

*) *A. Wagner*, „Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichsten menschlichen Handlungen“, стр. 8—20.

ческой, экономической и юридической науки свободную волю. Въ ошибочно понятыхъ данныхъ моральной статистики они нашли доказательство отсутствія у человѣка свободной воли, утверждая, что свобода воли не совмѣстима съ естественной закономѣрностью всего совершающагося въ природѣ. Идя противъ схоластическаго опредѣленія свободы воли, какъ *слѣпого* неразумнаго произвола, они впали сами въ крайность уничтоженіемъ высшей способности человѣка, вмѣсто которой ими поставленъ былъ *слѣпой* механизмъ. Въ этомъ механизмѣ, дѣйствующемъ фатально, человѣкъ оказывается невмѣняемымъ исполнителемъ «общаго закона». Крайнимъ выраженіемъ этого взгляда является соціологическій (экономическій и историческій) матеріализмъ Карла Маркса, Энгельса, Лоріа и другихъ.

Русская литература по статистикѣ и экономіи выросла и распространилась главнымъ образомъ изъ Миллевско-Вагнеровскихъ возрѣній, а потому переполнена недоразумѣніями, примѣромъ которыхъ является вышеуказанное истолкованіе статистическаго матеріала по отношенію къ свободѣ воли.

При искусныхъ діалектическихъ пріемахъ, которыми послѣдователи позитивной логики владѣютъ съ талантливостью и которые во всѣ времена давали преимущества мастерамъ слова, эти недоразумѣнія укоренились довольно прочно, тѣмъ болѣе, что защитники свободы воли приводили для объясненія результатовъ моральной статистики аргументы не сильнѣе тѣхъ, какіе можно извлечь изъ астрономической схемы Кетле. Эти аргументы въ защиту свободной воли по справедливости не удовлетворяли моралистовъ, такъ какъ эта сила и въ категоріи нравственнаго закона столь же великая, какъ всемірное тяготѣніе въ механическомъ процессѣ вселенной.

Самого Кетле выставляли сторонникомъ отрицанія свободной воли; но это есть не болѣе, какъ недоразумѣніе комментаторовъ, которые сообразно собственному настроенію читали въ трудахъ Кетле то, чего не видѣлъ въ нихъ самъ авторъ, и вызвали протестъ со стороны Кетле. Такой протестъ находимъ мы въ его «Lettres sur la théorie des probabilités, appliquée aux

sciences morales et politiques» (Bruxelles, 1846). Въ предисловіи къ этой книгѣ Кетле высказываетъ относительно предлагаемаго имъ изученія проявленій нравственной человѣческой дѣятельности нижеслѣдующее: «Это изученіе, еще новое, обезпокоило, какъ я знаю, многихъ читателей, которые усмотрѣли въ немъ тенденцію къ матеріализаціи того, что принадлежитъ къ самымъ благороднымъ способностямъ человѣка. Я покажу позже, какъ обвиненіе это мало основательно». Затѣмъ въ томъ же сочиненіи Кетле, говоря о человѣческомъ обществѣ, какъ соціальномъ организмѣ, высказываетъ (p. 263) такую мысль: «Этотъ организмъ существуетъ благодаря консервативному началу, какъ все, что вышло изъ рукъ Всемогущаго; онъ имѣетъ также свою физіологію, какъ самое послѣднее изъ организованныхъ существъ. Когда мы воображаемъ себя смотрящими на него съ наивысшей точки зрѣнія, мы находимъ законы столь же точные, столь же непреложные, какъ законы, которые управляютъ небесными тѣлами; мы возвращаемся къ явленіямъ такой физики, въ которой свободная воля человѣка окончательно стушевывается, чтобы дать восторжествовать безъ препятствія только дѣлу Творца. Совокупность этихъ законовъ, которые существуютъ внѣ временъ, внѣ каприза человѣка, составляетъ особую науку, которую я нашелъ возможнымъ назвать *соціальною физикой*» *).

Слова эти содержатъ категорическое отрицаніе матеріалистическихъ началъ въ «соціальной физикѣ» Кетле и признаніе имъ свободной воли у людей. Въ этихъ словахъ Кетле, при неудовлетворительности всѣхъ извѣстныхъ ему способовъ найти доступную уму обычную причину правильности въ массовыхъ проявленіяхъ рѣшеній свободной воли, прибѣгнулъ къ обычному у послѣдователей философскаго идеализма объясненію: онъ обратился къ Причинѣ всѣхъ причинъ, которая предопредѣлила для организмовъ вмѣстѣ со свободою консервативное начало. Такое указаніе Первопричины лучше эволюціоннаго объясненія

*) Мимоходомъ замѣтимъ, что этотъ именно текстъ приводится у позитивистовъ въ ковычкахъ, но съ существенными пропусками.

уже по тому одному, что оно не вводитъ въ заблужденіе неопытнаго ума, который обыкновенно туманную эволюцію, ничего въ сущности не дающую для пониманія явленія, принимаетъ за настоящее научное объясненіе, т. е. за открытіе ближайшей причины, когда на самомъ дѣлѣ такой причины еще не найдено. Если, слѣдовательно, Кетле далъ своему ученію названіе «соціальная физика», то, очевидно, онъ руководился лишь аналогіей изучаемыхъ имъ массовыхъ явленій съ физическими процессами, различая существеннымъ образомъ ту и другую физику, а также отличая свою «соціальную физику» отъ соціологіи позитивистовъ, не признающихъ свободной воли. Молекула (монада, особь) «соціальной физики» надѣлена, по Кетле, свободною волею, и это дѣлаетъ ее существенно отличною не только отъ обыкновенной физической молекулы, но и отъ той особи, которая подъ именемъ человѣка изучается въ соціологіи позитивистовъ. Такъ какъ характеръ цѣлаго зависитъ отъ свойствъ мельчайшихъ частей, то «соціальная физика» Кетле съ ея свободною монадою не совпадаетъ ни съ физикою матеріалистовъ, ни съ соціологіей позитивистовъ.

Въ признаніи свободной воли Кетле не расходился, конечно, со своими великими учителями.

Понятіе о свободной волѣ не исключается, напримѣръ, *Лапласомъ*; это понятіе не считается у него стоящимъ въ противорѣчіи съ основною аксіомою о всеобщности причинной связи явленій, которая выражается въ формулѣ: *нѣтъ дѣйствія безъ причины.* Выразивъ эту аксіому, которая должна проявляться даже въ маловажныхъ дѣйствіяхъ, Лапласъ тотчасъ же высказываетъ слѣдующее соображеніе, заимствованное у *Лейбница* и выясняющее отношеніе этой аксіомы къ понятію о свободной волѣ *): «Самая свободная воля не можетъ безъ опредѣляющаго мотива породить дѣйствія, такъ какъ если бы при всѣхъ совершенно одинаковыхъ двухъ положеніяхъ она дѣйствовала бы въ одномъ случаѣ и удерживалась бы дѣйствовать въ другомъ, то ея вы-

*) *Laplace:* „Théorie analytique des probabilités“ (въ концѣ „Introduction“), а также „Essai philosophique sur les probabilités“.

боръ былъ бы слѣдствіемъ безъ причины: она была бы тогда, говоритъ Лейбницъ, слѣпою случайностью эпикурейцевъ».

Иначе говоря, признаніемъ свободной воли законъ причинности или законъ достаточныхъ основаній не только не отрицается, а даже утверждается. При этомъ свободная воля обнимаетъ заключенныя въ душѣ человѣка личныя самодовлѣющія разумныя причины, не зависящія (въ нѣкоторой сферѣ дѣйствія) отъ прочихъ силъ или причинъ, съ которыми она сочетается, какъ особое крупное слагаемое. Благодаря этой силѣ, само носящее ее лицо, а не прочія силы, бываетъ болѣе или менѣе повинно въ тѣхъ или другихъ результатахъ его дѣятельности.

Эти два представителя, Лапласъ и Кетле, не были въ своихъ взглядахъ на свободную волю единичными исключеніями среди прочихъ корифеевъ—основателей теоріи вѣроятностей и статистическаго метода, а напротивъ совпадали со всѣми ними въ этомъ отношеніи. Паскаль, Ферматъ, Джонъ Граунтъ, Лейбницъ, Эдмундъ Галлей, Яковъ и Даніилъ Бернули, Зюссмильхъ, Бюффонъ, Кондорсе, Пуассонъ и другіе признавали свободную волю, какъ фактъ, и смотрѣли на нее, какъ на высшую способность человѣка, проявленія которой обусловлены разумными основаніями и безъ которой не мыслима нравственная жизнь.

Нравственныя условія, въ сферѣ которыхъ дѣйствуетъ свободная воля, полагаются въ нравственномъ законѣ Творца, и предъ этимъ закономъ открыто преклонялись тѣ представители точныхъ знаній, коимъ приходилось встрѣчаться съ понятіемъ о нравственномъ законѣ, примѣняя статистическій методъ къ моральнымъ явленіямъ. Такое преклоненіе можно найти не только у Кетле и у прусскаго полковаго священника *Зюссмильха* *), отца численнаго статистическаго метода, который, предупредивъ на столѣтіе Кетле, отыскивалъ «божественный порядокъ» въ массовыхъ явленіяхъ человѣческой жизни, но и у другихъ

*) *J. P. Süssmilch*: Betrachtungen über die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts aus der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben erwiesen. 1741.

основателей статистическаго метода, изслѣдовавшихъ моральныя явленія. Такъ, *Бюффонъ*, великій французскій естествоиспытатель, въ своемъ «Essai d'arithmétique morale» начинаетъ изложеніе слѣдующими словами: «Здѣсь я не предпринимаю дать опытъ изслѣдованій о морали вообще; это потребовало бы больше познаній, чѣмъ тѣ, которыми я располагаю, и больше искусства, чѣмъ то, которымъ я владѣю. Первая и самая здравая часть морали есть скорѣе приложеніе правилъ нашей божественной религіи, чѣмъ человѣческая наука; и я остерегусь осмѣлиться испытывать предметы, въ которыхъ законъ Бога составляетъ наши принципы и вѣра наше исчисленіе. Благоговѣйное признаваніе или скорѣе обожаніе, которое человѣкъ обязанъ воздавать своему Творцу, братское милосердіе или скорѣе любовь, которую должно имѣть къ своему ближнему, суть чувства естественныя и добродѣтели, начертанныя въ хорошо созданной душѣ. Все то, что происходитъ отъ этого чистаго источника, носитъ характеръ правды; свѣтъ ея такъ живъ, что прельщеніе заблужденія не можетъ ея затьмить; очевидность такъ велика, что она не допускаетъ ни доказательства, ни разсужденія, ни сомнѣнія, и не имѣетъ другихъ мѣрилъ, кромѣ убѣжденія».

Въ этихъ немногихъ словахъ великаго корифея конкрентной науки дана философская программа, по которой строится логическая схема для строгаго научнаго индуктивнаго изслѣдованія въ области моральныхъ явленій. Здѣсь утверждаются основные принципы нравственнаго закона, какъ дѣло божественнаго откровенія и прочнаго внутренняго убѣжденія хорошо созданной души. Нравственные мотивы, почерпаемые изъ этого благодатнаго источника, живутъ конкретно въ разумной душѣ человѣка, направляя ея свободную волю, если она добрая, къ высшимъ цѣлямъ и вмѣстѣ съ физическими силами выражаясь во внѣшнихъ наблюдаемыхъ проявленіяхъ. Бюффонъ не только не находитъ въ своей логикѣ повода къ отрицанію источника нравственной силы, но принимаетъ его какъ очевидность или психическій фактъ. Какъ ученый естествоиспытатель, Бюффонъ изслѣдуетъ затѣмъ тотъ порядокъ, который устанавливается въ наблюдаемыхъ проявленіяхъ, относящихся къ жизни людей.

§ 25. Къ вопросу о свободной волѣ мы еще вернемся ниже. Но кромѣ понятія о свободной волѣ въ душѣ психически развитого человѣка слагается на основаніи внутренняго наблюденія надъ состояніями своего духовнаго «я» много другихъ понятій, относящихся къ духовно-нравственной области. Эти понятія заложены внутри человѣка и у многихъ достигаютъ до отчетливой самоочевидности.

Указанныя умозрительныя понятія составляютъ сущность философскаго идеализма и вводятся имъ въ *психологію* и въ *логическія* схемы точнаго научнаго изслѣдованія массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности.

Опирающійся на эти умозрительныя понятія идеализмъ имѣетъ однако свои крайности, съ которыми должна бороться философія, служащая основою точной логики, а также религія и наука. Эти крайности относятся къ *отвлеченному идеализму*, какъ къ антиподу *отвлеченнаго эмпиризма* (совпадающаго съ позитивизмомъ). Отвлеченный идеализмъ характеризуется тѣмъ, что онъ недостаточно считается съ конкретною дѣйствительностью; въ отношеніи свойствъ человѣка онъ дѣлаетъ особенно опасныя ошибки, оцѣнивая его психику то выше, то ниже ея дѣйствительнаго значенія. Идущія отсюда ошибки человѣчества бываютъ опаснѣе всѣхъ прочихъ родовъ заблужденій. Эти ошибки обольстительны, и часто весь успѣхъ обольстителя бываетъ построенъ на эффектахъ, увлекающихъ и гипнотизирующихъ умы отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ фактами отвлеченнаго идеализма. Вотъ почему необходимъ въ наукѣ и въ практической жизни идеализмъ, провѣренный опытомъ и наблюденіемъ конкретной дѣйствительности. Такой идеализмъ есть *идеальный реализмъ*, представляющій соединеніе идеализма съ необходимою *индукціей*.

Если отвлеченіе отъ идеально-реальнаго характера ученія Христа Спасителя породило Торквемаду, а отвлеченный идеализмъ Руссо привелъ къ Робеспьеру и Марату, то и этихъ опытовъ довольно, чтобы въ наукѣ о человѣкѣ не пользоваться отвлеченнымъ идеализмомъ. Наука о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности должна быть *индуктивною*; она должна

опираться на два элемента: 1) на *идеальный реализмъ* и 2) на связанную съ нимъ *точную логику*.

Эти два элемента, положенные въ основу для изслѣдованія массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности, могли бы быть начертаны на знамени, за которымъ могла бы, казалось, съ особымъ успѣхомъ пойти русская наука о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, принявшая отъ Запада выработанные имъ точные методы, излѣдующіе видимыя и осязаемыя проявленія духовно-нравственной силы въ ея массовыхъ итогахъ, а отъ Востока богочеловѣческій принципъ, составляющій сущность христіанской морали и выразившійся въ православномъ вѣроученіи.

Вообще широта идеально-реальнаго міровоззрѣнія въ религіи, въ философіи, въ наукахъ историческихъ, юридическихъ и общественныхъ и въ психологическихъ образахъ писателей-художниковъ отмѣчается въ русской литературѣ, какъ коренной тонъ той ея части, которая осталась вѣрна началамъ русской жизни.

Славянофиламъ принадлежитъ, напримѣръ, вѣрный взглядъ на свойства русскаго идеальнаго реализма, провѣреннаго тысячелѣтнею нашею исторіей. Знаменитѣйшіе изъ русскихъ писателей идеально-реальнаго направленія (Пушкинъ, Гоголь, Гончаровъ, Достоевскій, гр. Л. Н. Толстой и другіе) съ великимъ успѣхомъ изобразили отраженіе идеально-реальныхъ свойствъ человѣческой души въ художественныхъ образахъ.

Наше изложеніе внутренно связано съ этимъ русскимъ міровоззрѣніемъ, касаясь, однако, главнымъ образомъ той стороны его, въ которой играетъ роль математическое мѣрило.

Въ отношеніи этого мѣрила психологическіе образы Достоевскаго и графа Л. Н. Толстого, затрогивавшихъ въ художественномъ изображеніи массовую жизнь людей въ ея отношеніи къ силамъ, соприкасающимся съ понятіемъ нравственнаго закона, близки къ вопросамъ, связаннымъ съ первымъ пунктомъ вышеуказанной логической схемы (гл. I). При этомъ въ философскихъ взглядахъ гр. Л. Н. Толстого, который, опираясь на идеально-реальную основу, изображалъ претвореніе психики въ форму законовъ массовой жизни, мы должны будемъ отмѣтить нѣкоторыя ошибочныя предпосылки, показы-

вающія, что и этотъ писатель при своемъ идеальномъ реализмѣ не уберегся однако отъ такой отвлеченности, которая нуждается въ исправленіи при помощи индуктивной повѣрки.

Къ вышеуказаннымъ психологическимъ моментамъ, изъ которыхъ почерпаются для логической схемы точной науки о человѣкѣ идеалистическія понятія, присоединяются, конечно, понятія, кои получаются, какъ данныя физики, химіи, физіологіи, психо-физіологіи, психіатріи и пр.

§ 26. Весь неисчерпаемый запасъ духовно-нравственныхъ, психо-физіологическихъ, физіологическихъ и физическихъ силъ дѣйствуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ людей, проявляясь осязательно въ ихъ жизни, нормируемой нравственными и гражданскими законами, какъ обязательствами, совмѣстимыми, съ одной стороны, со свободною индивидуальностью и приводящими, съ другой стороны, къ математической регулярности или закономѣрности въ массовыхъ независимыхъ проявленіяхъ. Эта математическая закономѣрность выражается въ *точныхъ* и притомъ *свободныхъ* законахъ, дѣйствующихъ тѣмъ не менѣе съ неуклонностью законовъ физики. Точные законы эти представляютъ собою выраженіе соотношеній между конкретными явленіями, обоснованное строгимъ умозрительнымъ выводомъ изъ данныхъ аксіомъ, понятій, постулатовъ и условій и провѣренное наблюденіемъ.

При этомъ между точными свободными законами и законами, какъ нравственными и гражданскими обязательствами, не можетъ быть никакого противорѣчія по той причинѣ, что точные свободные законы, открываемые въ массовой человѣческой жизни, являются лишь выводами изъ обстоятельствъ и условій, въ которыхъ нравственные и гражданскіе законы имѣютъ первенствующую роль. Эти послѣдніе законы входятъ въ число основныхъ аксіомъ, понятій, постулатовъ и условій въ самое выраженіе точныхъ свободныхъ законовъ, а потому точные свободные законы являются подчиненнымъ послѣдствіемъ вліяній высшаго разряда, т. е. духовно-нравственныхъ. Поэтому правъ былъ не только Кетле, который назвалъ совокупность точныхъ свободныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ массовой человѣческой жизни, «со-

ціальною физикою», но и Зюссмильхъ, который тѣ же законы назвалъ «божественнымъ порядкомъ».

Индуктивная наука о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности изучаетъ какъ фатальные законы, такъ и этотъ божественный порядокъ, выражающійся въ точныхъ свободныхъ законахъ, какъ послѣдствіяхъ духовно-нравственныхъ, психо-физіологическихъ, физіологическихъ и физическихъ вліяній. Притомъ наука эта въ ея примѣненіяхъ къ реформамъ человѣческой жизни оцѣниваетъ свободную благотворную регулярность (опирающуюся на свободные точные законы) безконечно выше, нежели фатальную благотворную регулярность (опирающуюся на фатальные точные законы). Эта разница въ оцѣнкѣ той и другой регулярности вытекаетъ изъ того, что одна связана съ высшими способностями человѣка, а другая съ низшими (физическими и физіологическими) свойствами его. Напротивъ, преступная свободная регулярность должна цѣниться самою низкою отрицательною цѣною, и практическая реформа должна стремиться къ искорененію такой свободы.

Въ этомъ опредѣленіи задачъ индуктивной науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности и практическаго значенія этой науки выражается вся сущность этой науки.

ГЛАВА V.

Общія критическія замѣчанія относительно основаній «соціальной физики» Кетле. Объ отношеніи къ схемѣ Кетле Миллевско-Вагнеровскаго направленія и о біологическихъ, экономическихъ, соціологическихъ и статистическихъ парадоксахъ, вытекшихъ изъ логической схемы Кетле. Историческій идеализмъ и фатализмъ. Отношеніе къ схемѣ Кетле идеализма и, между прочимъ, взглядовъ гр. Л. Н. Толстого на массовыя проявленія свободонравственной общественной жизни.

§ 27. Указывая двѣ крупныя ошибочныя предпосылки въ «соціальной физикѣ» Кетле, мы должны повторить то, что сказали еще во введеніи, — а именно, что эта схема Кетле въ остальныхъ частяхъ превосходна и что при вѣрности той точной логикѣ, которой слѣдовалъ Кетле, эти ошибки должны бы быть давно замѣчены индуктивною повѣркою и исправлены. Это тѣмъ легче было сдѣлать, что во всѣхъ остальныхъ частяхъ своихъ схема Кетле проникнута ясностью изложенія вмѣстѣ съ тонкимъ и глубокимъ пониманіемъ дѣла, вѣрностью и осторожностію сужденій. Если отдѣлить выводы Кетле, точнѣе всего выраженные въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ (особенно въ его «Lettres»), отъ вліянія на нихъ разсматриваемыхъ здѣсь его ошибочныхъ предпосылокъ, то получится произведенная имъ обширная и цѣнная работа, которая можетъ почти цѣликомъ войти, какъ значительный вкладъ, въ усовершенствованную логическую схему для изслѣдованія массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности. Этимъ вкладомъ знаменитаго бельгійскаго астронома и статистика моральныхъ явленій мы по возможности старались воспользоваться при изложеніи усовершенствованной схемы изслѣдованія массовыхъ государственныхъ и общественныхъ явленій.

Къ этому теоретическому вкладу присоединяется образцовая разработка статистическаго матеріала, которую находимъ въ многочисленныхъ трудахъ Кетле.

Кетле, далекій по своему философскому взгляду отъ матеріалистической и позитивной тенденціи и такъ много сдѣлавшій для установленія замѣчательныхъ эмпирическихъ законовъ моральныхъ явленій, всегда будетъ занимать выдающееся мѣсто въ исторіи науки, не смотря на то, что его теоретическія объясненія этого установленнаго имъ и его предшественниками эмпирическаго закона, какъ выше уже высказано, въ двухъ существенныхъ пунктахъ не удовлетворительны.

Если бы Кетле, открывъ замѣчательный эмпирическій числовой законъ, относящійся къ области моральныхъ явленій, и въ сущности не имѣя средствъ теоретически его объяснить, не увлекся своею невполнѣ подходящею здѣсь астрономическою схемою, то онъ, конечно, воздержался бы отъ нѣкоторыхъ своихъ теоретическихъ объясненій какъ этого эмпирическаго закона, такъ и многихъ другихъ свойствъ соціальнаго организма, изучаемаго въ его «соціальной физикѣ». Если бы, указавъ при объясненіи вышеуказаннаго эмпирическаго закона на «консервативное начало» (предопредѣленіе), благодаря которому «существуетъ все, что вышло изъ рукъ Всемогущаго», онъ остановился на этомъ своемъ объясненіи, не противорѣчащемъ наукѣ и точной логикѣ, то вопросъ о превращеніи найденнаго имъ эмпирическаго закона въ точный остался бы въ наукѣ открытымъ и побудилъ бы другихъ ученыхъ поискать въ міропорядкѣ тѣ ближайшія причины или силы, которыя даютъ ему эту точность. До успѣшнаго же рѣшенія этого открытаго вопроса законъ такъ и оставался бы въ числѣ эмпирическихъ, а не выдавался бы за точный.

Къ сожалѣнію, Кетле, увлекшись своею астрономическою схемою, началъ подгонять подъ эту узкую форму широкую конкретную дѣйствительность. Причины или силы, которыя дѣйствуютъ во всякомъ массовомъ процессѣ, искусственно подраздѣляются имъ на такія группы, которыя очень подходятъ къ условіямъ, имѣющимъ мѣсто при случайныхъ погрѣшностяхъ ре-

зультатовъ тщательнаго (точнаго) измѣренія какой-либо астрономической величины. Эти причины суть *): постоянныя (causes constantes), измѣнчивыя (causes variables) и случайныя (causes accidentelles) или, по другой терминологіи (см. «Sur l'homme»; p. 18—19), пертурбаціоныя. Такое подраздѣленіе причинъ, перенесенное изъ особенныхъ условій астрономическихъ обсерваторій въ болѣе широкую жизнь, спутало истинную роль причинъ и силъ, дѣйствующихъ въ этой жизни. Значеніе многихъ важныхъ силъ, напримѣръ, силъ моральныхъ и интеллектуальныхъ, у Кетле обезцѣнивается (см. гл. IV) зачисленіемъ ихъ въ разрядъ причинъ пертурбаціонныхъ или случайныхъ, которыя въ итогѣ *сглаживаются*. Напротивъ, силы физіологическія и физическія, какъ дѣйствующія постоянно, получаютъ слишкомъ высокую оцѣнку въ своемъ вліяніи на массовый процессъ. Это умаленіе великой роли морально-интеллектуальныхъ силъ, выражающихся въ актахъ свободной воли, составляетъ *первую* ошибочную предпосылку соціальной физики Кетле. Этою ошибкою дѣлался шагъ въ сторону физическаго и физіологическаго матеріализма, хотя Кетле не замѣчалъ этого.

Кетле въ своей схемѣ изслѣдованія общественныхъ явленій не оцѣнилъ, сверхъ того, важнаго значенія извѣстнаго условія *независимости* случайныхъ явленій, не изучалъ, поэтому, изоляторовъ, кои обособляютъ простые процессы и въ числѣ которыхъ нужно брать въ расчетъ опять ту же очень крупную причину или силу, а именно: разумно дѣйствующую волю, цѣлесообразно защищающую независимость своей области дѣйствія и своей индивидуальности, т. е. изолирующую отдѣльные простые процессы, въ которыхъ происходятъ независимыя отъ внѣшнихъ обстоятельствъ случайныя явленія.

При классификаціи, напримѣръ, причинъ, дѣйствующихъ въ массовомъ процессѣ астрономическихъ измѣреній, дающихъ неизбѣжныя случайныя погрѣшности, не упоминается, но сама собою подразумѣвается и въ астрономическихъ обсерваторіяхъ

---

*) *Quetelet*, „Lettres", p. 159.

всегда находится *въ наличности* самая *крупная* изолирующая сила или причина: это моральная и интеллектуальная сила самихъ наблюдателей, тщательно, предусмотрительно и разумно заботящихся о томъ, чтобы охранить каждый измѣрительный процессъ отъ постороннихъ вліяній и схватить наблюденіемъ возможно точную измѣряемую величину.

Такую же крупную силу, какъ сила астронома, нужно искать въ прочихъ регулярныхъ массовыхъ процессахъ, и тамъ она находится налицо *не всегда*, а потому и массовый процессъ не всегда бываетъ регуляренъ. Однако Кетле думаетъ иначе. Регулярность массоваго общественнаго процесса является у Кетле въ его «соціальной физикѣ» послѣдствіемъ лишь *большого числа*, которое какимъ-то чудомъ непремѣнно создаетъ закономѣрно дѣйствующій въ отношеніи случайныхъ явленій соціальный организмъ. Свой основной принципъ, относящійся къ явленіямъ этого рода, наблюдаемымъ въ массахъ, Кетле выражаетъ такъ: «*чѣмъ значительнѣе наблюдаемое число индивидуумовъ, тѣмъ болѣе индивидуальныя особенности, будь то физическія, или моральныя, стушевываются и даютъ преобладаніе ряду общихъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ общество существуетъ и сохраняется*»*). Разсужденія Кетле, приведенныя въ оправданіе этого постулата, не ясны и сводятся въ сущности къ неубѣдительной аналогіи общественныхъ явленій съ явленіями, имѣющими мѣсто въ теоріи перспективы, когда глазъ, удаляясь отъ весьма большого числа неправильно размѣщенныхъ предметовъ, съ нѣкотораго разстоянія уже не различаетъ детальныхъ неправильностей и видитъ лишь общіе контуры.

Этотъ положенный въ основу «соціальной физики» Кетле постулатъ составляетъ *вторую* ошибочную предпосылку его логической схемы, представляющую съ нашей точки зрѣнія

---

*) *Quetele*, „Sur l'homme", I, p. 12. „*Plus le nombre des individus que l'on observe est grand, plus les particularités individuelles, soit physiques, soit morales, s'effacent et laissent prédominer la série des faits généraux en vertu desquels la société existe et se conserve*".

искаженіе истиннаго постулата, который указанъ въ главѣ I (§ 6), какъ главное условіе примѣнимости теоріи среднихъ величинъ, строго доказанъ въ новой теоріи среднихъ величинъ и обнимаетъ категорію независимости или свободы. Этою ошибкою Кетле маскировалось важное въ міровомъ порядкѣ значеніе независимости и дѣлался шагъ въ противоположную сторону, т. е. въ сторону фатализма, подчиненнаго большому числу.

Эта вторая ошибка схемы Кетле присоединилась къ *первой* ошибочной предпосылкѣ, указанной выше.

Эти двѣ ошибочныя предпосылки и послужили источникомъ самыхъ разнообразныхъ и широко распространенныхъ недоразумѣній въ наукѣ о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. Въ этихъ недоразумѣніяхъ соединились, съ одной стороны, неточное выраженіе главнаго условія, необходимаго для того, чтобы въ массовыхъ случайныхъ явленіяхъ имѣла силу свободная математическая закономѣрность, и, съ другой стороны, извращенная оцѣнка причинъ, причемъ индивидуальныя силы, являющіяся въ общественномъ процессѣ самыми существенными, считаются несущественными и оставляются безъ вниманія.

§ 28. Все это, соединенное съ другими неправильными соображеніями, отразилось въ трудахъ Миллевско-Вагнеровскаго направленія и суммировалось, напримѣръ, въ итогахъ, которые въ послѣднее время подведены этимъ трудамъ въ упомянутой выше (см. введ.) статьѣ *Н. Рейхесберга*, послѣдователя этого направленія *).

Особенно много утопій породилъ содержащійся въ этихъ предпосылкахъ парадоксъ о роли массы или весьма большого числа, уже вызвавшій возраженія *Эттингена*, упомянутыя во введеніи. Злоупотребленія этимъ парадоксомъ чрезмѣрны и эксплоатируются разными направленіями сообразно ихъ вкусамъ.

Этотъ парадоксъ Кетле, принятый какъ точнѣйшее основаніе наукъ соціальныхъ и историческихъ, распространенъ на

---

*) См. страницы 94—102, 118—119 и 122–125 въ статьѣ Н. Рейхесберга.

процессы біологическіе, какъ предполагаемое математическое оправданіе извѣстной эволюціонной идеи дарвинизма *).

Даже механическій матеріализмъ могъ, опираясь на этотъ парадоксъ Кетле, торжествовать полную побѣду, такъ какъ масса атомовъ матеріи давала въ изобиліи требуемое большое число и могла, казалось, возсоздавать всѣ законы природы: физическіе, химическіе, біологическіе и психическіе.

Но механическій матеріализмъ не пользуется такою популярностью, какъ матеріализмъ экономическій и соціологическій (Карла Маркса и другихъ), въ которомъ всѣми явленіями массовой человѣческой жизни фатально управляютъ лишь физіологическіе акты, а высшія способности человѣка отрицаются или, по крайней мѣрѣ, игнорируются, какъ не имѣющія значенія.

У *Рейхесберга* и другихъ послѣдователей Кетле можно, напримѣръ, найти слѣдующія разсужденія. Чтобы была закономѣрность общественныхъ явленій, достаточно только достигнуть возможно большихъ массъ, наблюдая лишь общія причины и условія и игнорируя индивидуальныя свойства, и затѣмъ уже само собою окажется, что человѣческимъ поступкамъ еще въ большей мѣрѣ присуща правильность, чѣмъ явленіямъ органическаго и неорганичеткаго міра,—правильность, подобная той, которая устанавливается въ физикѣ ея законами.

Выходило такъ, что особенныхъ силъ, которыя могли бы быть фундаментомъ этой свободной закономѣрности въ явленіяхъ человѣческихъ сообществъ, не нужно; фатальная же закономѣрность или регулярность общественнаго организма чудесно возраждается, при весьма большомъ числѣ явленій, сама собою. Чтобы открыть эту закономѣрность «наблюденіемъ», а затѣмъ примѣнить ее, можетъ быть, къ самымъ серьезнымъ сторонамъ общественной и государственной жизни, статистики Миллевско-

*) *Дельбефъ* въ статьѣ: „Les mathématiques et le transformisme“ (Rev. Scient. 1877. p. 669—679) пытался обосновать такимъ образомъ біологическую теорію *подбора*, усматривая исключительный двигатель эволюціи въ свойствахъ массовыхъ случайныхъ уклоненій, возрастающихъ съ теченіемъ времени. Ошибочность закона Дельбефа, упоминаемаго проф. *К. А. Тимирязевымъ* въ полемикѣ съ *Данилевскимъ*, уже обнаружилъ *Демажъ*.

Вагнеровской школы находили достаточнымъ имѣть побольше счетчиковъ, способныхъ лишь сосчитать и насчитать массовый итогъ, распредѣленный въ «таблички». Этимъ требованіямъ мнимо-научнаго наблюденія удовлетворяютъ, конечно, счетчики не высокаго уровня.

Статистики старой (Ахенваллевской) школы, опираясь на здравый смыслъ, порицали эту новую статистику и ея послѣдователей, «рыцарей таблицы». Гёттингенцы, принадлежащіе къ старой школѣ, называли (какъ сообщаетъ А. Вагнеръ) свою статистику *высшею*, а статистику своихъ противниковъ *подлою* (gemeine) *), и Адольфъ Вагнеръ, разсказывающій объ этой ссорѣ гёттингенскихъ статистиковъ, думаетъ, что потомство скорѣе судитъ какъ разъ наоборотъ. Однако, даже самымъ талантливымъ табличнымъ статистикамъ можно рекомендовать многое, что они должны принять во вниманіе и перенять у своихъ противниковъ, для того, чтобы освободиться отъ послѣдствій ихъ увлеченія.

Если бы обратились къ Кетле, не какъ къ изслѣдователю моральныхъ явленій, а какъ къ астроному, и спросили бы его, можно ли открыть какой-либо астрономическій законъ, отнявъ отъ астрономическихъ инструментовъ интеллектуальную и моральную силу хорошихъ астрономовъ-наблюдателей, приставивъ затѣмъ къ инструментамъ людей, умѣющихъ кое-какъ отсчитать по инструменту, и заставивъ ихъ произвести большое число измѣреній, чтобы вывести изъ этихъ измѣреній средства исправить случайныя погрѣшности и получить точнѣйшіе измѣряемые астрономическіе элементы, — если бы обо всемъ этомъ спросили Кетле, то онъ вправѣ былъ бы возмутиться самымъ вопросомъ, такъ какъ къ случайнымъ погрѣшностямъ такихъ измѣреній астрономическая схема опредѣленія погрѣшности (по среднему результату) не примѣнима. При отсутствіи въ наблюдателяхъ интеллектуальной и моральной силы, ихъ погрѣшности не подчинятся никакой закономѣрности, и выводы

*) См. „Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ“ (переводъ подъ редакц. проф. *Янсона*). Стр. 34.

изъ такихъ наблюденій, если къ нимъ примѣнить астрономическую схему Кетле о средней погрѣшности, дадутъ крайне извращенное понятіе о движеніи и распредѣленіи небесныхъ тѣлъ.

Точно также схема Кетле, примѣненная къ случайнымъ явленіямъ общественной жизни безъ умѣлой оцѣнки того, существуютъ ли могущественныя причины и силы, сообщающія этому массовому процессу регулярность, можетъ дать (и въ дѣйствительности дала увлеченіемъ его послѣдователей) извращенное понятіе о характерѣ законовъ, коими управляется общественная жизнь; а проведеніе такихъ запутанныхъ понятій въ жизнь чрезъ посредство законодательныхъ реформъ можетъ по недоразумѣнію причинить (и уже причиняло) человѣку много совершенно ненужныхъ и безсмысленныхъ волненій и страданій.

Руководители государственной и общественной жизни, опирающіеся на такія заблужденія, принимаемыя за истину, своими реформами могутъ легко растратить не мало силъ, способныхъ поддержать регулярность благотворнаго общественнаго процесса, и, наоборотъ, могутъ накопить по ошибкѣ такія силы, которыя дѣйствуютъ на общественную жизнь разлагающимъ и разрушающимъ образомъ.

А нѣкоторые фанатики большого числа ведутъ общество къ переустройству путемъ разрушеній вполнѣ убѣжденно, такъ какъ думаютъ, что и самое разрушеніе благодѣтельно, ибо, по ихъ мнѣнію, большое число всетаки останется и, обладая само изъ себя творческою силою, создастъ непремѣнно лучшую форму человѣческаго общежитія, чѣмъ форма разрушенная.

Изъ этого нелѣпо-мистическаго источника проистекаютъ многія мнимо-научныя политико-экономическія и соціалистическія ученія, въ которыхъ масса и большинство обоготворены, а отдѣльный человѣкъ оцѣненъ съ точки зрѣнія суммы хозяйственныхъ благъ, перелагаемой на фунты стерлинговъ, и вѣчно порабощенъ то капитализму, то механическому соціальному строю.

На самомъ же дѣлѣ для сохраненія даже *неподвижной* (*стаціонарной*) регулярности всякаго массоваго процесса совсѣмъ не достаточно лишь большого числа, и необходима поддерживающая эту регулярность сила—на нижнихъ ступеняхъ неорганиче-

ческая и органическая, а на высшихъ ступеняхъ моральная и интеллектуальная. Для *прогресирующей* же регулярности массовой общественной жизни нужно не разрушеніе, а постоянное накопленіе здоровыхъ моральныхъ и интелектуальныхъ общественныхъ силъ, воодушевленныхъ стремленіемъ къ осмысленной цѣли человѣческаго существованія. Иначе въ общественномъ процессѣ пришлось бы признать своего рода *perpetuum mobile*, которое здѣсь столь же нелѣпо, какъ и въ механическомъ процессѣ.

§ 29. Выскажемъ сущность нашего возраженія противъ увлеченій Кетле и его послѣдователей такъ: прежде чѣмъ примѣнять къ любому массовому процессу теорію среднихъ величинъ, нужно доказать умѣстность такого примѣненія точнымъ разслѣдованіемъ того, выполнено ли главное условіе ученія о среднихъ величинахъ. Изслѣдованіе это должно состоять въ разсмотрѣніи всѣхъ дѣйствующихъ причинъ и вліяній и особенно тѣхъ изъ нихъ, кои *изоляціей* простыхъ процессовъ поддерживаютъ независимость разсматриваемыхъ случайныхъ явленій. Къ этимъ только явленіямъ и можно примѣнять теорію среднихъ величинъ, въ которой выражается свободная математическая регулярность.

Эта свободная регулярность имѣетъ мѣсто въ стаціонарныхъ стадіяхъ массоваго государственнаго и общественнаго процесса, а смѣна такихъ стадій составляетъ историческій процессъ. Этой точкѣ зрѣнія соотвѣтствуетъ историческій идеализмъ, предполагающій, что въ историческомъ процессѣ явленія связаны не только съ категоріей причины, дѣйствующей фатально, но и съ категоріей свободы, которая даетъ возможность проявляться самымъ дорогимъ и высокимъ свойствамъ человѣческаго существа, составляющимъ основу его нравственной жизни.

Взгляды выдающихся русскихъ историковъ: Карамзина, Погодина, Грановскаго, Соловьева и другихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ этой идеалистической точкѣ зрѣнія. Усовершенствованная логика укрѣпляетъ этотъ историческій идеализмъ, устанавливая свободные точные законы рядомъ съ фатальными и ставя первые въ господствующее положеніе относительно вторыхъ.

Но позднѣйшіе дѣятели русской исторической науки въ лицѣ даже ея выдающихся представителей усвоили точку зрѣнія, связанную съ ошибками Кетле и позитивистовъ, которые сводятъ историческія явленія лишь къ фатальнымъ законамъ, дѣйствующимъ съ роковою необходимостью, и игнорируютъ свободные точные законы. Сжатое выраженіе этихъ взглядовъ находимъ въ слѣдующихъ словахъ проф. *П. Г. Виноградова* *): «Современныя науки, и естественныя и общественныя, прежде всего ищутъ въ явленіяхъ *закона*, — выясняютъ необходимую, постоянно повторяющуюся связь между ними. Только для поверхностнаго взгляда явленія, которыя мы наблюдаемъ, представляются пестрой, безпорядочной массой. Чѣмъ внимательнѣе мы всматриваемся въ эту массу, тѣмъ болѣе замѣчаемъ, что факты появляются передъ нами не въ случайныхъ соединеніяхъ, а въ опредѣленныхъ группахъ: если мы подмѣтимъ, что фактъ *a* появляется непремѣнно рядомъ съ фактомъ *b* или непремѣнно послѣ него, то этимъ выяснится для насъ законъ связи между этими фактами. Нѣкоторые законы уже найдены, другіе опредѣлить еще не удалось, но можно сказать, что въ общемъ наука понимаетъ теперь *міровую жизнь не какъ сцѣпленіе случайностей*, а какъ результатъ дѣйствія законовъ, частью извѣстныхъ намъ, частью неизвѣстныхъ. — Инымъ кажется, что такое пониманіе міра ведетъ къ фатализму, къ признанію господства роковой необходимости, убивающей всякую инціативу, всякую свободу человѣческой дѣятельности. Въ этихъ опасеніяхъ есть странное недоразумѣніе. Почему взглядъ, что во всемъ, въ матеріальномъ движеніи и въ мысли, выражаются законы природы, долженъ убить энергію и инціативу? Вѣдь знаніе законовъ паденія тѣлъ, законовъ движенія воды и т. п. не отнимаетъ у насъ возможности воспользоваться силой воды, чтобы двигать колесо мельницы. Именно, въ открытіи законовъ природы лежитъ лучшее средство, чтобы обезвредить ихъ дѣйствіе на человѣка или воспользоваться ими въ

*) *П. Г. Виноградовъ:* „Наканунѣ новаго столѣтія“. (Педагогическое Общество. Труды комиссіи по устройству чтеній для учащихся). Изданіе Т-ва Сытина. Москва. 1902.

его пользу. Когда открытія Пастера выяснили вліяніе бактерій на броженіе и болѣзни, явилась возможность несравненно успѣшнѣе бороться съ болѣзнями, нежели прежде, когда медицина не считалась съ законами развитія бактерій и вліянія ихъ на человѣческій организмъ». Къ этому утилитарному взгляду на историческій фатализмъ присоединяется «идея развитія», т. е. эволюція, происходящая изъ непонятнаго источника и похожая на perpetuum mobile. П. Г. Виноградовъ говоритъ такъ: «Другая проходящая повсюду научная идея вѣка есть *идея развитія*,— мысль, что всѣ существующія формы — растенія, животныя, люди и общества—проходятъ естественный ростъ, развертывая постепенно свои силы, питаясь изъ окружающей почвы въ борьбѣ и взаимодѣйствіи съ окружающими условіями, двигаясь сначала впередъ, затѣмъ останавливаясь и разрушаясь, съ тѣмъ чтобы передать жизнь новымъ существамъ подобнаго же рода. Эта идея развитія въ примѣненіи къ исторіи обнимаетъ двѣ стороны *историческаго процесса*—его *преемственность*, постоянную зависимость всего, что существуетъ въ настоящее время, отъ прошлаго, изъ котораго оно вышло, и *измѣнчивость*—постоянное движеніе къ разрѣшенію новыхъ задачъ и примѣненіе къ новымъ условіямъ».

§ 30. Разсмотримъ наконецъ отношеніе представителей идеализма къ схемѣ Кетле. Эти представители также не умѣли устранить ошибочныхъ предпосылокъ схемы Кетле и повторяли ихъ, а иногда прибавляли къ нимъ ошибочныя посылки другихъ родовъ. Тѣмъ не менѣе идеалистическія схемы вообще возбуждаютъ глубокій интересъ богатымъ содержаніемъ понятій,— тѣмъ болѣе, что ошибочныя посылки этихъ схемъ, какъ уже мы говорили, можно устранить правильнымъ наблюденіемъ конкретныхъ явленій.

Изъ идеалистическихъ схемъ остановимъ вниманіе на тѣхъ, кои служили графу *Л. Н. Толстому* въ его литературной дѣятельности. Рядомъ съ мастерскимъ идеально - реальнымъ изображеніемъ массовой человѣческой жизни, легко замѣтить у гр. Л. Н. Толстого отраженіе разныхъ ошибочныхъ посылокъ логическихъ схемъ, коихъ онъ держался. Этихъ ошибокъ

необходимо здѣсь коснуться. При этомъ въ ходѣ мысли графа Льва Николаевича намъ придется различать два періода.

Въ первый изъ этихъ періодовъ гр. Л. Н. Толстой, какъ можно думать, былъ подъ очевиднымъ вліяніемъ, между прочимъ, научно-философской идеи Кетле, художественно имъ переработанной. Эта идея отразилась въ «Войнѣ и мирѣ», гдѣ дивныя описанія картинъ массоваго движенія народовъ соединяются съ философскимъ разсужденіемъ о творческой роли массы и съ умаленіемъ значенія личныхъ вліяній главныхъ героевъ этой эпопеи. Эти личныя вліянія *стушевываются* здѣсь, какъ и у Кетле, и личность выше средняго уровня обезцѣнивается въ ея роли. Въ этой поэмѣ не исчезло, конечно, торжество нравственнаго принципа того народа, который подвергся насилію военнаго и политическаго таланта; это случилось лишь потому, что даръ художника, рисовавшаго правдиво свою картину, соединился съ широтою философскаго идеализма автора, глубоко понимавшаго роль духовно-нравственныхъ силъ и дѣлавшаго имъ учетъ.

Въ позднѣйшихъ многочисленныхъ философскихъ сочиненіяхъ графа Льва Николаевича вліяніе ошибочныхъ предпосылокъ, однородныхъ съ ошибками Кетле, выступаетъ еще ярче: писатель съ одной стороны горячо желаетъ осуществленія въ жизни людей божественнаго нравственнаго закона—Царствія Божія, которое заложено внутри насъ; съ другой стороны онъ отвергаетъ всѣ данныя Богомъ и выработанныя человѣческимъ опытомъ учрежденія, назначенныя по самой идеѣ своей поддержать въ колеблющемся человѣчествѣ стремленіе къ Царствію Божію,— отвергаетъ церковь, государство, науку, судъ и пр. Массовая общественная жизнь, по мнѣнію писателя, получаетъ благотворную организацію сама собою, безъ особой поддержки силъ благотворныхъ и даже не смотря на разлагающія ее злотворныя силы (которымъ даже и противиться не дозволительно).

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что у гр. Л. Н. Толстого во второй періодъ его дѣятельности выступаетъ особенная ошибочная логическая предпосылка, однородная съ ошибкою *Руссо* и по ея *крайней отвлеченности* дисгармонирующая съ *реализ-*

момъ, свойственнымъ графу Льву Николаевичу. Эта ошибочная предпосылка состоитъ въ слишкомъ высокой оцѣнкѣ качествъ человѣческой души. Оцѣнка эта опирается на евангельскій тезисъ: «Царствіе Божіе внутрь васъ есть» (Лук., XVII, 2). Если бы уже теперь это Царствіе было внутри каждаго изъ членовъ человѣческаго сообщества полною цѣнностью (какъ ошибочно думаетъ графъ Левъ Николаевичъ), а не *съменемъ*, которое у многихъ не только еще не воспиталось, но вполнѣ подавлено низменными инстинктами и наклонностью къ преступности, то въ такомъ *идеальномъ* человѣческомъ сообществѣ многія существующія учрежденія были бы анахронизмомъ, а не насущною необходимостью. Этого идеальнаго сообщества, какъ предѣльнаго и практически неосуществимаго, но составляющаго предметъ горячаго желанія всякой хорошо настроенной души, мы коснемся въ гл. VII. Индуктивная повѣрка, опирающаяся на точныя статистическія наблюденія, показываетъ всю химеричность предпосылки, что человѣчество вступило въ фазу, соотвѣтствующую этому предѣльному состоянію.

Если бы, забывая конкретныя свойства человѣческой души, опираться въ устроеніи человѣческой жизни на эту отвлеченную предпосылку графа Л. Н. Толстого, то индукція открыла бы ея ошибочность, хотя такой опытъ обошелся бы дорогою цѣною. Такъ, уничтоженіе судебной репрессіи противъ злыхъ проявленій свободной воли повело бы къ увеличенію вѣроятностей преступленій и къ фактическому умноженію преступности. Проповѣдь отвлеченной доктрины окончилась бы неожиданнымъ для нея результатомъ; на словахъ она говорила бы: *не убій*, а фактически, какъ видно изъ вышеуказаннаго точнаго закона о нестѣсненной дѣятельности свободной воли, она съ жестокою неумолимостью умножала бы убійства и анархію.

Итакъ, логическая схема Кетле ея ошибочными предпосылками привела къ колебаніямъ мысли между рабскимъ началомъ и анархіей, такъ какъ она лишена правильнаго мѣрила для разумной свободы и разумнаго стѣсненія.

ГЛАВА VI.

Принципъ благотворной свободы и прочія особенности логической схемы, служащей для изученія моральныхъ явленій. Понятіе о нравственномъ законѣ. Лѣствица уровней нравственныхъ понятій и ея вершина. Гражданскіе законы. Морально-интеллектуальныя и другія силы; психологія. Роль экономіи. Организующія и разлагающія силы (внутреннія и внѣшнія); моральныя сцѣпленія. Изолированные коллективные простые психическіе процессы: семьи, сельскія и городскія общины, сословія и пр. Эмпирическое опредѣленіе вѣроятностей и стаціонарныхъ вліяній въ этихъ процессахъ. Логическія основанія точной индуктивной науки о свободѣ и вліяніи въ нравственномъ общественномъ процессѣ. Коллективная свободная воля и распространеніе на нее точнаго закона о массовыхъ нестѣсненныхъ дѣйствіяхъ свободной воли. Частные точные законы. Числовыя характеристики. Общая сфера нестѣсненной дѣятельности свободной воли и подраздѣленіе этой сферы на частныя сферы. Нестаціонарный массовый процессъ и вліяніе его измѣненій на сферы нестѣсненной дѣятельности свободной воли. Лѣствицы для изученія этихъ измѣненій и ихъ вліяній. Взаимодѣйствіе свободы благотворной и свободы неблаготворной. Эмпирическіе законы массоваго нестаціонарнаго процесса и возможность точныхъ законовъ этого процесса. Конкретная благотворная свобода и свобода отвлеченная. Изоляторы, какъ фундаментъ благотворной конкретной свободы и какъ стѣсненіе противъ посягающихъ на нее. Почему отвлеченная благотворная свобода часто переходитъ въ химерическую. Идеально-реальная благотворная свобода, ея свойства и логика ея реформы. Національныя черты свободы и отношеніе ея въ космополитической идеѣ.

§ 31. Принципъ благотворной *свободы* въ моральномъ сообществѣ составляетъ одну изъ основъ общественной жизни. Свобода,

это высшее благо разумнаго существа, по цѣлямъ ея благотворна лишь тогда, когда она не нарушаетъ нравственнаго принципа и обязанностей гражданскихъ. Въ противномъ случаѣ она дѣлается неблаготворною и результаты ея являются либо грѣхомъ, либо преступленіемъ.

Моральное сообщество, построенное на принципѣ свободы, дорожитъ благотворною свободой и стремится посредствомъ благотворныхъ *вліяній* расширить ея сферу, а область свободы неблаготворной старается сузить. Успѣхъ этого стремленія есть *прогрессъ* этого сообщества, которое можно назвать *свободонравственнымъ*.

Благотворная свобода есть основной *регуляторъ* моральнаго сообщества, водворяющій въ массовой общественной жизни «божественный порядокъ», выражающійся точными свободными законами. Это не значитъ, что въ моральномъ сообществѣ не дѣйствуютъ фатальные законы, связанные съ понятіемъ о роковой необходимости. Эти фатальные законы также дѣйствуютъ въ моральномъ сообществѣ рядомъ со свободными законами и могутъ служить кормчему, напрявляющему общественную жизнь, для того, чтобы на счетъ этого фатализма еще лучше укрѣпить моральныя основы свободонравственной жизни.

Но кормчій, который вздумалъ бы направлять человѣческую жизнь лишь путемъ фатализма, лишая ее благотворной свободы, дарованной человѣку Творцомъ, въ корнѣ подрывалъ бы тѣмъ самымъ нравственныя основы общественной жизни. Вотъ почему безнравственно соціальное рабство, независимо отъ того, проистекаетъ ли оно изъ религіознаго фанатизма, или изъ чудовищной притязательности капитала, или же, наконецъ, вырядилось въ форму соціалистическихъ и экономическихъ идей, стремящихся во имя общаго блага поработить человѣка соціалистическому общественному строю.

Важнѣйшій изъ свободныхъ точныхъ законовъ, на который опирается принципъ свободной регулярности, есть тотъ, который указанъ въ гл. IV и касается дѣйствія нестѣсненной свободной воли. Этотъ точный законъ и его развитіе приведутъ насъ къ разсматриваемому ниже понятію о точной индуктивной наукѣ,

изслѣдующей свойства благотворной свободы, создаваемой благотворными вліяніями.

Разсматривая здѣсь болѣе подробно указанную въ гл. I (§ 9) логическую схему изслѣдованія массовыхъ проявленій въ жизни человѣческаго общества, построеннаго на принципахъ нравственности и благотворной свободы, мы должны начать съ *перваго* пункта этой схемы. Этотъ пунктъ требуетъ привести въ извѣстность всѣ имѣющія мѣсто въ этомъ массовомъ процессѣ и *доступныя* тщательному изслѣдованію *достовѣрныя данныя* и, по возможности, опредѣлить отношеніе ихъ къ явленіямъ, свойственнымъ этому массовому процессу.

Обсуждая эту фундаментальную часть логической схемы по отношенію какъ къ важнѣйшимъ условіямъ, причинамъ, силамъ, вліяніямъ и цѣлямъ, такъ и къ ихъ дѣйствію на свойственныя массовому общественному процессу явленія, мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ съ научною задачею, въ высшей степени сложною. Естественныя науки имѣютъ дѣло съ весьма сложнымъ біологическимъ процессомъ. Но при изслѣдованіи явленій общественной жизни людей мы имѣемъ дѣло въ отношеніи сложности вопроса съ массовымъ процессомъ высшаго порядка, нежели процессъ біологическій. *Нравственный законъ*, какъ условіе дѣйствія психическихъ силъ, мощно вліяющее на ихъ направленіе, есть осложняющій императивъ, который господствуетъ надъ прочими императивами духовно-нравственнаго человѣческаго существа и котораго нѣтъ въ постулатахъ біологической схемы. Этотъ великій императивъ умножаетъ количество постулатовъ, составляющихъ логическія предпосылки, опредѣляющія дѣйствіе силъ.

§ 32. Точная логика индуктивныхъ наукъ, приспособленная къ изслѣдованію моральныхъ явленій, совершающихся въ жизни человѣческихъ сообществъ, должна взять изъ подходящаго источника понятіе о нравственномъ законѣ, являющееся, какъ сейчасъ сказано, необходимымъ элементомъ логической схемы для упомянутаго изслѣдованія. Почерпнуть ли это понятіе изъ какихъ-либо научныхъ эмпирическихъ основаній, или же взять его изъ источниковъ высшаго сверхъестественнаго (трансцедентальнаго) происхожденія, — вотъ вопросъ, съ которымъ ло-

гическая схема соприкасается практически. Теоретически для логики, какъ мы уже говорили, источникъ нужнаго ей точнаго понятія безразличенъ, но для практической схемы, которую приходится строить и индуктивно повѣрять, необходимо остановить свой выборъ на опредѣленномъ точномъ понятіи, взявъ его откуда возможно.

Совѣсть человѣка даетъ ему знать о томъ, что нравственный законъ заложенъ въ его душѣ. Однако, тайны совѣсти принадлежатъ къ *неявнымъ* причинамъ, недоступнымъ для посторонняго познающаго ума и составляющимъ тотъ пробѣлъ знанія, изъ-за котораго логическая схема науки о человѣкѣ не можетъ быть полною и должна, поэтому, довольствоваться неполными схемами теоріи вѣроятностей. Эта же неполная схема имѣетъ дѣло лишь съ такими понятіями о нравственномъ законѣ, которыя облеклись въ форму общественнаго исповѣданія, доступную познающему уму. Поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что индуктивная наука, изслѣдующая данное человѣческое сообщество, должна брать для своихъ схемъ тѣ характеризующіе нравственный законъ постулаты, которые не только *конкретно живутъ* въ особяхъ этого сообщества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выразились формально въ ихъ религіи и вѣрованіяхъ.

Но при обозрѣніи этихъ понятій о нравственномъ законѣ во всемъ человѣчествѣ мы встрѣчаемся съ *многообразіемъ* этихъ понятій у различныхъ народовъ, человѣческихъ сообществъ и отдѣльныхъ особей. Въ этомъ многообразіи есть различные *уровни* нравственныхъ понятій, и притомъ особи различныхъ уровней часто перемѣшаны въ общемъ массовомъ процессѣ такъ, какъ химическіе элементы перемѣшиваются въ природѣ, образуя различныя тѣла. Изучая эти нравственные уровни, придется строить *рядъ* или *лѣствицу* этихъ уровней, какъ это дѣлается вездѣ, гдѣ есть измѣнчивое многообразіе. Когда эта лѣствица построена, тогда можно будетъ въ болѣе или менѣе стройномъ порядкѣ изслѣдовать даже эмпирически отраженія этого многообразія въ конкретной дѣйствительности.

Въ этой длинной лѣствицѣ такъ много ступеней, что изслѣдователь вынужденъ бываетъ иногда остановиться лишь

на главныхъ ея ступеняхъ. *Низшею* ея ступенью является то дикое состояніе особи, когда у нея самое понятіе о нравственномъ законѣ почти отсутствуетъ, когда, слѣдовательно, особь не можетъ ни свято чтить нравственный законъ, ни ему противиться съ сознательною подлостью т. е. съ сознательнымъ нарушеніемъ его требованій. Но взоры человѣчества ищутъ *высшей* ступени нравственной лѣствицы.

Теологи, философы и историки, а равно правители и образованные классы народовъ всегда и горячо интересовались какъ всею этою лѣствицей, такъ и особенно ея *вершиною*, къ которой поднимается прогрессирующій или восходящій нравственный общественный процессъ. Если химическіе, физіологическіе и біологическіе ряды и лѣствицы интересуютъ ученыхъ спеціалистовъ, то эта нравственная лѣствица глубоко интересуетъ всякое разумно-нравственное существо, ибо всякая перемѣна въ уровнѣ нравственныхъ понятій и вѣрованій самымъ чувствительнымъ образомъ отражается на жизни какъ этого существа, такъ и на жизни сообщества и, наконецъ, на массовой жизни народовъ и всего человѣчества.

Гдѣ вершина этой нравственной лѣствицы, вотъ мучительный и неотразимый практическій вопросъ какъ всего человѣческаго рода, такъ и каждой особи этого рода. Эта вершина играетъ роль и въ логической схемѣ, обнимающей общій массовый процессъ жизни человѣчества. Всякое озареніе болѣе совершеннымъ свѣтомъ нравственнаго ученія и наставленія, пробуждая совѣсть составляющихъ общество лицъ, уменьшаетъ вѣроятности неблаготворныхъ и злыхъ дѣйствій и, слѣдовательно, поднимаетъ стаціонарное состояніе массоваго общественнаго процесса по направленію вершины упомянутой нравственной лѣствицы. Эта вершина намѣчаетъ предѣльную цѣль, къ которой долженъ приближаться прогрессирующій нравственный процессъ. Вотъ почему мы должны коснуться вопроса объ этой вершинѣ, т. е. о совершеннѣйшемъ нравственномъ законѣ.

Попытки вывести совершеннѣйшій нравственный законъ не изъ совершеннѣйшей религіи, а раціональнымъ эмпирическимъ путемъ всегда, какъ извѣстно, не удаются. Эта участь постигла

и то построеніе нравственныхъ наукъ, основанія котораго изложены въ VI книгѣ логики Милля. Практически попытки обосновать такимъ путемъ нравственный законъ обыкновенно бываютъ болѣе удобны не для истинно-нравственныхъ людей, а для такихъ, которымъ нужно покрытіе своей нравственной подлости или своихъ низменныхъ біологическихъ инстинктовъ личиною нравственнаго закона. Въ концѣ концовъ искренно вѣрующій въ Бога не только христіанинъ, но даже магометанинъ или буддистъ, какъ основная монада въ построеніи моральнаго общественнаго организма, безконечно выше послѣдователя любой раціоналистической морали, которая, дѣйствуя на умъ, не можетъ никогда возжечь сердце истинною любовью къ ближнему.

Вотъ почему въ вопросѣ объ источникѣ понятія о нравственномъ законѣ необходимо послѣдовать за Декартомъ, Паскалемъ, Лейбницемъ, Бюффономъ, Кантомъ, за славянофилами, за Пироговымъ, Ушинскимъ, Владиміромъ Соловьевымъ и другими мыслителями, обращавшимися при изслѣдованіи различныхъ связанныхъ съ человѣческою дѣятельностію вопросовъ къ высшему и совершеннѣйшему ученію о нравственности, т. е. къ Богооткровенной христіанской религіи, и принимавшими почерпнутое отсюда понятіе о нравственномъ законѣ за *вершину* въ лѣствицѣ нравственныхъ понятій. Эту лѣствицу и необходимо положить въ основу точной индуктивной науки о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.

Но не вторгнется ли при этомъ наука въ область религіи? Нѣтъ; но религія и наука пойдутъ рядомъ. Декартъ, Паскаль, Лейбницъ, Кантъ, Владиміръ Соловьевъ и другіе опредѣленною чертою раздѣлили задачи религіи и задачи науки, какъ двѣ великія области, другъ друга дополняющія и ни въ чемъ другъ другу не противорѣчащія, пока представители той и другой не свернутъ съ истиннаго пути на путь заблужденія. Религіозное міросозерцаніе сводится къ трансцедентнымъ предпосылкамъ, которыя непосредственно связаны съ *предѣльными* понятіями и которыя, какъ таковыя, не составляются изъ понятій, получаемыхъ въ зависимости отъ эмпирическихъ крите-

ріевъ. Предъ этими понятіями эмпирическое познаніе останавливается. Здѣсь религія и наука въ извѣстномъ смыслѣ обособляются въ своихъ понятіяхъ, не противорѣча другъ другу.

Однако это обособленіе никоимъ образомъ не должно переходить не только въ отрицаніе, но и въ игнорированіе одной области по отношенію къ другой, ибо въ міропорядкѣ онѣ сливаются: человѣкъ есть существо и познающее, и стремящееся въ сердцѣ своемъ къ высшимъ предѣльнымъ цѣлямъ своего бытія. Сверхъ того сами научныя проблемы въ концѣ концовъ приводятъ къ трансцедентному вопросу о предѣльномъ (конечномъ) основаніи и цѣли вещей,—и этотъ вопросъ наука можетъ поставить, но не можетъ окончательно рѣшить, какъ уходящій въ цѣпи представленій познающаго ума все далѣе и далѣе въ глубь безконечности познаваемаго.

Тѣмъ не менѣе индуктивная наука не можетъ совсѣмъ отказаться отъ этого трансцедентнаго вопроса, и это потому, что она можетъ проникнуть въ этотъ вопросъ если не для окончательнаго рѣшенія, то для освѣщенія нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ, общихъ для нея и для религіи. Наука и религія окажутъ здѣсь взаимныя услуги. *Владиміръ Соловьевъ* особенно искусно настаивалъ на необходимости связи индуктивной науки не только съ метафизикой, но и съ религіей, трансцедентныя категоріи которой столь наглядно проявляются въ массовой жизни человѣчества.

Эти наглядныя, доступныя наблюденію проявленія совершаются въ великой ретортѣ историческихъ и политическихъ судебъ человѣчества. А точная логика наукъ, почерпающая свои схемы въ теоріи вѣроятностей, даетъ средства свести нѣкоторые изъ совершающихся здѣсь процессовъ къ точнымъ законамъ, оправдывая философскія ожиданія относительно возможности гармонически слить области религіи и науки при сохраненіи самостоятельности той и другой.

Религія, философія и индуктивная наука имѣютъ, такимъ образомъ, въ массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности поле, ихъ объединяющее.

Вмѣстѣ съ тѣмъ индуктивная наука при построеніи своей

логической схемы, относящейся къ моральнымъ явленіямъ, можетъ почерпать свои *основныя понятія* и *постулаты* изъ смежной области психологіи и религіи, располагая ими для включенія въ эту логическую схему.

Такими понятіями, принадлежащими одною своею стороною къ психологіи, а другою къ категоріи нравственнаго закона, почерпаемаго изъ религіи, являются понятія о Богѣ, о разумѣ, о свободной волѣ, о духѣ, о предопредѣленіи, т. е. о конечномъ или предѣльномъ основаніи и цѣли вещей. Введенныя въ логическую схему для изученія проявленій массовой человѣческой дѣятельности, эти понятія и связанные съ ними постулаты индуктивно провѣряются историческимъ и статистическимъ наблюденіемъ и нигдѣ не приводятъ къ противорѣчію двухъ міровъ: чувственнаго и сверхчувственнаго, если нравственную категорію брать въ ея чистѣйшей абсолютной формѣ, даваемой наисовершеннѣйшею религіей, и если научную мысль подчинить правиламъ точной логики. Эта предпосылка о согласіи двухъ указанныхъ міровъ есть фундаментъ изслѣдованія моральныхъ явленій.

Допустивъ эту предпосылку, мы должны всѣ важнѣйшіе роды человѣческой дѣятельности разсматривать въ связи съ категоріей нравственнаго закона. Сферы государственная, общественная, экономическая и пр. являются лишь естественнымъ полемъ дѣйствія этого высшаго начала, на которомъ должны быть построены всѣ человѣческія отношенія. При этомъ вершина вышеуказанной нравственной лѣствицы должна озарять путь свободонравственнаго историческаго процесса. Эта вершина ясно свѣтитъ христіанскимъ культурамъ. Христіанскіе народы, спотыкаясь, иногда отчаяваясь, даже подчасъ отвергая реальность этой вершины, въ общемъ восходятъ по этой лѣствицѣ. Отвергавшіе этотъ путь христіанскіе народы, воздвигавшіе гоненіе на христіанскую свободу подъ флагами соціализма, іезуитизма и богини разума, либо ad absurdum убѣждались въ своихъ заблужденіяхъ и возвращались на тотъ же свободонравственный путь, либо вырождались, уступая нравственную гегемонію богобоязненнымъ народамъ.

Этотъ свободонравственный массовый процессъ не только выше біологическаго, въ которомъ состоятъ дикіе народы и до котораго спускается жизнь выраждающейся культурной части человѣчества, но также выше и любого соціалистическаго массоваго процесса, построеннаго на идеѣ рабскаго блага матеріалистическихъ экономистовъ. Въ свободонравственномъ процессѣ данъ смыслъ жизни въ ея *высокой цѣли*, и этотъ смыслъ есть особая объединяющая людей *сила*: она есть тотъ огонь Прометея, который даетъ проявленіямъ человѣческой жизни въ ея лучшихъ представителяхъ высшую энергію, свободно направленную въ одну и ту же сторону. Если человѣкъ есть вѣнецъ земного творенія и царь на землѣ, то это по тому, что въ немъ зажженъ этотъ огонь, нравственно приближающій его къ Богу.

Нравственный законъ имѣетъ свое *противоположеніе*—нравственную анархію, которая опирается на сознательное отрицаніе нравственнаго закона и на сознательное практическое его нарушеніе. Въ нравственной анархіи существуетъ своя *отрицательная* лѣствица, параллельная предыдущей положительной. Въ обѣихъ этихъ лѣствицахъ играетъ роль *интеллектуальная* сила, безъ которой не мыслима и отрицательная нравственная жизнь и которая составляетъ необходимый элементъ въ актахъ свободной воли. Поэтому интеллектуальная сила есть *непремѣнный спутникъ* какъ нравственной добродѣтели, такъ и нравственной подлости. Эта сила есть существенное слагаемое въ той равнодѣйствующей психическихъ силъ, которая называется свободною волею.

Въ отрицательную нравственную лѣствицу входитъ много старыхъ грѣховъ человѣчества, которые облекаются въ форму замысловатыхъ, но по сущности плутовскихъ свободомыслій, благовидно прикрывающихъ отрицаніе предписаній нравственнаго закона тогою то философіи, то науки и разныхъ благихъ намѣреній.

Смѣшеніе въ особяхъ, принадлежащихъ къ данному обществу, положительнаго нравственнаго начала съ отрицательнымъ порождаетъ нравственныя *коллизіи*. Эти коллизіи еще болѣе умножаются, такъ какъ уровни нравственныхъ понятій особей

въ массовомъ общественномъ процессѣ не однородны и не одинаковы. Въ такомъ сложномъ сплетеніи нравственныхъ коллизій, имѣющихъ мѣсто въ массовомъ общественномъ процессѣ, возникаютъ нѣкоторыя *внѣшнія* уравновѣшивающія начала: *гражданскія* условія.

Важнѣйшее изъ такихъ условій есть *гражданскій законъ*, находящійся въ тѣснѣйшей связи съ нравственнымъ закономъ, какъ необходимое къ нему дополненіе, составляющее насущную потребность народовъ и обществъ. Вышеуказанныя коллизіи вызываютъ эту необходимость. Въ этихъ коллизіяхъ, индуктивно подтверждаемыхъ статистикою моральныхъ явленій, нравственный принципъ высшихъ ступеней былъ бы совершенно беззащитнымъ, если бы гражданскій законъ посредствомъ *учрежденій* не поддерживалъ нравственный союзъ на нѣкоторомъ уровнѣ. Въ гражданскомъ законѣ положены наглядныя границы для свободонравственныхъ дѣйствій. Преступившій эти границы отвѣчаетъ не только предъ Богомъ и своею совѣстью, но и предъ гражданскою властью.

Гражданскіе законы должны быть вводимы въ логическую схему какъ наиболѣе существенное (послѣ нравственнаго закона) условіе, дѣйствующее въ массовой общественной жизни и направляющее ея силы въ опредѣленное русло. Лучшая часть гражданъ служитъ *проводникомъ* и *опорою* гражданскаго закона, и чѣмъ выше нравственный уровень лучшей части гражданъ, тѣмъ выше по нравственному достоинству гражданскій законъ и тѣмъ сильнѣе его благотворное дѣйствіе.

§ 33. Вообще дѣйствующія въ массовомъ свободонравственномъ общественномъ процессѣ условія, причины, вліянія, цѣли и силы имѣютъ *полноту разнообразія*: здѣсь морально-интеллектуальныя обстоятельства соединяются со всѣми прочими силами и обстоятельствами; здѣсь вліяютъ на ходъ событій условія географическія, физическія, расовыя, культурныя, экономическія и пр. Но всѣ эти силы пріурочиваются такъ или иначе къ человѣку, къ его особямъ, а потому общественный анализъ сводится болѣе всего къ анализу свойствъ этихъ особей, носителей морально-интеллектуальныхъ силъ, отъ *вліяній* которыхъ зависитъ скрѣпленіе и разложеніе общественнаго организма.

Эти особи носятъ въ себѣ и вышеуказанную (гл. I и IV) естественную *изоляцію*, которая при анализѣ силъ изучается сколь возможно тщательно. При этомъ часть причинъ, скрытыхъ въ душѣ особей и составляющихъ сущность ихъ свободы, вообще остатся для познающаго ума недоступною или *неявною*.

Тщательный анализъ явныхъ *индивидуальныхъ* морально-интеллектуальныхъ силъ и тщательное изученіе изоляціи индивидуальныхъ и коллективныхъ психическихъ процессовъ составляетъ существенную часть, которая требуется логическою схемою, указанною въ главѣ I.

Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія въ основныхъ чертахъ отношеніе индивидуальныхъ силъ къ прочимъ обстоятельствамъ, дѣйствующимъ въ массовомъ общественномъ процессѣ.

Само собою разумѣется, что *психологія* особей должна быть основою этого анализа постольку, поскольку это окажется *доступнымъ* познающему уму достовѣрнымъ знаніемъ. Та психологія, которая составляетъ частію отдѣлъ философіи, частію отдѣлъ лабораторной экспериментальной психо-физіологіи, еще не исчерпываетъ всего необходимаго психологическаго матеріала. Жизнеописанія св. подвижниковъ и подвижницъ, историческихъ героевъ и героинь съ одной стороны, уголовныя разслѣдованія о преступникахъ и преступницахъ съ другой стороны, наконецъ психологическій анализъ, изображенный въ художественныхъ образахъ великими писателями, ихъ герои и героини, взятые изъ всѣхъ слоевъ общественной жизни отъ верхнихъ до подонковъ общества, даютъ возможность постигнуть свойства психики въ ихъ дѣйствіи при разныхъ обстоятельствахъ.

Эти элементарныя индивидуальныя силы, слагаясь въ общественномъ процессѣ, даютъ ему, какъ цѣлому, соотвѣтствующую форму, а изученіе этого массоваго процесса точными методами дѣлаетъ новые вклады въ самую психологію, провѣренные индуктивно на аренѣ общественной и исторической жизни.

§ 34. Въ излагаемой схемѣ мы остапавливаемся подробнѣе всего на условіяхъ и причинахъ духовно-нравственныхъ. Но надлежитъ имѣть въ виду другія стороны и особенно *экономическую*,

которая обнимаетъ вопросы о трудѣ, какъ источникѣ хлѣба насущнаго, и о хозяйственныхъ благахъ. Объ этой важной сторонѣ массоваго общественнаго процесса, которая затрогиваетъ область политической экономіи, мы не имѣемъ возможности здѣсь распространяться, хотя и въ этой области точная логика могла бы внести много новыхъ методовъ, вытекающихъ изъ теоріи вѣроятностей и ея философскихъ основъ. Замѣтимъ только, что въ области политико-экономической крайне матеріалистическая оцѣнка способностей человѣка, производящаго хозяйственныя блага, представляетъ неудовлетворительную черту, отражающуюся неблагопріятно на всѣхъ сторонахъ современной культуры. Для смягченія этихъ жесткихъ отношеній необходимо вводить нравственный элементъ въ самую оцѣнку труда и вещей, какъ это пытались сдѣлать *Даніилъ Бернулли* и *Бюффонъ*, предложившіе для оцѣнки случайныхъ суммъ особое мѣрило, называемое *нравственнымъ ожиданіемъ*.

Вообще современныя жесткія отношенія труда и капитала, построенныя на основѣ экономическаго матеріализма, должны быть подчинены для ихъ смягченія нравственному принципу,—и тогда найдутся легко средства устранить эту жестокость посредствомъ устройства кассъ, страхованій рабочихъ и пр. И мы знаемъ, что въ христіанскихъ культурахъ богатый, если онъ не матеріалистъ, очень часто оказывается лишь исполняющимъ заповѣдь любви къ ближнему организаторомъ добычи насущнаго хлѣба для трудящихся массъ.

§ 35. Самый фактъ существованія даннаго моральнаго сообщества, какъ одного *цѣлаго*, служитъ уже доказательствомъ присутствія въ немъ нѣкоторыхъ *связующихъ* силъ. Морально-интеллектуальныя индивидуальныя силы въ этомъ отношеніи обладаютъ особенными свойствами. Благотворныя морально-интеллектуальныя силы, дѣйствуя по индивидуальнымъ цѣлямъ, согласованнымъ съ нравственнымъ и гражданскимъ законами, имѣющими въ виду общее благо, складываясь въ общій итогъ, при достаточномъ развитіи ихъ лучше скрѣпляютъ общественный организмъ, чѣмъ прочія связующія его силы,—лучше потому, что онѣ стремятся сознательно къ огражденію и развитію благополучія этого орга-

низма, соединяясь иногда для этой цѣли въ особыя *благотворныя* учрежденія. Эти благотворныя морально-интеллектуальныя силы, какъ отдѣльныя, такъ и въ формѣ учрежденій, оберегая и расширяя благотворную свободу, вліяніемъ своимъ связываютъ свободу неблаготворную. Отъ накопленія ихъ болѣе всего зависитъ государственный и общественный прогрессъ, который нельзя создать никакими правовыми и иными теоретическими формами безъ роста живыхъ индивидуальныхъ силъ.

Всѣ вообще условія, причины, вліянія, силы и цѣли, кои объединяютъ общественный организмъ въ одно цѣлое путемъ поддержанія и улучшенія общаго и частнаго благополучія, построеннаго на основѣ нравственнаго и гражданскаго законовъ и благотворной свободы, назовемъ вліяніями и причинами, *организующими* моральное человѣческое сообщество. Къ важнѣйшимъ изъ организующихъ причинъ принадлежатъ: 1) *нравственное состояніе* сообщества (религія, какъ основа нравственнаго закона, гражданскіе законы, добрые нравы и обычаи, семейное, школьное и общественное воспитаніе и пр.), 2) *интеллектуальное состояніе* (практическія умѣнья и навыки, науки, искусства и пр.), 3) *экономическое состояніе* (условія производительнаго труда и накопленія хозяйственныхъ благъ и способы распредѣленія ихъ). Въ поддержаніи этихъ организующихъ причинъ, въ защитѣ ихъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній и въ усиленіи ихъ благотворнаго дѣйствія играютъ огромную роль: 1) церковь, 2) государство съ его учрежденіями и 3) общественныя подраздѣленія и классы.

Въ направленіяхъ Ахенваллевско-Шлецеровскомъ и Ле-Плѐ (гл. I) найдутся образцы подобнаго изученія, которые въ будущемъ желательно лишь болѣе согласовать съ указанною въ главѣ I и подробно здѣсь развиваемою схемою.

Организующія сообщество вліянія и причины, давая общественному организму внутреннюю стойкость, содѣйствуютъ скрѣпленію его въ одно цѣлое. Они создаютъ благопріятное этому скрѣпленію стаціонарное состояніе массоваго общественнаго процесса посредствомъ расширенія и огражденія благотворной свободы, посредствомъ улучшенія условій для благо-

творныхъ дѣйствій, увеличивающихъ благосостояніе, посредствомъ воспитанія благотворныхъ морально-интеллектуальныхъ силъ въ младшемъ поколѣніи, которое идетъ на смѣну старшаго, и, наконецъ, посредствомъ стѣсненія неблаготворной свободы и неблаготворныхъ вліяній соотвѣтствующими неуклонными крѣпкими противодѣйствіями.

Въ массовомъ процессѣ, представляемомъ жизнью человѣческаго сообщества, существуютъ не одни только организующія сообщество вліянія и причины, но и силы противоположныя. Это суть тѣ обстоятельства данной общественной среды, которыя противодѣйствуютъ устойчивости массоваго общественнаго процесса относительно совершающихся въ немъ *благотворныхъ* проявленій. Эти вліянія и причины назовемъ *разлагающими* человѣческое сообщество. Эти вліянія и причины стремятся разстроить общественный организмъ, какъ моральное цѣлое.

Причины и вліянія какъ организующія, такъ и разлагающія человѣческое сообщество, слѣдуетъ подраздѣлять на *внутреннія* и *внѣшнія*.

Внутреннія организующія и разлагающія причины и вліянія возраждаются въ самомъ общественномъ организмѣ *при ближайшемъ участіи свободной воли*, которая поэтому и является одною изъ наиболѣе крупныхъ силъ. Подробнѣе характеръ дѣйствія этой силы человѣка описанъ будетъ ниже (гл. VII); теперь же будемъ продолжать общее разсмотрѣніе всего массоваго процесса.

Внутреннія организующія вліянія и причины, давая общественному организму внутреннюю стойкость, можно назвать *моральными сцѣпленіями*. Эти сцѣпленія тѣмъ полнѣе и разностороннѣе, чѣмъ шире тотъ кругъ благотворныхъ случайныхъ проявленій, на который распространяется дѣйствіе сцѣпленій. Эти сцѣпленія не исчерпываются только физическимъ (рабскимъ) содержаніемъ, но включаютъ въ себѣ метафизическія (свободныя) скрѣпленія, обусловливаемыя моральными и интеллектуальными вліяніями. Основа этихъ сцѣпленій—любовь и основанная на ней моральная дисциплина во имя общаго блага. Они имѣютъ большое сходство съ молекулярными сцѣпленіями физическихъ тѣлъ и съ химическимъ сродствомъ; но это сходство лишь внѣшнее.

Внутреннія разлагающія силы дѣйствуютъ противоположно указаннымъ моральнымъ сцѣпленіямъ. Горделивое себялюбіе, зависть, ненависть, подстрекательство, злобная месть и пр. — все это, прикрытое при случаѣ акробатическимъ лицемѣрнымъ словоизверженіемъ о радѣніи за благо о человѣчества, наполняетъ психику разлагающихъ моральныхъ силъ. Онѣ имѣютъ свою жесткую дисциплину и дѣйствуютъ скопами вродѣ тѣхъ, кои художественно изображены въ «Бѣсахъ» Достоевскаго. Этими внутренними разлагающими вліяніями и силами связывается соотвѣтствующая часть внутреннихъ организующихъ вліяній и силъ, теряемыхъ на необходимую борьбу со зломъ, а не на непосредственныя дѣла любви. Эта борьба требуетъ жертвъ и разныхъ личныхъ повинностей ради общественнаго блага.

Внутренія организующія и разлагающія человѣческое сообщество силы имѣютъ существенное значеніе въ жизни этого сообщества, какъ цѣлаго. Общественный организмъ, какъ моральное цѣлое, не возможенъ безъ внутреннихъ организующихъ силъ. Внѣшнія организующія силы имѣютъ вѣсъ въ этомъ цѣломъ лишь настолько, насколько психика особей общественнаго организма способна претворять ихъ въ форму внутреннихъ силъ.

Внутреннія организующія силы (моральныя сцѣпленія), дѣйствующія въ данномъ человѣческомъ сообществѣ, составляютъ, такъ сказать, его *живую душу*. Тотъ общественный организмъ, въ которомъ внутреннія разлагающія силы начинаютъ преобладать надъ внутренними организующими силами (моральными сцѣпленіями), разслабляется и можетъ погибнуть отъ одного только внутренняго разложенія, не говоря о томъ, что при его внутренней слабости онъ можетъ быть легко уничтоженъ внѣшнею разлагающею силою, которая упразднитъ его, какъ лишнее звено въ нравственномъ міропорядкѣ.

Наблюдатель, изслѣдующій моральное сообщество на основаніи разсматриваемой схемы, долженъ тщательнымъ изслѣдованіемъ общественной среды изучить возможно полно всѣ эти условія, причины, вліянія, силы и цѣли,—и чѣмъ полнѣе будетъ такое изученіе, тѣмъ полнѣе получится картина *достовѣрныхъ данныхъ* и ихъ дѣйствія на явленія общественной жизни и тѣмъ глубже будетъ постигнуто стаціонарное состояніе общества.

Какъ бы ни были полны и тщательны *доступныя* наблюденію достовѣрныя данныя, добытыя описательною статистикой и исторіей, часть дѣйствующихъ въ массовомъ общественномъ процессѣ условій, цѣлей, вліяній, причинъ и силъ, оставаясь *недоступною*, не войдетъ въ этотъ итогъ. При этомъ кромѣ физически недоступныхъ вліяній и причинъ, могутъ быть и *нравственно недоступныя*. Таковы многія, скрытыя въ тайникахъ совѣсти человѣка, побужденія свободной воли, какъ благотворныя, къ которымъ изслѣдователь не всегда имѣетъ право и возможность приступить *изъ уваженія къ благотворной свободѣ*, такъ и неблаготворныя. Послѣднія побужденія, свойственныя злой свободной волѣ, особенно прячутся отъ изслѣдователя и сознательно стараются вводить его въ заблужденіе, выдавая иногда свои неблаготворныя побужденія за самыя благія намѣренія и доказывая тѣмъ самымъ присутствіе разума, часто очень значительнаго, въ подлыхъ актахъ злой свободной воли.

§ 36. Вслѣдствіе недоступности различныхъ причинъ соотвѣтствующая часть явленій въ общественномъ массовомъ процессѣ будетъ принадлежать къ *случайнымъ*, изслѣдованіе свойствъ которыхъ должно опираться на теорію вѣроятностей. По отношенію къ этимъ явленіямъ вступаютъ въ силу указанные въ главѣ I (§ 9) пункты II, III и IV усовершенствованной логической схемы.

Установивъ (по пункту II) эти случайныя явленія, нужно, согласно пункту III, подраздѣлить массовый общественный процессъ на болѣе или менѣе *изолированные* простые процессы и изучить эти процессы по отношенію къ окружающей ихъ средѣ, оцѣнивая степень взаимной зависимости принадлежащихъ къ нимъ случайныхъ явленій и выдѣляя случайныя явленія, взаимно независимыя (свободныя).

Основное подраздѣленіе этого массоваго общественнаго процесса на изолированные простые процессы соотвѣтствуетъ, какъ выше уже сказано, жизненнымъ процессамъ отдѣльныхъ лицъ, этихъ Лейбницевыхъ живыхъ *монадъ*, носящихъ въ себѣ источникъ духовныхъ и физическихъ силъ.

Но это основное подраздѣленіе не исчерпываетъ другихъ

важныхъ подраздѣленій массоваго общественнаго процесса: на семьи, сельскія и городскія общины, сословія, торговыя и трудовыя товарищества и артели и прочія болѣе или менѣе изолированныя мелкія общественныя группы, соединяющіяся во имя опредѣленныхъ благотворныхъ цѣлей. Жизнь такихъ коллективныхъ изолированныхъ организацій (называемыхъ иногда «юридическими лицами») мы будемъ называть коллективнымъ психическимъ процессомъ и притомъ простымъ по отношенію къ массовому болѣе обширному общественному или государственному процессу.

Коллективные психическіе процессы, болѣе или менѣ изолированные въ силу какихъ-либо условій, представляютъ въ наукѣ о человѣкѣ великій интересъ, такъ какъ эти процессы часто бываютъ благотворными учрежденіями, кои возращаютъ, сохраняютъ и умножаютъ индивидуальныя духовно-нравственныя и физическія силы людей и ихъ благосостояніе. Поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ внутренняя жизнь коллективныхъ психическихъ процессовъ, такъ и отношеніе каждаго изъ нихъ къ остальной средѣ.

§ 37. Часто случайныя явленія даннаго изолированнаго коллективнаго психическаго процесса бываютъ независимыми по отношенію къ случайнымъ явленіямъ остальной (внѣшней) общественной среды; но тѣ же случайныя явленія, совершающіяся внутри даннаго коллективнаго психическаго процесса, нерѣдко оказываются взаимно зависимыми по отношенію другъ къ другу.

Возьмемъ, напримѣръ, наиважнѣйшую коллективную психическую организацію, а именно—семью. Явленія жизни и смерти какого-либо изъ членовъ семьи могутъ глубоко вліять на прочихъ членовъ семьи, но могутъ вовсе не зависѣть отъ хода многихъ явленій въ жизни остальныхъ семей и не вліять на нихъ.

Эти внутреннія вліянія членовъ семьи другъ на друга составляютъ часто болѣе высокое благо, чѣмъ ихъ взаимная независимость,—благо, предписываемое и нравственнымъ закономъ, устанавливающимъ семейный бытъ для разумнаго воспитанія младшихъ членовъ семьи посредствомъ благотворнаго вліянія на нихъ старшихъ членовъ. Это благотворное вліяніе хорошей семьи

уже съ момента рожденія человѣка создаетъ въ его духовно-нравственныхъ и физическихъ силахъ фундаментъ для будущей личной благотворной свободы. Поэтому очень часто разложеженіе семейнаго быта фатально ведетъ къ физическому и нравственному одичанію младшей части семьи.

Численный статистическій методъ на основаніи указанной въ главѣ I (§ 9) схемы можетъ, опираясь на теорему Якова Бернулли, эмпирически изучать (въ приближенныхъ числовыхъ оцѣнкахъ) вѣроятности массовыхъ случайныхъ явленій въ стаціонарномъ массовомъ общественномъ процессѣ и даже иногда можетъ получать *числовыя величины стаціонарныхъ вліяній* однихъ случайныхъ явленій на другія. Для этого необходимъ подсчетъ случайныхъ явленій вмѣстѣ съ надлежащею ихъ *классификаціей*. Такъ, на этихъ основаніяхъ можно, напримѣръ, для даннаго *однороднаго* класса семей эмпирически опредѣлить, съ одной стороны, общую вѣроятность смерти ребенка въ первый годъ его жизни и, съ другой стороны, стаціонарное вліяніе на это явленіе потери возможности питаться материнскимъ молокомъ (вслѣдствіе болѣзни, смерти или отлучки матери). При этомъ эмпирическое полученіе общей для указаннаго класса семей вѣроятности смерти ребенка въ годовой срокъ отъ рожденія требуетъ подсчета всѣхъ рожденій въ періодъ стаціонарности массоваго общественнаго процесса и всѣхъ смертей рожденныхъ, кои не дожили до полнаго года. А при оцѣнкѣ стаціонарнаго вліянія потери возможности питаться материнскимъ молокомъ нужно, сверхъ того, выдѣлить и подсчитать всѣхъ тѣхъ рожденныхъ, кои жили подъ вліяніемъ этой случайности, и изъ числа ихъ опредѣлить итогъ умершихъ до истеченія годового срока. Такой подсчетъ дастъ возможность опредѣлить эмпирически искомую вѣроятность смерти ребенка, жившаго при отсутствіи возможности питаться материнскимъ молокомъ.

Зная (въ приближенныхъ оцѣнкахъ) эту послѣднюю вѣроятность и вышеуказанную общую вѣроятность смерти ребенка на первомъ году жизни, можемъ сопоставить эти двѣ вѣроятности и по указаннымъ въ главѣ I формуламъ найти числовую величину степени стаціонарнаго вліянія потери возможности

питаться материнскимъ молокомъ на смерть ребенка въ первый годъ его существованія.

§ 38. Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему развитію указанныхъ въ главѣ IV логическихъ основаній *точной* индуктивной *науки о свободѣ*, подраздѣляя свободу на благотворную и неблаготворную сообразно категоріи нравственнаго и гражданскаго законовъ.

Данный коллективный изолированный и объединенный какими-либо связями психическій процессъ въ своихъ дѣйствіяхъ проявляетъ свою *коллективную свободную волю*, которая представляетъ равнодѣйствующую всѣхъ морально-интеллектуальныхъ силъ, составляющихъ психику этого процесса и выбирающихъ то или другое дѣйствіе по мотивамъ. Эта свободная воля въ ея нестѣсненныхъ проявленіяхъ обезпечиваетъ независимость такихъ коллективныхъ проявленій относительно хода явленій въ прочихъ простыхъ процессахъ. Поэтому къ коллективной свободной волѣ примѣнимы разсужденія, подобныя тѣмъ, кои указаны въ гл. IV (§ 22) по отношенію къ индивидуальной свободной волѣ. Эти разсужденія приводятъ къ слѣдующему обобщенному закону.

Точный законъ о массовой нестѣсненной дѣятельности индивидуальной свободной воли, указанный въ главѣ IV (§ 22), распространяется на массовую нестѣсненную дѣятельность коллективной свободной воли изолированныхъ психическихъ процессовъ.

Этотъ точный свободный законъ составляетъ дальнѣйшую основу науки о благотворной свободѣ.

Въ массовомъ процессѣ человѣчества возникаютъ, къ сожаленію, изолированные коллективные психическіе процессы съ цѣлями зловредными: шайки и скопы. Эти процессы въ массовомъ свободонравственномъ общественномъ процессѣ не допустимы, какъ разлагающія эту общественную жизнь, и требуютъ неуклоннаго преслѣдованія.

§ 39. Точный общій законъ о нестѣсненной дѣятельности свободной воли (какъ индивидуальной, такъ и коллективной), всюду примѣнимый, гдѣ выполнены его условія, допускаетъ

еще одно распространеніе: онъ примѣнимъ не только къ полному объему нестѣсненной дѣятельности свободной воли, но и къ *отдѣльнымъ родамъ* этой дѣятельности. Иначе говоря, указанный *общій* законъ распадается на *частные* точные свободные законы, соотвѣтствующіе *различнымъ родамъ* нестѣсненной дѣятельности свободной воли. Такъ, подраздѣленію проявленій дѣятельности свободной воли по отношенію къ разнымъ родамъ преступленій соотвѣтствуютъ частные точные свободные законы, касающіеся этихъ преступныхъ дѣйствій.

Статистическое наблюденіе, какъ мы знаемъ (гл. IV, § 23), подтверждаетъ индуктивно и эти частные законы. При этомъ статистическій методъ, соединенный съ *классификаціей* какъ особей, проявляющихъ нестѣсненную дѣятельность свободной воли при однородныхъ условіяхъ, такъ и родовъ этой дѣятельности, даетъ возможность индуктивно опредѣлять (по теоремѣ Якова Бернулли) вѣроятности отдѣльныхъ случайныхъ явленій, принадлежащихъ къ нестѣсненной дѣятельности свободной воли особей каждаго класса. Эти вѣроятности назовемъ *числовыми характеристиками*. Въ нихъ отражаются условія массоваго процесса и свойства индивидуальностей. Полученіе ихъ составляетъ одну изъ задачъ численнаго статистическаго метода. Эти числовыя характеристики относятся къ регулярному массовому процессу и могутъ служить для предсказанія будущихъ итоговъ соотвѣтствующихъ родовъ массовыхъ независимыхъ случайныхъ явленій, пока массовый общественный процессъ остается стаціонарнымъ.

§ 40. Всѣ вышеизложенные свободные точные законы и выводы относятся къ стаціонарному массовому процессу. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію *нестаціонарнаго* массоваго свободонравственнаго общественнаго процесса.

При этомъ разсмотрѣніи полезно прибѣгать къ понятію о *сферахъ* нестѣсненной дѣятельности свободной воли. Подъ этою сферою разумѣется вся *возможная* совокупность дѣйствій, въ выборѣ которыхъ свободная воля не стѣснена и имѣетъ рѣшающее значеніе. Въ рабскомъ (матеріалистическомъ) процессѣ эта сфера уничтожается вполнѣ. Существованіе этой сферы есть

основной признакъ свободнаго массоваго процесса. Каждое лицо (и въ томъ числѣ лицо коллективное) имѣетъ свою *общую* сферу нестѣсненной дѣятельности свободной воли, зависящую отъ его личныхъ силъ и окружающей среды. Но эта общая сфера, какъ мы выше видѣли, распадается на *частныя* по родамъ и видамъ возможной нестѣсненной дѣятельности свободной воли. Указанные точные законы о массовой нестѣсненной дѣятельности свободной воли въ стаціонарномъ массовомъ процессѣ пріурочиваются къ этимъ сферамъ.

Каждая частная или общая сфера нестѣсненной дѣятельности свободной воли зависитъ не только отъ *внутреннихъ* психическихъ силъ каждаго лица (не исключая лица коллективнаго), но и отъ *внѣшнихъ* условій. Ея размѣръ и характеръ, поэтому, измѣняется въ *нестаціонарномъ* массовомъ процессѣ. Задача науки о свободѣ расширяется изслѣдованіемъ вліянія измѣняющихся условій этого нестаціонарнаго процесса на каждую частную сферу и на общую сферу нестѣсненной дѣятельности свободной воли.

Не слѣдуетъ думать, что нестаціонарныя вліянія, понятіе о которыхъ дано въ главѣ I (§ 4), перерождаютъ лишь сферы стаціонарной независимости дѣятельности свободной воли. Эти нестаціонарныя вліянія перерождаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и стаціонарныя вліянія или зависимости. Эти послѣдствія нестаціонарныхъ вліяній также должно имѣть въ виду, какъ весьма важныя, измѣняющія стаціонарное состояніе массоваго процесса.

Для эмпирическаго изученія *нестаціонарнаго вліянія* измѣненій каждаго отдѣльнаго условія массоваго нестаціонарнаго процесса необходимы: 1) соотвѣтствующая *лѣствица*, характеризующая стадіи этихъ измѣненій, и 2) параллельное статистическое наблюденіе какъ этихъ измѣненій, такъ и соотвѣтствующихъ имъ послѣдствій.

Иногда эти измѣненія имѣютъ количественный характеръ, и въ такомъ случаѣ лѣствица выражается посредствомъ перемѣннаго числа. Но во многихъ случаяхъ лѣствица не имѣетъ количественнаго характера, и тогда она состоитъ изъ ряда или цѣпи различныхъ понятій, которыми отмѣчаются перемѣны въ

состояніи измѣняющагося условія массоваго нестаціонарнаго процесса. Такъ, уголовная кара за предумышленное убійство съ цѣлями грабежа въ законодательствѣ можетъ измѣняться съ теченіемъ времени по степени ея строгости, и эти степени составляютъ лѣствицу, зависящую отъ времени и характеризующую метаморфозы стаціонарнаго состоянія по отношенію къ этимъ преступнымъ дѣйствіямъ.

Всѣ такія лѣствицы въ сложномъ массовомъ общественномъ процессѣ весьма разнообразны по ихъ роду и значенію. Если удается выдѣлить вліяніе, соотвѣтствующее измѣненіямъ по одной только лѣствицѣ, то изученіе этого вліянія очень упрощается, такъ какъ приходится имѣть дѣло съ *однимъ* неизвѣстнымъ. Но чаще приходится имѣть дѣло со *многими* лѣствицами, т. е. раскрывать наблюденіями и соотвѣтствующими уравненіями свойства многихъ неизвѣстныхъ вліяній.

Измѣненія условій массоваго нестаціонарнаго процесса происходятъ по этимъ лѣствицамъ и существеннымъ образомъ вліяютъ на характеръ и величину стаціонарныхъ зависимостей (вліяній) и на сферы нестѣсненной дѣятельности свободной воли различныхъ лицъ. Подъ вліяніемъ этихъ измѣненій случайныя явленія, которыя были взаимно независимыми, могутъ сдѣлаться стаціонарно зависимыми (т. е. выйдутъ изъ сферы нестѣсненной дѣятельности свободной воли), а другія случайныя явленія, взаимно зависимыя, могутъ сдѣлаться стаціонарно независимыми. Сверхъ того, иныя случайныя независимыя явленія могутъ остаться таковыми и послѣ измѣненія условій, но вѣроятности ихъ и, слѣдовательно, характеръ ихъ взаимныхъ стаціонарныхъ отношеній могутъ измѣниться, что неизбѣжно отразится на общихъ итогахъ соотвѣтствующихъ массовыхъ явленій.

Въ этихъ измѣненіяхъ часто устанавливается особенное взаимодѣйствіе между свободой благотворной и свободой неблаготворной. Измѣненіе, напримѣръ, уголовной кары за убійство, не уничтожитъ, конечно, сферы нестѣсненной преступной дѣятельности злой свободной воли; но это измѣненіе непремѣнно отразится на вѣроятности убійства, а при неумолимой точности законовъ массовыхъ независимыхъ случайныхъ явленій это

измѣненіе фатально отразится и на общемъ итогѣ убійствъ. При этомъ сфера той свободной дѣятельности, которая требуетъ безопасности жизни и страдаетъ отъ убійствъ, также измѣнится въ соотвѣтствующую сторону. Эта взаимная связь свободы благотворной и свободы неблаготворной, т. е. уменьшеніе одной на счетъ другой, въ массовомъ процессѣ давно замѣчена юристами, а указанный въ главѣ IV точный законъ подтверждаетъ неизбѣжность роковыхъ послѣдствій этого взаимодѣйствія.

Вообще наука о свободѣ можетъ по вышеуказанному плану широко пользоваться *эмпирическимъ* изученіемъ вліяній въ нестаціонарномъ процессѣ, опираясь на точную апріорную логическую схему (подражая Кеплеру). Полученные такимъ образомъ законы будутъ эмпирическіе и притомъ не призрачные, если только точная логика и по отношенію къ *нестаціонарному* состоянію массоваго общественнаго процесса предвидитъ по какимъ-либо несомнѣннымъ основаніямъ возможность полученія также *точныхъ* законовъ.

Тѣ лѣствицы, которыми приходится пользоваться для изученія одного и того же нестаціонарнаго массоваго процесса, назовемъ *генетическими*. Но исторія, стремясь постигнуть общіе міровые законы человѣческой жизни, не отказывается отъ лѣствицъ *сравнительныхъ*, въ которыхъ сопоставляются вліянія силъ въ *различныхъ* массовыхъ процессахъ, совершающихся въ историческихъ судьбахъ разныхъ государствъ и народовъ. Такое сравненіе сдѣлается возможнымъ, если различныя нестаціонарныя вліянія, соотвѣтствующія вышеуказаннымъ генетическимъ лѣствицамъ, будутъ посредствомъ математическаго анализа расчленены и каждый вліяющій принципъ будетъ выдѣленъ и выясненъ такъ, какъ въ механикѣ расчленяются и выдѣляются совмѣстно дѣйствующія различныя силы и сравниваются потомъ по ихъ родамъ и напряженію для различныхъ механическихъ системъ. По выдѣленіи каждаго вышеуказаннаго вліяющаго принципа для каждаго массоваго процесса, можно будетъ затѣмъ сравнить дѣйствіе этого принципа въ разныхъ массовыхъ процессахъ, прибѣгая къ сравнительнымъ лѣствицамъ. Это сравненіе можетъ дать общіе исто-

рическіе законы, примѣнимые къ любому народу въ его массовой жизни. Какъ ни трудна задача полученія такихъ законовъ, но точная логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности не можетъ отказаться отъ попытокъ рѣшенія также и этой задачи.

§ 41. Сравненіе пережитыхъ разными народами и государствами историческихъ явленій, дѣлаемое съ цѣлью уясненія общихъ законовъ исторіи, уже и теперь возможно и часто наводитъ если не на точные законы, то на многія полезныя и важныя соображенія о различныхъ сторонахъ гражданской жизни, объ ея *прогрессѣ* и объ ея *реформахъ*. Эти соображенія, опираясь на умозрѣніе, на фактическій матеріалъ общей исторіи народовъ и на тщательнѣйшее изученіе самой реформируемой жизни, могутъ подсказать здравому смыслу черты логической схемы, по которой та или другая полезная реформа можетъ быть осуществлена. Попробуемъ, напримѣръ, намѣтить нѣкоторыя черты той реформы, которою народы часто увлекаются и обольщаются,— реформы благотворной свободы.

При обсужденіи логики этой реформы нужно уяснить различіе во взглядахъ на понятіе о благотворной свободѣ, которая имѣетъ столь важное значеніе въ реформахъ гражданской жизни.

При разборѣ этихъ взглядовъ будемъ различать два понятія о свободѣ. Одному понятію о гражданской свободѣ соотвѣтствуетъ *конкретная* свобода, которая слагается исторически, опирается на постепенно накопившіяся силы, хранящіяся въ унаслѣдованныхъ предписаніяхъ нравственнаго и гражданскаго законовъ, въ привычкахъ, традиціяхъ, естественныхъ условіяхъ окружающей среды и пр. Другому понятію о гражданской свободѣ соотвѣтствуетъ *отвлеченная* свобода, понятіе о которой сложилось въ стройную по внѣшности и увлекательную систему въ умахъ философовъ XVIII вѣка (Руссо и другихъ) и которая во имя предполагаемаго блага народовъ насаждалась иногда съ большими насиліями надъ конкретною дѣйствительностію.

Точная индуктивная наука о свободѣ стремится постигнуть свободу конкретную. Къ этой цѣли направлена какъ апріорная

логическая схема, указанная въ главѣ I, такъ и весь планъ наблюденія. При этомъ представленія о конкретной свободѣ въ данномъ массовомъ общественномъ процессѣ слагаются въ познающемъ умѣ помощію слѣдующихъ соображеній. Достовѣрныя данныя, указанныя въ логической схемѣ (глава I, § 9) и добываемыя наблюденіемъ, даютъ возможность не только выдѣлить въ особую группу случайныя явленія, но и отдѣлить тѣ изъ нихъ, кои оказываются взаимно независимыми. Конкретная свобода поддерживается тою частью этихъ данныхъ условій, благодаря которой существуетъ *независимость случайныхъ явленій*.

Выдѣляя эту часть условій стаціонарнаго массоваго процесса, мы должны пересмотрѣть всѣ данныя обстоятельства и спросить себя, какія изъ этихъ обстоятельствъ содѣйствуютъ осуществленію взаимной независимости изучаемыхъ случайныхъ явленій и, наоборотъ, какія содѣйствуютъ нарушенію этой независимости.

Тѣ обстоятельства, которыя поддерживаютъ независимость изучаемыхъ массовыхъ случайныхъ явленій, назовемъ причинами, *благопріятствующими* этой независимости, а также *благопріятствующими* регулярности соотвѣтствующаго массоваго процесса относительно разсматриваемыхъ случайныхъ явленій. Противоположно дѣйствующія обстоятельства назовемъ причинами, *неблагопріятствующими* регулярности массоваго процесса относительно даннаго рода случайныхъ явленій.

Такою группировкою данныхъ обстоятельствъ, пріуроченною къ живымъ организаціямъ, познающій умъ выяснитъ всѣ факторы, содѣйствующіе и противодѣйствующіе благотворной свободѣ каждаго лица (индивидуальнаго и коллективнаго). Эти факторы принадлежатъ частію къ морально-интеллектуальнымъ вліяніямъ и силамъ, хранящимся въ нравственной и гражданской дисциплинѣ, частію къ причинамъ и силамъ внѣшнимъ.

Полезно замѣтить, что это подраздѣленіе обстоятельствъ на благопріятствующія и неблагопріятствующія конкретной свободѣ связано съ тѣми условіями, кои болѣе или менѣе содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ *изолированности* разсматриваемыхъ отдѣльныхъ простыхъ психическихъ процессовъ. Если такая изоли-

рованность въ дѣйствительности существуетъ, опираясь на нѣкоторыя поддерживающія ее вліянія и причины (изоляторы), то всегда найдется въ массовомъ процессѣ группа взаимно независимыхъ (или почти независимыхъ) случайныхъ явленій. Эти *изоляторы* суть спутники свободы. По отношенію къ особи или къ группѣ особей, пользующихся свободою, эти изоляторы есть благо; а по отношенію къ посягающимъ на эту свободу изоляторы суть *стѣсненія*. Такимъ образомъ, во всякомъ элементѣ конкретной гражданской свободы *необходимъ спутникъ, ее охраняющій: стѣсненіе, выражающееся въ нравственной и гражданской дисциплинѣ и въ другихъ условіяхъ*.

Эти изоляторы не эфемерны, какъ отвлеченная идея, а зиждутся на *силовыхъ* морально-интеллектуальныхъ и физическихъ рессурсахъ. Поэтому *отвлеченная* идея свободы, т. е. не претворенная въ живую часть общественной души, не создаетъ конкретной благотворной свободы, и воспринятію этой благой, но внѣшней идеи, чуждой настроенію общественной среды, встрѣчается въ конкретной дѣйствительности много живыхъ препятствій въ виду того, что такая идея, вліяя на изоляторы, можетъ посягать на конкретную свободу одного въ пользу другого, и, слѣдовательно, возжигать страстную общественную борьбу.

Вообще познаніе конкретной свободы ищетъ въ достовѣрныхъ обстоятельствахъ тѣхъ жизненныхъ фундаментовъ, на которыхъ она покоится.

Постигшій эту конкретную свободу легко пойметъ, почему попытки насажденія отвлеченной свободы посредствомъ реформы по шаблону *Руссо* (Contrat Social) во множествѣ случаевъ порождаютъ жестокія практическія коллизіи, превращающія эту отвлеченную, по идеѣ благотворную, свободу въ химерическую. Эта ломка, упраздняющая конкретную благотворную свободу и ставящая на ея мѣсто лишь идеи безъ достаточнаго фонда въ окружающихъ условіяхъ, необходимаго для укрѣпленія этихъ идей въ жизни, болѣзнетворна во всѣхъ отношеніяхъ. Благотворную свободу даннаго отвлеченнаго шаблона, хотя бы самаго увлекательнаго по замыслу, даже при отсутствіи живыхъ препятствій нельзя создать *безъ наличности*

конкретныхъ силъ, ее усвоившихъ и претворившихъ во *внутреннія* организующія морально-интеллектуальныя силы (см. выше). Но принесенная извнѣ, такая свобода, какъ выше сказано, встрѣчаетъ еще болѣе препятствій, такъ какъ она хочетъ сѣсть часто не на пустое мѣсто, а на занятое: она вызываетъ въ организмѣ общественномъ *противодѣйствіе* защитниковъ старой свободы. Это усиливаетъ еще болѣе болѣзненный процессъ. Являются паразитическіе элементы, которымъ прежнія черты, опредѣлявшія контуры индивидуальной и коллективной свободы, мѣшали поживиться предѣлами чужой свободы. Возникаютъ анархическія утопіи, направленныя противъ всякихъ изоляторовъ-спутниковъ свободы, какъ противъ излишнихъ стѣсненій. Фанатики разносятъ эти утопіи. Паразиты тѣмъ временемъ пользуются простодушіемъ обольщенныхъ гражданъ, вѣрящихъ болтунамъ и плутамъ, и взбираются на плечи гражданъ. Затѣмъ наступаетъ вскрытіе обмана, разочарованіе и реакція. Организмъ общественный приходитъ въ глубокое разстройство, переживаетъ колебанія, а можетъ и совсѣмъ потерять жизнеспособность, присоединившись къ потерявшимъ независимость общественнымъ группамъ, поглощеннымъ другими сообществами, болѣе здоровыми. Вотъ почему отвлеченная свобода, вышедшая изъ головы Руссо и увлекшая французское общество, практически создала на ея родинѣ нескончаемый рядъ насилій въ видѣ не только революцій, но и контръ-революцій или реакцій, выступающихъ обыкновенно съ противоположными отвлеченностями. Борьба отвлеченностей держитъ въ тискахъ духовно-нравственныя силы и не даетъ имъ развернуться во весь ростъ.

Эти разлады и колебанія, вызываемыя борьбою отвлеченныхъ понятій о свободѣ съ конкретною дѣйствительностію, составляютъ несчастіе тѣхъ человѣческихъ сообществъ, въ которыхъ они совершаются, — несчастіе потому, что они умножаютъ неблагополучіе и задерживаютъ поступательное благотворное развитіе свободонравственнаго общественнаго процесса. Такое несчастіе могутъ стараться привить народу лишь его враги, опираясь на паразитическія и утопическія части народной массы.

§ 42. Можно ли избѣжать этихъ колебаній? Можно, если только здравый смыслъ гражданъ умѣетъ постигнуть недостатки отвлеченной свободы и цѣну конкретной благотворной свободы и притомъ умѣетъ изъ той и другой образовать въ своей психикѣ благоразумное соединеніе, повышающее цѣну конкретной свободы возможнымъ развитіемъ ея совершенствъ въ сторону идеализма.

Такое благоразумное соединеніе конкретныхъ и отвлеченныхъ началъ благотворной свободы можно назвать *идеально-реальною* благотворною свободою. Начало этой свободы заложено въ жизни каждаго изъ великихъ народовъ и при реформѣ ея требуетъ осторожнаго къ ней отношенія. Русская жизнь, напримѣръ, содержитъ въ своемъ историческомъ фундаментѣ это прочное начало, способное противостать вышеуказаннымъ колебаніямъ и создать условія нравственнаго постепеннаго развитія благотворной свободы. Надежность этого начала всякій разъ подтверждалась, когда оно дѣлалось руководящимъ въ практическихъ мѣропріятіяхъ.

Эти соображенія и индукціи подсказываютъ, что реформа благотворной свободы должна совершаться въ идеально-реальномъ направленіи (см. гл. IV, § 25).

Этимъ предрѣшается логическая схема реформы благотворной свободы въ различныхъ группахъ человѣчества.

Реформа, развивающая идеально-реальную благотворную свободу, проводимую путемъ гражданскаго законодательства, не ломаетъ и не насилуетъ историческихъ условій, охраняетъ старую благотворную свободу, т. е. поддерживающіе ее изоляторы и фундаменты, такъ что свойственные народу благотворные изолированные психическіе процессы (индивидуальные и коллективные) поддерживаются въ ихъ унаслѣдованной отъ прошлаго формѣ. Оберегая старую благотворную свободу каждаго такого психическаго процесса въ его предѣлахъ отъ незаконныхъ посягательствъ, упомянутая реформа содѣйствуетъ возможному усовершенствованію этой свободы на счетъ поднятія внутреннихъ благотворныхъ морально-интеллектуальныхъ силъ, а также на счетъ силъ природы и стѣсненія свободы неблаготворной.

Въ общемъ идеально-реальная благотворная свобода поддерживается и развивается такимъ гражданскимъ законодательствомъ, которое стремится взять массовую конкретную благотворную свободу, какъ она есть, и поднять ее, *по возможности*, по всѣмъ лѣствицамъ въ сторону усовершенствованія, опираясь въ этомъ подъемѣ не на химерическіе двигатели, похожіе на perpetuum mobile, а на опредѣленные благотворно вліяющіе силовые рессурсы, внутренніе и внѣшніе.

Этотъ правильный поступательный процессъ усовершенствованія гражданской жизни познается трезвымъ здравымъ смысломъ, которому можетъ помочь точная индуктивная наука, изслѣдующая при помощи точной логики конкретную идеально-реальную благотворную свободу и законы ея развитія.

§ 43. Очевидно, идеально-реальная благотворная свобода всякаго великаго народа, создавшаго свою гражданственность, должна имѣть нѣкоторыя общечеловѣческія черты, утверждающія принципъ свободы на основѣ высшихъ духовно-нравственныхъ идеаловъ. Но кромѣ этихъ общечеловѣческихъ принциповъ все остальное должно быть взято жизнеспособною реформою изъ конкретной благотворной свободы даннаго народа и должно быть *различнымъ* у разныхъ народовъ (*народнымъ* или *національнымъ*). Это различіе соотвѣтствуетъ конкретной разности условій и характеровъ народовъ.

Такимъ образомъ, напримѣръ, гражданская свобода, выработанная англійскимъ народомъ, этимъ обитателемъ острововъ, должна быть иная, нежели гражданская свобода, выработанная великимъ русскимъ народомъ, обитателемъ обширныхъ континентальныхъ равнинъ и степей. Если при этомъ сравнивать свободу англійскую и свободу русскую, оцѣнивая англійскую и русскую сферы нестѣсненной дѣятельности свободной воли, то едва ли русская гражданская благотворная свобода окажется у́же англійской; но обѣ эти сферы различны по способу сочетанія въ каждомъ гражданскомъ элементѣ того и другого народа свободы съ ея неизбѣжнымъ спутникомъ, т. е. стѣсненіемъ. Этого не надо терять изъ вида, помня при подобныхъ сравненіяхъ свободы разныхъ народовъ, что каждая благотворная гражданская

свобода зиждется на неумолимыхъ стѣсненіяхъ, составляющихъ гражданскую дисциплину, и что заимствованіе конкретной благотворной свободы, но чужой, должно соединяться съ позаимствованіемъ и стѣсненій, т. е. изоляторовъ или фундаментовъ, на которыхъ зиждется чужая благотворная свобода.

Но такое внѣшнее позаимствованіе опять приведетъ къ химерической свободѣ. Поэтому всякій великій народъ долженъ развивать *свою* національную идеально-реальную благотворную свободу. Вотъ почему, между прочимъ, славянофилы такъ убѣжденно и проникновенно защищали три столпа русской идеально-реальной благотворной свободы: Православіе, Самодержавіе и Народность. Вотъ почему такъ консервативны англійскія и германскія понятія о свободѣ.

Отрицательною стороною національной идеи является борьба народовъ. Въ международной борьбѣ государствъ каждому изъ нихъ приходится противостоять стремленію прочихъ вторгнуться въ границы его свободы. Отвлеченный идеализмъ и здѣсь создалъ неподтверждаемую индукціей *космополитическую* идею, т. е. вѣру въ возможность идеальнаго братства народовъ, живущихъ въ мирѣ и любви. Эта идея увлекательна, но практически она часто служитъ средствомъ, чтобы, обольстивъ ею, безъ выстрѣла овладѣть предѣлами чужой свободы. При этомъ позади отвлеченнаго космополитизма идетъ реальный матеріалистическій космополитизмъ въ формѣ чудовищнаго по притязательности капитала. Здравомыслящіе народы должны относится осторожно къ космополитической идеѣ, опасаясь отвлеченности, опираясь на конкретную дѣйствительность и противопоставляя трезвое слово увлеченной рѣчи и бронированный кулакъ поползновеніямъ посягнуть на чуждую сферу свободной дѣятельности. Непротивленіе такимъ поползновеніямъ часто есть бо́льшее зло, чѣмъ война, ибо конкретнымъ результатомъ его часто бываетъ попущеніе бо́льшаго истребленія человѣческихъ жизней, чѣмъ то, которое наносится войною.

Если отвлеченно-идеальное братство народовъ есть химера, не имѣющая подъ собою силового фундамента, то для идеально-реальнаго братства племенъ возможно найти конкрет-

ную силу, способную болѣе или менѣе объединить племена Эта психическая сила—коллективная, которая заключена въ морально-интеллектуальныхъ и физическихъ силахъ данной конкретной *націи,* создавшей то или другое государство, объединяющее племена. Отъ размѣра и качества организующихъ силъ націи зависитъ успѣхъ этого объединенія, которое встрѣчаетъ въ разноплеменномъ государствѣ противодѣйствіе со стороны разлагающихъ силъ.

Эти великіе племенные вопросы государствъ, объединившихъ разнородный племенной составъ, опять лучше всего рѣшаются на основѣ идеально-реальной благотворной свободы, способной къ реформѣ, но дающей отпоръ иллюзіямъ и поползновеніямъ. Точная индуктивная наука о благотворной свободѣ и здѣсь помогаетъ трезвому сужденію.

ГЛАВА VII.

Недавніе труды русскихъ теологовъ, философовъ и ученыхъ по вопросу о свободѣ воли. Описаніе свойствъ свободной воли, какъ основной силы, дѣйствующей въ массовомъ свободонравственномъ общественномъ процессѣ. Постулаты, опредѣляющіе характеръ этой силы. Нѣкоторыя заключенія относительно массоваго общественнаго процесса, вытекающія изъ свойствъ этой силы.

§ 44. Важнѣйшая изъ морально-интеллектуальныхъ силъ, представляющая, равнодѣйствующую всѣхъ психическихъ силъ человѣка, есть *свободная воля*. Оцѣнка роли и характера этой силы необходима по отношенію къ вопросамъ практическимъ, съ которыми встрѣчаются и педагогъ, и судья, и администраторъ, и вообще всѣ лица, имѣющія дѣло съ тѣми или другими проявленіями свободной воли. Свойства этой силы необходимо постигнуть по возможности болѣе полно для изучающаго или переживающаго практически ея индивидуальныя и коллективныя рѣшенія.

Значеніе этой великой силы, какъ мы видѣли, теоретическою схемою Кетле и особенно позитивною логикою было такъ затемнено, что не только противники ученія о свободной волѣ, но и защитники этого ученія умалили великую роль свободной воли, какъ міровой силы. Съ такимъ положеніемъ ученія о свободной волѣ не могли, конечно, примириться многіе философы и истинные моралисты и хотя не сумѣли найти ошибки Кетле, но достаточно выяснили въ своей горячей защитѣ ученія о свободной волѣ его существенныя стороны, освободивъ это

ученіе отъ схоластическихъ и позитивистскихъ промаховъ и опредѣливъ точнѣе характеръ дѣятельности свободной воли.

Въ этомъ упорядоченіи ученія о свободной волѣ, между прочимъ, приняли самое живое участіе представители русской науки и философіи. Нравственный складъ русскаго міровоззрѣнія не могъ помириться съ неустойчивостью идеи о свободѣ воли. Не одна только церковная литература, давшая въ жизнеописаніяхъ свв. подвижниковъ и подвижницъ великіе реальные образцы видимаго проявленія свободнаго духа, незыблемо утверждала эту идею. И не славянофильская только школа, глубоко проникнутая страстнымъ желаніемъ научно-философскаго обоснованія нравственнаго міросозерцанія, которое заложено въ религіозныхъ вѣрованіяхъ русскаго народа, требовала духовной свободы. Великіе русскіе писатели, давшіе образцы глубочайшаго анализа нравственныхъ состояній душъ изображаемыхъ ими героевъ и героинь, искали той же свободы. Выдающіеся русскіе педагоги (императрица *Екатерина Великая*, начертавшая планъ воспитанія царственныхъ внуковъ и руководившая имъ, *Пироговъ*, *Ушинскій*, *Рачинскій* и пр.), искавшіе правильныхъ основъ для достиженія своихъ задачъ, требовали опять свободы. «Идея свободы для нравственной жизни—говоритъ Ушинскій—также необходима, какъ воздухъ для дыханія». Эти поиски русской мысли за основами для свободной нравственной жизни дали у насъ толчекъ новымъ философскимъ изслѣдованіямъ о свободѣ воли, которыя выводили рѣшеніе вопроса на болѣе правильную дорогу.

Починъ выраженію болѣе правильныхъ философскихъ взглядовъ на свободу воли сдѣланъ былъ въ русской литературѣ магистерскою диссертаціей іеромонаха (нынѣ—епископа Волынскаго) *Антонія* (Храповицкаго) подъ заглавіемъ: «*Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности*» (Спб. 1887). Вопросъ этотъ вскорѣ глубоко заинтересовалъ еще молодое въ то время Московское Психологическое Общество, руководство которымъ перешло въ руки Н. Я. Грота, и этотъ живой интересъ завершился рядомъ статей и рефератовъ профессоровъ и членовъ Общества

Н. Я. Грота *), *Л. М. Лопатина* **), *Н. В. Бугаева* ***), *С. С. Корсакова* ****), *А. А. Токарскаго* *†), *П. Е. Астафьева* *††) и *Н. А. Звѣрева* *†††). Въ сужденіяхъ по вопросу о свободѣ воли принимали участіе также *В. С. Соловьевъ*, графъ *Л. Н. Толстой*, князь *С. Н. Трубецкой* и другіе представители философіи и наукъ естественныхъ, медицинскихъ, юридическихъ и историческихъ *††††). Общимъ результатомъ этого движенія философской мысли, которое оставило по себѣ глубокій слѣдъ, является, какъ мнѣ кажется, матеріалъ, достаточный для выясненія основныхъ свойствъ свободной воли. Свойства эти вмѣстѣ съ точными законами, указанными въ главахъ IV и VI (§§ 22, 23, 38 и 39), могутъ быть положены въ основу индуктивной науки, изслѣдующей моральныя явленія.

§ 45. Въ этой индуктивной наукѣ свободная воля должна трактоваться, какъ *особая психическая сила*, слагающаяся изъ всѣхъ душевныхъ силъ (сердечныхъ и умственныхъ), какъ ихъ равнодѣйствующая, и дающая внѣшнему физическому импульсу направленіе по ея выбору. Философскіе трактаты, раскрывающіе подробно ея значеніе и содержаніе, нужны въ точной индуктивной наукѣ о свободѣ настолько, насколько они даютъ ключь выраженію общихъ основныхъ положеній, характеризующихъ способъ дѣйствія этой психической силы.

---

*) *Н. Я. Гротъ:* Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. (Труды Моск. Психол. Общ. вып. III, стр. XV—XXVI, 1—96. Москва 1889).

**) *Л. М. Лопатинъ:* Вопросы о свободной волѣ. (Ibidem, стр. 97—194).

***) *Н. В. Бугаевъ:* О свободной волѣ. (Ibidem, стр. 195—218).

****) *С. С. Корсаковъ:* По вопросу о свободѣ воли. (Ibidem, стр. 221—260).

*†) *А. А. Токарскій:* Понятія воли и свободы воли. (Ibidem, стр. 261—267).

*††) *П. Е. Астафьевъ*: 1) Къ вопросу о свободѣ воли. (Ibidem, стр. 272—360). 2) Опыты о свободѣ воли. Съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. *А. И. Введенскаго*. (Русское Обозрѣніе. Москва. 1896).

*†††) *Н. А. Звѣревъ*: Къ вопросу о свободѣ воли. (Вопросы философіи и психологіи. Кн. 2, стр. 73—106. Москва. 1890).

*††††) Имена всѣхъ участниковъ этихъ сужденій указаны въ Трудахъ Психологическаго Общества (вып. III, стр. VI—VII).

Желательно формулировать эти основныя положенія въ видѣ постулатовъ, подобныхъ общимъ принципамъ дѣйствія силъ въ механикѣ и дающихъ возможность оперировать ими, какъ условіями и опредѣленіями. Эти постулаты мы попытаемся почерпнуть изъ указанныхъ выше литературныхъ источниковъ, приводя ихъ въ согласіе съ тѣми задачами, которыя мы преслѣдуемъ въ нашемъ изложеніи. Но предварительно дадимъ нѣкоторое общее описаніе природы разсматриваемой силы.

Свободная воля есть сложнѣйшая изъ психическихъ силъ. Къ ней имѣютъ тѣсное отношеніе движенія сердца и ума и психо-физіологическіе факторы.

Въ дѣятельности свободной воли играетъ важную роль *хотѣніе*, которое свойственно человѣку на ряду съ монадами низшаго ранга (гл. III, § 19) и которое развивается у человѣка въ область сложныхъ и разнообразныхъ сердечныхъ чувствованій. Моральная и эстетическая сторона связана болѣе всего съ этою сердечною стороною психики. Къ этимъ влеченіямъ въ актахъ свободной воли присоединяется интеллектуальная сторона душевныхъ силъ: не только *сознаніе* хотѣнія, но и *разумъ*, какъ психическая сила, способная ставить болѣе или менѣе *отдаленныя* цѣли и опредѣлять наиболѣе подходящія къ цѣлямъ *средства*. Такимъ образомъ въ рѣшеніяхъ своихъ свободная воля дѣйствуетъ по внутреннимъ *мотивамъ* своимъ непремѣнно при свѣтѣ сознанія и разума; въ противномъ же случаѣ (при усыпленіи, при болѣзни) эта сила перестаетъ быть свободною волею.

Дѣйствія свободной воли, слѣдовательно, не случайны, но закономѣрны по мотивамъ въ высшей степени.

Свободная воля, дѣйствуя по цѣлямъ, можетъ быть различно направлена по отношенію къ категоріи нравственнаго закона, ставящаго человѣку *высшія* цѣли, нравственно для него обязательныя. Направленіе воли въ каждомъ ея рѣшеніи оцѣнивается отношеніемъ ея къ нравственному закону: добрая воля стремится согласовать свои рѣшенія по ихъ цѣли и средствамъ съ нравственнымъ закономъ, а злая дѣйствуетъ противоположно. Въ нравственномъ мірѣ широко разлито это раздвоеніе, выражающееся въ зломъ и добромъ настроеніи свободной воли.

Физико-химикъ могъ бы сравнить вліяніе нравственнаго закона на носителей свободной воли, составляющихъ общественный организмъ, съ вліяніемъ электро-магнитнаго поля, которое намагничиваетъ элементы мягкаго желѣза различнымъ образомъ: частію положительно, частію отрицательно, а на другія тѣла дѣйствуетъ еще болѣе разнообразными способами, измѣняя физическія и химическія свойства и состоянія этихъ тѣлъ. Сходство это, однако, внѣшнее.

Воля добрая, какъ и злая, одинаково тяготѣютъ къ счастію, къ блаженству. Воля совершеннѣйшая находитъ безконечное блаженство въ разумномъ подчиненіи своихъ рѣшеній нравственному закону. Воля болѣе или менѣе злая ищетъ счастія въ болѣе или менѣе самочинномъ отношеніи къ нравственному закону: она сама себѣ создаетъ эгоистическій законъ; но, причиняя вредъ другимъ, не находитъ удовлетворенія и испытываетъ злобныя страданія, мучимая своею совѣстью.

Потенціально злая воля можетъ, внимая голосу совѣсти, перемѣнить свое направленіе путемъ послѣдовательнаго нравственнаго перерожденія. Участіе разума въ рѣшеніяхъ свободной воли есть главный изъ ключей къ исправленію дурной воли благотворнымъ на нее вліяніемъ.

Благое нравственное наставленіе есть высшая задача процесса воспитанія юной души человѣка, вступающаго въ жизнь. Этотъ процессъ совершается при самодѣятельной внутренней работѣ души, просвѣщаемой благимъ вліяніемъ воспитателей и всей воспитывающей общественной среды. Необходимо посвятить воспитываемаго въ высокія задачи нравственнаго долга и пріучать его волю повиноваться этому долгу и даже полюбить долгъ. Необходимо разумное, твердое и открытое предостереженіе и порицаніе дурному поползновенію воли воспитываемаго, но при любви къ самому воспитываемому, при возможномъ любвеобильномъ долготерпѣніи, принимающемъ въ расчетъ ростъ укрѣпляемой свободной воли. Непосильный для нея урокъ либо ведетъ къ невыполненію его и къ внутреннему нравственному разладу, либо вызываетъ недовѣріе питомца къ воспитателю и иногда оканчивается протестомъ, въ которомъ выражается прирожден-

ное стремленіе свободной воли къ защитѣ своей независимости. Это стремленіе свободной воли есть наглядное выраженіе ея *свободы*.

Признаніе этого свойства свободной воли, т. е. ея свободы, есть первая основа правильнаго нравственнаго воспитанія,— и воспитываемый долженъ видѣть это признаніе въ воспитывающемъ даже тогда, когда этой несозрѣвшей свободѣ ставится необходимое стѣсненіе. Опутываніе свободной воли воспитываемаго сѣтью призраковъ, лжи и обмановъ, какъ это дѣлается лукавыми политическими партіями а, также іезуитизмомъ, представляетъ противонравственное воспитаніе.

Часто никакіе разумные доводы не могутъ воздѣйствовать на дурную свободную волю, и въ этомъ опять наглядно выражается ея свобода. Въ такихъ случаяхъ остается еще одинъ ключъ къ воздѣйствію на нее для ея исправленія: этотъ ключъ есть воздѣйствіе справедливою *репрессіей* или *наказаніемъ* за всякое осуществленіе ею позывовъ своего низменнаго хотѣнія во вредъ другимъ. Благопріятная перемѣна въ настроеніи воли можетъ наступить благодаря именно репрессіи противъ ея злокачественныхъ проявленій. Въ этой репрессіи необходимо быть неуклоннымъ, твердымъ, точнымъ и справедливымъ, но не жестокимъ, помня, что цѣль репрессіи есть не месть за зло, а исправленіе недоброй воли и огражденіе другихъ отъ причиняемаго ею вреда.

Государства, въ которыхъ наиболѣе развита свободонравственная общественная жизнь, наиболѣе послѣдовательны во всѣхъ видахъ репрессіи недобрыхъ проявленій свободной воли. Система, напримѣръ, англійскаго воспитанія, дающая столь свободолюбивыхъ гражданъ, не отступаетъ въ своихъ школахъ и особенно въ лучшихъ школахъ даже отъ физической репрессіи для блага наказуемаго. Во всей остальной общественной жизни Англіи послѣдовательная и неуклонная репрессія противъ дурныхъ проявленій свободной воли составляетъ основу ея свободонравственной общественной и государственной жизни. Дряблая распущенность въ выполненіи справедливой репрессіи противъ неблаготворной свободы есть спутникъ

нравственнаго разложенія народовъ. Уклоненіе того, кто долженъ совершить во имя общаго блага справедливую репрессію, отъ этого долга, по эффекту дѣйствія равносильно соучастію въ соотвѣтствующихъ актахъ злой воли. Препятствующіе выполненію такой репрессіи помогаютъ актамъ злой воли, такъ какъ неумолимо ведутъ къ увеличенію въ статистическихъ таблицахъ рубрики злыхъ дѣйствій.

Въ направленіи своемъ относительно нравственнаго закона свободная воля консервативна, и тѣ коллизіи, которыя состоятъ въ перемѣнѣ этого направленія, представляютъ крупные перевороты въ жизни человѣка, которые совершаются въ его душѣ путемъ особенной внутренней борьбы, вызываемой вліяніемъ совѣсти. Тайна этихъ коллизій наименѣе доступна для познающаго ума,—тѣмъ болѣе, что въ этихъ коллизіяхъ разсудочные акты имѣютъ подчиненное значеніе, лишь констатирующее колебанія и перевороты, совершающіеся въ сердечномъ настроеніи, то просвѣтленномъ и радостномъ, то помраченномъ и злобномъ. Тайна эта должна занять свое мѣсто въ постулатахъ, опредѣляющихъ дѣйствіе свободной воли; она-то и дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе къ этой силѣ математическихъ дисциплинъ, *кромѣ теоріи вѣроятностей*.

Свободная воля, какъ сила, имѣетъ сферу, въ которой она, какъ причина, опредѣляетъ дѣйствіе независимо отъ другихъ вліяній. Сфера эта, зависящая отъ индивидуальныхъ силъ, ограничена также и въ зависимости отъ посторонихъ препятствій и вліяній. Въ этой сферѣ дѣйствіе свободной воли мы называемъ *нестѣсненнымъ*. Но дѣйствіе свободной воли, какъ вліянія, простирается и за эту сферу, внѣ которой дѣйствіе ея хотя и стѣснено, но не вполнѣ упраздняется посторонними вліяніями и причинами. Такъ, дѣйствіе родительской воли на судьбу дѣтей, сначала въ извѣстной сферѣ неограниченное и фатальное, затѣмъ болѣе или менѣе ограничивается съ наступленіемъ совершеннолѣтія дѣтей и доходитъ даже до полной независимости многихъ дѣйствій дѣтей отъ воли родителей.

Дѣйствіе свободной воли, такимъ образомъ, весьма разнообразно по *степени* вліянія: то оно является причиною, фа-

тально порождающею слѣдствіе, то оно оказываетъ лишь нѣкоторое, болѣе или мѣнѣе значительное вліяніе на подчиненное ей послѣдствіе, то, наконецъ, оно совершенно утрачиваетъ силу, т. е. подчиненное ему послѣдствіе оказывается въ сущности независящимъ отъ дѣйствія свободной воли.

Если дѣйствіе свободной воли преступное, то степень вмѣненія ей въ вину совершеннаго подъ ея вліяніемъ преступленія должно соразмѣряться, между прочимъ, со степенью вліянія ея на преступленіе.

Это разнообразіе дѣйствія свободной воли какъ по ея направленію, такъ и по напряженію (т. е. по степени вліянія), дѣлаетъ эту силу, такъ сказать, эластичною и притомъ могущественною, когда носители ея, составляющіе массовое человѣческое сообщество, подчиняютъ ее добровольно нравственному закону. Эта нравственная дисциплина, т. е. это разумное подчиненіе дѣятельности свободной воли нравственному закону, дѣлаетъ ея вліяніе *благотворнымъ*, такъ какъ такое вліяніе есть *любовь*, лежащая въ основѣ нравственной жизни, и нравственная жизнь не возможна безъ этого свободнаго самоограниченія, т. е. безъ свободной воли.

Вообще должно замѣтить, что дѣятельность свободной воли какъ во вліяніяхъ, такъ и въ независимости характеризуется рѣзкими чертами. Независимость ея отъ всякаго принужденія и полная самостоятельность въ выборѣ мотивовъ, вызывающихъ самоопредѣленіе къ дѣятельности, рѣзче всего выражаются въ духовно-нравственной области и особенно у лицъ, наиболѣе одаренныхъ сердечными чувствованіями и прозорливымъ умомъ. Эти свойства свободной воли наглядно проявляются, съ одной стороны, въ готовности свв. мучениковъ принять смерть за постигнутое чувствомъ и умомъ Божественное ученіе, а также въ разныхъ жизненныхъ подвигахъ святыхъ, въ самоотверженныхъ подвигахъ лицъ, сознательно жертвующихъ собою за отечество и за ближнихъ, а, съ другой стороны, въ разрушительныхъ дѣйствіяхъ лицъ, свободная воля которыхъ дѣлаетъ свой выборъ по мотивамъ зависти, ненависти, злобы, злобной мести и пр.

§ 46. Трактуя свободную волю, какъ силу, нужно имѣть въ виду соотношеніе ея къ прочимъ силамъ, физическимъ и метафизическимъ, о которыхъ рѣчь была выше (гл. III, § 17). Основныя свойства свободной воли въ связи съ прочими силами и съ категоріей нравственнаго закона выразимъ въ слѣдующихъ постулатахъ.

1. Кромѣ силъ физическихъ, дѣйствіе которыхъ на матерію опредѣляется ньютоніанскими тремя законами (аксіомами) о движеніи, существуютъ свойственныя живымъ особямъ силы метафизическія, дѣйствіе которыхъ характеризуется слѣдствіями другого рода.

2. Метафизическая сила, разлитая въ органической жизни, есть *хотѣніе*. Сила эта *выбирающая, распредѣляющая и размножающая*.

3. На высшей ступени органической жизни находится человѣкъ,—существо, сознающее свое «*я*» и разумно относящееся къ цѣлямъ, къ позывамъ своего хотѣнія и къ выбору наиболѣе подходящихъ средствъ. Хотѣніе, опредѣляющее дѣйствіе по разумнымъ мотивамъ, есть свободная воля.

4. Вліяніе свободной воли на различныя подлежащія ему послѣдствія бываетъ различнымъ по напряженію, числовое опредѣленіе котораго (не только по величинѣ, но и по направленію) возможно устанавливать при посредствѣ вѣроятностей, какъ указано въ главѣ I (§ 4). Это вліяніе въ нѣкоторой сферѣ бываетъ нестѣсненнымъ или рѣшающимъ, т. е. переходитъ въ *причину*, которая опредѣляетъ дѣйствіе. Эта нестѣсненная дѣятельность свободной воли подчиняется въ массовыхъ проявленіяхъ точнымъ математическимъ законамъ, указаннымъ въ главахъ IV (§ 22) и VI (§§ 38 и 39).

5. Сфера нестѣсненнаго дѣйствія свободной воли человѣка ограничена въ зависимости отъ способностей души (отъ ея интеллектуальныхъ и сердечныхъ силъ) и отъ постороннихъ условій и вліяній.

6. Подчиненіе свободной воли нравственному закону есть *любовь*, лежащая въ основѣ нравственной жизни.

7. Нравственная жизнь съ ея основными категоріями пред-

полагаетъ свободу воли и не объяснима съ матеріалистической точки зрѣнія.

8. Направленіе свободной воли въ каждомъ ея рѣшеніи оцѣнивается отношеніемъ рѣшенія къ нравственному закону: добрая воля стремится согласовать свои рѣшенія съ нравственнымъ закономъ, а злая дѣйствуетъ противоположно.

9. Направленіе свободной воли консервативно, но можетъ измѣняться, благодаря пробужденію совѣсти, вслѣдствіе особыхъ внутреннихъ переворотовъ и подъ вліяніемъ воспитанія и личнаго опыта, оставляющаго внутренній слѣдъ въ состояніяхъ совѣсти. Условія этихъ переворотовъ не всегда доступны для познающаго ума.

§ 47. Реальною сферою нравственной дѣятельности является общество, и основы человѣческаго общества можно искать лишь въ нравственномъ союзѣ. Въ томъ нравственномъ сообществѣ, въ которомъ свободная воля каждаго подчинила себя нравственному закону, благо всѣхъ составляетъ цѣль дѣятельности для каждаго. Въ такомъ идеальномъ обществѣ развиваются энергично дѣйствіемъ свободной воли всѣхъ тѣ морально - интеллектуальныя силы, которыя скрѣпляютъ общество въ одно цѣлое и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ массовый процессъ, представляемый его жизнью, вполнѣ свободнымъ по отношенію ко всѣмъ благотворнымъ проявленіямъ. Здѣсь никакой другой принципъ не соперничаетъ съ нравственнымъ принципомъ, уступая ему при встрѣчѣ дорогу. Но всѣ прочіе принципы остаются на утѣшеніе и счастье людей вездѣ, гдѣ они не противорѣчатъ нравственному принципу. Этотъ остатокъ благодатной свободы все еще великъ для разумнаго наслажденія счастьемъ свободы, которое соединяется со счастьемъ мира, любви и добра. Въ этомъ идеальномъ сообществѣ устанавливается непринужденная регулярность, такъ какъ одни явленія въ жизни каждаго лица подчиняются строгой причинности въ формѣ долга любви къ Богу и къ ближнимъ,—долга вытекающаго изъ свято чтимаго всѣми нравственнаго закона; другія же явленія жизни каждаго лица остаются совершенно независимыми по отношенію къ внѣшнимъ обстоя-

тельствамъ и подчинаются лишь внутренней причинности, т. е. самодовлѣющей природѣ лица, уподобляющагося въ этомъ отношеніи Богу; tertium non datur. Въ такомъ идеальномъ сообществѣ нѣтъ необходимости въ репрессивныхъ учрежденіяхъ, каковыми являются войско, судъ, полиція, тюрьмы, эшафоты и пр.

Но индукція не подтверждаетъ того, чтобы такой порядокъ вещей былъ возможенъ при настоящемъ нравственномъ и умственномъ состояніи человѣчества. Если бы такой порядокъ завелся въ какомъ-либо уголкѣ земли, то развѣ подъ покровомъ чьей-либо внѣшней даровой силы, его защищающей; но требованіе такой силы есть уже паразитизмъ, располагающійся пожить хорошо и удобно на чужой счетъ. Такой порядокъ вещей есть химера, — и вся ошибка въ предпосылкахъ Руссо, графа Л. Н. Толстого и другихъ защитниковъ отвлеченной свободы, мира, любви и пр. состоитъ въ предположеніи, что психика человѣчества во всѣхъ его особяхъ имѣетъ высокое совершенство, т. е. моральное и интеллектуальное состояніе человѣчества вступило уже въ благодатную фазу всеобщей внутренней дисциплины. А безъ этой внутренней дисциплины правовыя и соціальныя формы Руссо и гр. Л. Н. Толстого неизбѣжно являются причиною анархіи съ ея насиліями и злобою, не смотря на то, что эти формы проникнуты обольстительнымъ идеализмомъ.

На самомъ дѣлѣ человѣчество еще очень несовершенно, и отвлеченно - идеальный нравственный союзъ между людьми расползается, какъ дымъ.

Въ менѣе совершенномъ нравственномъ союзѣ человѣческое общество должно считаться не только съ силами моральнаго сцѣпленія, но и съ обратно-направленными внутренними силами, т. е. съ внутренними разлагающими вліяніями и причинами, которыя обусловливаются неблагопріятнымъ направленіемъ свободной воли части общества. Эти самочинно—интеллектуальныя силы часто бываютъ очень велики, имѣютъ свою жестокую дисциплину, образующую сплоченные скопы. При этомъ въ отношеніи благотворныхъ проявленій массовый общественный

процессъ перестаетъ быть самъ собою вполнѣ устойчивымъ и нуждается въ особыхъ опорахъ въ видѣ репрессивныхъ гражданскихъ учрежденій, принудительно связывающихъ вредныя проявленія худшей части общества при посредствѣ вліяній лучшей его части. Эти опоры могутъ дать благотворному массовому процессу достаточную устойчивость.

Если же коллизіи, нарушающія устойчивость благотворнаго массоваго общественнаго процесса, будутъ значительными по числу и напряженію и если сами правители и гражданскія учрежденія, призванныя противодѣйствовать внутреннимъ разлагающимъ силамъ, будутъ (какъ это случилось въ королевской Франціи въ эпоху, предшествующую революціи) состоять изъ лицъ, принадлежащихъ къ нравственно неустойчивой части общества, то эти разлагающія силы возьмутъ верхъ и вызовутъ болѣе или менѣе глубокое потрясеніе общественнаго организма.

Итакъ, свободная воля, какъ морально-интеллектуальная сила, въ массовой общественной жизни не только не «стушевывается», какъ думалъ Кетле, но является самою важною силою въ жизни человѣчества. Какъ нравственная сила, она, пожалуй, дѣйствительно стушевывается, но лишь по отношенію къ той нестойкой, неглубокой и нравственно-индифферентной части общества, которая обрисована словами: «такъ какъ ты не горячъ и не холоденъ, а только тепелъ, то имѣю тебя выплюнуть» (Апокал., гл. III, 16).

Вотъ почему всѣ правительства благоустроенныхъ государствъ заботятся о поднятіи народа, по возможности, на *наибольшую высоту* въ морально-интеллектуальномъ отношеніи. Эта часть духовно-нравственныхъ личныхъ силъ должна быть опорою политической и общественной жизни, твердою въ нравственныхъ принципахъ и неуклонною въ поддержаніи и развитіи свободы благотворной и въ стѣсненіи свободы неблаготворной.

Пока верхніе слои морально-интеллектуальной силы не деморализовались, не уклоняются отъ долга и личныхъ жертвъ, результатомъ ихъ дѣйствія и ихъ развитія въ идеально-реальномъ направленіи является стройная правильно прогрессирующая

свободонравственная гражданская жизнь. Математическая закономѣрность въ строѣ такой общественной жизни подтвердится, конечно, и a posteriori посредствомъ статистическихъ и историческихъ наблюденій. Эти наблюденія откроютъ взору наблюдателя, рядомъ съ фатальными законами природы, «божественный порядокъ» въ свободныхъ моральныхъ общественныхъ явленіяхъ, а не *слѣпой* произволъ схоластиковъ и не работу *слѣпого* механизма позитивистовъ.

Этотъ порядокъ, названный у *Кетле* соціальною физикой, дѣйствительно похожъ и на физику, но лишь по внѣшнему виду; по существу же онъ опирается не столько на физическія силы, сколько на духовныя.

Не только священникъ Зюссмильхъ, но и язычникъ Платонъ, изобразившій идеальное государство, руководимое «божественными людьми», и вообще всѣ, опирающіеся на здравый смыслъ или на точную логику науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, не могутъ не признать въ соціальной физикѣ этого сверхфизическаго порядка, обусловливаемаго невѣсомыми и неосязаемыми, но тѣмъ не менѣе могучими вліяніями нравственнаго происхожденія.

Эти вліянія, подчиненныя нравственному и гражданскому законамъ, не задѣваютъ свободы благотворной, когда эта свобода есть зрѣлый нравственный плодъ; но тѣ же вліянія являются необходимыми проводниками *любви* тамъ, гдѣ благотворная свобода еще не стала твердо на собственныя ноги, и являются также орудіемъ самоотверженной защиты свободонравственной жизни противъ ея враговъ.

9 августа 1902 г.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
V (введ.)	5 сверху	ономіи	экономіи
12	7 снизу	главы III и IV	главы IV и V
26	7 снизу	соціалогъ	соціологъ
27	5 снизу	Пуассанъ	Пуассонъ
42	12 сверху	среднихъ величинъ	вѣроятностей
84	5 сверху	пертурбарціонныя	пертурбаціонныя

МОСКОВСКАЯ
СИНОДАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

2018695355